

2016 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Богданович Н.В.

Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях 1-12

Зарубежные исследования по юридической психологии

Кох Х.

Civil Litigation in the UK: contemporary issues to ensure evidential reliability 13-25

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Сафуанов Ф.С.

Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда в Российской Федерации 26-40

Мартынова И.Р.

Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних 41-56

Шеховцова Е.С., Кабанова Т.Н., Шмакова Е.В., Попова Е.М.

Принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля (психологический аспект) 57-71

Булгыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Калинин Д.С.

Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) 72-92

Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И.

Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте 93-106

Ларин А.Н.

Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации 107-119

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Вахнина В.В.

Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях 120-127

Психология профессиональной деятельности

Лютых В.А., Коноплева И.Н.

Индивидуально-психологические особенности личности
сотрудников правоохранительных органов, осужденных
за совершение преступлений

128-141

**Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной
деятельности**

Кузнецова О.В.

Гендерные особенности правосознания у
сотрудников органов внутренних дел

142-151

Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях

Богданович Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии (bogdanovichnv@mgppu.ru)

В данной статье проведен анализ профессиональных стандартов с точки зрения сферы работы психолога с клиентами, находящимися в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях. Критериями анализа выбраны: отражение проблематики в целях профессиональной деятельности, выбор оснований для выделения профессиональных действий, направленность на определенное ведомство, выбор определенного направления деятельности психолога (профилактика, сопровождение, реабилитация). Показано, что все пять анализируемых стандартов предполагают такие ситуации, однако лишь три из них («Педагог-психолог», «Психолог в социальной сфере», «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере») раскрывают деятельность психолога, а оставшиеся («Специалист органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» и «Специалист по работе с семьей») носят скорее организаторский характер. Сделан вывод о соответствии программ подготовки специалистов, разработанных кафедрой юридической психологии и права МГППУ, требованиям профессиональных стандартов, предложены дополнения в эти программы.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, подготовка специалистов, профилактика, сопровождение, реабилитация, межведомственное взаимодействие.

Для цитаты:

Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 1-12. doi: 10.17759/psylaw.2016060201

For citation:

Bogdanovich N. V. Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.1 pp.1-12. doi: 10.17759/psylaw.2016060201

На современном этапе реформирования высшего образования все большее значение имеет разработка и внедрение профессиональных стандартов, которые представляют собой «...многофункциональный нормативный документ, определяющий требования к содержанию и условиям труда, квалификации и компетенциям специалистов в разных сферах профессиональной деятельности, изложенный в виде структурированных характеристик деятельности (трудовых функций)» [4].

Важность данных документов возрастает еще в связи с тем, что с 1 июля 2016 г. применение профстандартов работодателями станет обязательным в части требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения трудовой функции, если трудовым кодексом РФ, другими федеральными законами или иными нормативными правовыми актами РФ установлены такие требования (см.: Федеральный закон от 02.05.2015 N 122-ФЗ).

Таким образом, становится важным вопрос о том, какие новые требования выдвигают профессиональные стандарты к подготовке психологов, в частности, в сфере работы с клиентами, находящимися в юридически значимых ситуациях.

Были проанализированы следующие утвержденные стандарты: 01.002 – Педагог-психолог (психолог в сфере образования); 03.007 – Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере; 03.008 Психолог в социальной сфере; 03.009 – Специалист по работе с семьей; 03.006 – Специалист органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних [3].

Для анализа были выбраны следующие критерии: отражение проблематики юридической психологии в целях профессиональной деятельности в каждом стандарте; выбор оснований для выделения профессиональных действий, что важно для дальнейшей разработки структуры образовательной программы; направленность на определенное ведомство (или межведомственных характер стандартов), что позволяет определить круг работодателей, которых необходимо включить в разработку программ; выбор определенного направления деятельности психолога и соответствие этого направления модели специалиста, реализуемой выпускающей кафедрой.

Отражение проблематики в целях профессиональной деятельности

В этих стандартах целью профессиональной деятельности предполагается психологическая помощь несовершеннолетним, в том числе попавшим в юридически значимую ситуацию: «...несовершеннолетним обучающимся, признанным в случаях и в порядке, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, подозреваемыми, обвиняемыми или подсудимыми по уголовному делу либо являющимся потерпевшими или свидетелями преступления» («Педагог-психолог»); «...лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации (в том числе дезадаптированным лицам и девиантам;... находящимся под следствием или в учреждениях пенитенциарной системы» («Психолог в социальной сфере»); «...детям и подросткам, не имеющим постоянного места жительства, с различными видами тяжелой зависимости (алкоголизм, наркомания и другие

зависимости); ставшим жертвами домашнего, сексуального и физического насилия; несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом, условно осужденным или находящимся в пенитенциарной системе» («Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере»).

Немного в другом русле звучат цели в стандарте «Специалист органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних»: «...предотвращение нарушений, обеспечение и защита прав и законных интересов детей, их социальных и иных государственных гарантий, включая установленные в международных договорах и соглашениях с участием Российской Федерации, надзор за деятельностью опекунов и попечителей».

В стандарте «Специалист по работе с семьей» цель ставится так: «Оказание помощи разным типам семей и всесторонней поддержки семьям с детьми на основе выявления семейного неблагополучия с помощью различных технологий, разработки программы реабилитации, реинтеграции ребенка и семьи в социум, с привлечением ближайшего окружения для изменения отношений между членами семьи, оздоровления социально-психологической обстановки в семье, повышения ответственности родителей за воспитание детей», что уточняется в наименовании вида профессиональной деятельности как «...предоставление социально-психологической помощи семьям и семьям с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, кризисной ситуации, социально опасном положении», однако психологов среди перечисляемых квалификаций нет (есть только социальный работник и социальный педагог).

Во всех стандартах упоминаются категории клиентов, находящихся в трудной жизненной ситуации (стандарты «Психолог в социальной сфере», «Специалист по работе с семьей», «Педагог-психолог» (упоминается в тексте стандарта), «Специалист органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» (уточнено в обобщенных трудовых функциях)). В стандарте «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» трудная жизненная ситуация напрямую не отмечена, однако упоминаются многие типы таких ситуаций. Анализ стандартов позволил выделить следующие виды проблем клиентов (табл. 1): 1) социальная дезадаптация; 2) конфликт с законом (правонарушения); 3) положение жертв, свидетелей; 4) нахождение в рамках пенитенциарной системы; 5) аддикции; 6) бродяжничество.

Таблица 1

Категории клиентов, находящиеся в трудных жизненных ситуациях

Стандарт	Социальная дезадаптация	Право-нарушители	Жертвы, свидетели	Пени-тен-циарная система	Адди-кции	Бродяж-ничество
Педагог-психолог	обучающиеся «группы риска» ¹	да	да	-	да	-
Специалист органов опеки и попечительства	да ²	-	да ²	-	-	-
Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере	да	да	да ⁴	да	да	да
Психолог в социальной сфере	да	да	-	да	да	да
Специалист по работе с семьей	да ⁵	-	-	-	да	-

Примечания

- ¹ «Группа риска» – «...из неблагополучных семей, находящихся в состоянии посттравматического стрессового расстройства, попавших в трудную жизненную ситуацию, склонных к суициду и другим формам аутоагрессии» (стр. 22 данного стандарта).
² «для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (стр. 26 данного стандарта).
³ «международное похищение ребенка», «вовлеченных в наихудшие формы детского труда, практику торговли людьми, детскую проституцию и порнографию» (стр. 6 данного стандарта).
⁴ «пострадавшие вследствие участия в ... террористических актах»; «ставшие жертвами домашнего, сексуального и физического насилия» (стр. 1 данного стандарта).
⁵ «семейное неблагополучие» (стр. 1 данного стандарта).

Выбор оснований для выделения профессиональных действий

Если в стандарте «Педагог-психолог» профессиональные действия определены как различные деятельности (психолого-педагогическое сопровождение, экспертиза, психологическая диагностика, коррекция, консультирование, просвещение, профилактика), то в стандарте «Психолог в социальной сфере» акцент сделан на организационных моментах: подготовка межведомственных команд, организация мониторинга, оказание психологической помощи по клиентским группам (социальным группам и отдельным лицам (клиентам), попавшим в трудную жизненную ситуацию; социально уязвимым слоям населения; работникам органов и организаций социальной сферы; замещающим семьям). Отдельно выделяется функция просвещения населения, работников органов и организаций социальной сферы и разработка и реализация программ повышения психологической защищенности и предупреждения психологического неблагополучия населения, что можно обозначить как психологическую профилактику. Стандарт «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» составлен, скорее, по клиентским группам: реабилитация несовершеннолетних, трудоспособных клиентов, пожилых людей с тяжелыми хроническими заболеваниями, консультирование специалистов учреждений социальной сферы. Немного обособлена трудовая функция по организации и управлению реабилитационным случаем. В профессиональном стандарте «Специалист органа опеки и

попечительства в отношении несовершеннолетних» трудовые функции ограничиваются «обеспечением и защитой прав», «выявлением и учетом», «подготовкой материалов», «содействием оказанию помощи». В стандарте «Специалист по работе с семьей» выделяются две функции: «Деятельность по выявлению разных типов семей и семей с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации с целью оказания им помощи» и «Организация и оказание адресных социально-бытовых, медико-социальных, психолого-педагогических и социально-правовых видов помощи и поддержки разным типам семей и семьям с детьми, оценка их эффективности». Как видим, в данных стандартах функции носят скорее мониторинговый, документоведческий характер, чем психологический.

Направленность стандартов на определенное ведомство

Несмотря на замечание Т.И. Шульги, что профессиональные стандарты носят «межотраслевой характер» [5], можно заметить их яркую ведомственную направленность. Так, стандарт «Педагог-психолог» уже в самом названии имеет направленность на сферу образования. Стандарт «Психолог в социальной сфере» явно ориентирован на сферу социальной защиты, хотя в цели прописаны как помощь социально-незащищенным слоям населения, так и работа в рамках МВД, ФСИН, системы здравоохранения (помощь аддиктам и лицам с ограниченными возможностями здоровья).

Выбор определенного направления деятельности психолога

В стандарте «Педагог-психолог» воплощается такое направление деятельности, как сопровождение. Об этом свидетельствует как цель (см. выше), так и то, что психолог сосредоточивается на оказании помощи педагогу в его деятельности (см. трудовую функцию 3.1.1. Психолого-педагогическое и методическое сопровождение реализации основных и дополнительных образовательных программ). Также в этом стандарте раскрываются такие виды деятельности, как психологическая экспертиза, консультирование, коррекционно-развивающая работа, диагностика, просвещение, психопрофилактика. Последняя понимается как профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях. Рассмотрим, какие трудовые действия входят в последнюю функцию. Это выявление условий, неблагоприятно влияющих на развитие личности обучающихся, разработка рекомендаций (педагогам, учащимся), планирование и реализация превентивных мероприятий, просвещение (разъяснение необходимости применения берегающих здоровье технологий).

В данном стандарте выделяются два вида обобщенных трудовых функций, и один из них прямо посвящен оказанию психолого-педагогической помощи несовершеннолетним обучающимся, признанным в случаях и в порядке, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, подозреваемыми, обвиняемыми или подсудимыми по уголовному делу либо являющимся потерпевшими или свидетелями преступления. Но в данной деятельности предполагается меньше видов деятельности: нет экспертизы и сопровождения (наверное, поэтому этого термина и нет в названии).

В профессиональном стандарте «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» акцент сделан на помощи людям с ограниченными возможностями. Трудовая функция «социально-психологическая и социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних клиентов» включает в себя следующие виды деятельности:

- психодиагностика («Диагностика и оценка психосоциального статуса, педагогической запущенности, реабилитационного потенциала несовершеннолетнего», «Выявление и оценка ресурсов семьи, значимого для реабилитанта окружения»);
- консилиум («Составление прогноза социально-психологической и социально-педагогической реабилитации несовершеннолетнего, согласование его со специалистами реабилитационной команды, при необходимости – корректировка прогноза», «Разработка социально-психологического раздела индивидуального маршрута реабилитации и согласование его с руководителем подразделения (организатором реабилитационного случая), членами реабилитационной команды, реабилитантом и его законными представителями», «Доведение до сведения реабилитанта и (или) его законных представителей алгоритма и процедуры реализации социально-психологического и социально-педагогического разделов индивидуального маршрута реабилитации, получение письменного согласия на ведение случая»);
- консультирование реабилитанта, его законных представителей, специалистов образовательных, социозащитных и медицинских организаций, семьи, формирование группы психологической поддержки для реабилитанта и членов его семьи, в том числе с участием семей других реабилитантов.

Работа идет также по организации реабилитационной среды (больше разработано для инвалидов). Специалистом осуществляется выбор программы социокультурной реабилитации, реабилитационного досуга и обеспечение реабилитанту доступа к этим программам. За данными действиями видна некая запланированная пассивность клиента.

Зато оценка эффективности реабилитационного процесса представлена четырьмя действиями: «Мониторинг и оценка результатов социально-психологической и социально-педагогической реабилитации»; «Оценка степени риска нарушений адаптации реабилитанта и разработка рекомендаций по его сопровождению после завершения индивидуального маршрута реабилитации»; «Отслеживание динамики психосоциального статуса реабилитанта»; «Документирование хода социально-психологической и социально-педагогической реабилитации несовершеннолетнего и составление отчета по их результатам для целей аудита и передача их в соответствующие инстанции».

В сравнении с выделенными нами действиями в рамках реабилитации – 1) создание замещающей среды; 2) взаимодействие специалистов и межведомственное взаимодействие; 3) активная позиция клиента в достижении цели реабилитации; 4) оценка эффективности реабилитационного процесса – мы видим, что в стандарте лишь частично реализуется данная модель [3].

Если рассматривать стандарт «Психолог в социальной сфере», то можно заметить, что основным направлением деятельности в нем является профилактика как направление деятельности психолога, целью которого является создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам [1].

В ходе данной деятельности необходимо [2]:

- 1) работать на создание профилактической среды;
- 2) проводить мониторинг рисков и ресурсов;
- 3) выделять группы риска и проводить коррекционную работу с ней;
- 4) разработать профилактические программы, направленные на работу как с клиентами, так и с их окружением;
- 5) организовать межведомственное взаимодействие.

Сравним выделенные действия с этим стандартом.

В стандарте задана профессиональная функция «Организация мониторинга психологической безопасности и комфортности среды проживания населения». Как видим, эта функция соответствует второму пункту – разработка программы мониторинга, его проведение, анализ полученных результатов, выработка рекомендаций, оценка эффективности. Интересно, что за психологом закрепляется действие – «подготовка сообщений и публикаций для средств массовой информации (далее – СМИ) по результатам мониторинга» [3], а в умениях упоминаются интернет-форумы и информационные сети.

Все же необходимо отметить и разницу. Несмотря на употребление терминов «психологическая безопасность», «комфортность», большей частью акцент делается на «психологические риски», «факторы социальной и психологической напряженности», «минимизацию негативных явлений».

Однако есть и элементы первого пункта – создание профилактической среды. Так, психолог должен выделить психологические критерии «...соответствия среды проживания населения потребностям и возможностям людей» [3].

Дальнейшие профессиональные функции разбиты по клиентским группам. Однако большей частью в них упоминаются различные виды деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Соотнесение видов деятельности в соответствии с клиентской группой

Виды деятельности	Социальные группы и отдельные лица	Представители социально уязвимых слоев населения	Работники органов и организаций социальной сферы	Замещающие семьи
Психодиагностика	-	да	-	да
Консилиум	да	да	-	-
Консультирование	да	да	да	да

Развивающая работа	да	да	да	да
Просвещение	да	да	да	да
Сопровождение	да	да	-	да
Психологическая поддержка	да	да	да	-
Диспетчерская деятельность	да	да	-	-
Психологическая помощь	да	да	да	да

Таким образом, можно увидеть, что со всеми клиентами предполагается проводить консультирование, развивающую работу, просвещение. Причем последнему посвящено целое трудовое действие – «организация работы по созданию системы психологического просвещения населения, работников органов и организаций социальной сферы».

Видимо, психодиагностика подразумевалась, но указана только для клиентов из социально уязвимых слоев населения и замещающих семей. Можно предположить, что консилиум и диспетчерская деятельность – это возможность оказания комплексной помощи при участии смежных специалистов и психологов других ведомств.

Особый интерес представляет такой вид деятельности психолога, как психологическая поддержка. В данном стандарте он упоминается в следующем контексте: «...привлечение социального окружения клиентов к их психологической поддержке и создание специальных страничек, блогов и групп в социальной сети», «...разработка программ по использованию ресурсов социальных сетей в целях психологической поддержки клиентов», «...содействие в создании социально-психологической поддерживающей среды в окружении клиентов»; «...взаимодействие с социальным окружением клиентов с целью организации психологической поддержки и помощи в решении их жизненных проблем». Таким образом, психологическая поддержка понимается как работа с окружением клиента как в реальной, так и в виртуальной среде (см. пункт 4 выше).

Есть смысловая неопределенность в понятии «психологическая помощь». Оно встречается в следующих контекстах: «...разработка программ психологической помощи клиентам, в том числе с привлечением ресурсов из различных источников»; «.....разработка планов, согласование форм и условий оказания психологической помощи клиентам», «...оказание индивидуальной психологической помощи клиентам», «...создание информационного ресурса по психологии социальной сферы и использование его содержания в деятельности по оказанию психологической помощи клиентам», «...составление программ психологической помощи клиентам с учетом национальных, этнокультурных, конфессиональных особенностей замещающих родителей и детей, передаваемых в семьи». Можно сделать обобщение, что при использовании этого понятия часто делается акцент на организационные моменты деятельности психолога.

Что касается выделения работы группы риска и проведения с ней психокоррекции, то, с одной стороны, мы уже могли заметить, что в данном стандарте выделяются следующие категории клиентов: социально уязвимые слои населения (маргиналы, мигранты и беженцы) и замещающие семьи. Для них предусмотрено сопровождение, хотя, по нашему мнению, это, скорее, не собственно сопровождение, а уделение особого внимания этим типам клиентов. Но существует еще одно профессиональное взаимодействие: «разработка и реализация программ повышения психологической защищенности и предупреждения психологического неблагополучия населения». И именно в этом взаимодействии появляются действия по разработке и реализации психокоррекционных программ.

Межведомственное взаимодействие именно в данном стандарте стало не просто предписанным правилом, а профессиональным действием – «Подготовка межведомственных команд по оказанию психологической помощи социальным группам и отдельным лицам (клиентам)». Таким образом, психолог должен выделить основные проблемы, по которым необходимо такое взаимодействие, внести свои предложения по комплектации команды специалистов, принять участие в разработке программ. За психологом также закрепляется психологическая подготовка специалистов (среди необходимых умений – оказание психологической помощи организациям) и обучение (правда, разница между этими понятиями не уточнена), а также консультирование специалистов межведомственной команды по вопросам оказания психологической помощи клиентам. Интересно также, что психолог обязан осуществлять психологическую оценку эффективности деятельности специалистов межведомственной команды.

Таким образом, во всех профессиональных стандартах признается важность работы с клиентами, находящимися в юридически значимых ситуациях. В разных стандартах выбраны разные основания для выделения профессиональных действий (по видам деятельности, по организационным этапам, по клиентским группам и т. д.). Сделан вывод о ведомственной направленности стандартов при декларации межведомственного взаимодействия. Каждому стандарту соответствует свое направление деятельности психолога: «Педагог-психолог» – сопровождение; «Психолог в социальной сфере» – профилактика; «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» – частично реализуется реабилитация (акцент на медицинской модели). Остальные стандарты скорее направлены на организационную деятельность и лишь частично предполагают собственно работу психолога.

Однако именно стандарт «Психолог в социальной сфере» наиболее соответствует концепции психологической профилактики, разработанной сотрудниками кафедры юридической психологии и права МГППУ. Анализ данного стандарта показал, что образовательные программы требуют доработки в части развития компетенций психологической поддержки с акцентом на использовании интернет-технологий.

Литература

- 1) *Богданович Н.В.* Компетентностный подход в процессе подготовки специалистов по педагогике и психологии девиантного поведения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2014. №4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73523.shtml (дата обращения: 21.02.2016).

- 2) *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей // Итоги и перспективы реализации важнейших положений национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: сб. материалов конференции / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской. Москва: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 84–85.
- 3) *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В.* К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2909.phtml> (дата обращения: 21.02.2016).
- 4) Профессиональные стандарты [Электронный ресурс] URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=157436><http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=157436> (дата обращения: 21.02.2016).
- 5) *Шульга Т.И.* Направления кадровой политики специалистов социальной сферы (К проблеме разработки профессиональных стандартов) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №3. URL:<http://psyedu.ru/journal/2013/3/Shulga.phtml> (дата обращения: 21.02.2016).

Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations

Bogdanovich N. V., Associate Professor, Chair of Forensic Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

In this article the analysis of professional standards in terms of the scope of work of the psychologist with clients in difficult life and legal situations. The criteria of analysis chosen: reflected in professional activities, the choice of grounds for the selection of professional activities that focus on a specific Department, selection of a particular direction of activity of the psychologist (prevention, support, rehabilitation). It is shown that all five of the analyzed standards imply such a situation, but only three of them ("educational psychologist", "Psychologist in the social sphere", "Specialist in rehabilitative work in the social sphere") describe the activities of the psychologist, and the remaining ("Expert of bodies of guardianship and guardianship concerning minors" and "Specialist in working with families") are more organizational in nature. The conclusion about compliance of the training programs developed by the Department of legal psychology and law and education, the requirements of professional standards, proposed improvements in these programs.

Keywords: professional standard, training, prevention, maintenance, rehabilitation, interagency cooperation.

References

1. Bogdanovich N.V. Kompetentnostnyi podkhod v protsesse podgotovki spetsialistov po pedagogike i psikhologii deviantnogo povedeniya [Elektronnyi resurs] [Competence Approach in the Process of Specialists Training in Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior]. *PsikhologicheskayanaukaibrazovaniePSYEDU.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2014, no. 4, Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73523.shtml (Accessed 21.02.2016). (In Russ., Abstr. In Engl.).
2. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Spetsifika osnovnykh napravlenii deyatel'nosti psikhologov v sisteme profilaktiki pravonarusheniia zashchity interesov detei [The specifics of the main directions of activity of psychologists in the system of crime prevention and the protection of the interests of children]. *Itogiiperspektivyrealizatsiivazhneishikhpolozheniinatsional'noistrategiideistviivinteres akhdeteina 2012–2017 gody* [Results and prospects of implementation of major provisions of the National Strategy of Action for Children for 2012-2017]: Sbornik

materialov konferentsii / In Dragunkina Z.F., Rubtsov V.V., Sem'ya G.V., Dubovik A.S., Shvedovskaya A.A. (ed.), Moscow: Publ. GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 84-85.

3. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtiarev A.V. K voprosu obosnovaniia modeli professional'noi deiatel'nosti [Elektronnyi resurs] [On the question of model validation professional activity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, no. 2. Available at: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2909.phtml> (Accessed 21.02.2016). (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Professional'nye standarty [Elektronnyi resurs] [Professional standards]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=157436> (Accessed 21.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.)
5. Shul'ga T.I. Napravleniya kadrovoi politiki spetsialistov sotsial'noi sfery (K probleme razrabotki professional'nykh standartov) [Elektronnyi resurs]. [Personnel policy directions of specialists in the social sphere (To the problem of professional standards development)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013, no.3, Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/3/Shulga.phtml> (Accessed 21.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Civil Litigation in the UK: contemporary issues to ensure evidential reliability

Koch Hugh, Dr., Director, Hugh Koch Associates, Fellow of BPS and EWI
(hugh@hughkochassociates.co.uk)

The system for assessing appropriate damages for individuals who have suffered a personal injury, caused by another person or persons is well established in the UK. A claimant, for example, who has been in a road accident, work accident, medical accident or negligent action can make a claim for his/her physical and psychological injuries, time off work and future disability, provided it is proven that another person(s) is responsible. The system involves obtaining, medical-legal evidence on the diagnosis, causation, treatment and prognosis of any injuries, physical or psychological. One key aspect of this covers the crucial issue of evidential reliability. This paper explains the key questions facing lawyers and experts alike in the UK; fundamental postulates or beliefs about evidence; ways to improve reliability; the relevance of pre-event history and improving evidential reliability via Part 35 questioning. The UK, along with the USA, has the most advanced and developed system of personal injury litigation process.

Key words: judicial-psychological examination, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in civil proceedings, moral damage, mental suffering.

For citation:

Koch H. Civil Litigation in the UK: contemporary issues to ensure evidential reliability. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.13-25. doi: 10.17759/psylaw.2016060202

Evidential Reliability Post-CPR

Since the implementation of the UK-based Civil Procedure Rules in 1999, fifteen years have passed with the courts, lawyers and experts getting to grips with the various changes and their implications, and the aims to ensure access to justice which was just, fair, appropriate and effective.

1. In general, the implementation of CPR has led to improved access to expert evidence [fairness, cheaper, quicker, easier to understand].
2. Experts have been more focused on restricting evidence to 'what is reasonably required to help resolve proceedings.
3. Experts restrict their evidence to evidence which is 'within their expertise'.
4. Process of getting answers to written questions from experts is timely, helpful/accurate.

5. The content of reports reflects an increased independence of experts and increased responsibility to the Court.
6. Reports reflect the appropriate range of opinion.

The Medico-legal trail and key questions

a. The medico-legal trail

Below is a flow chart which illustrates the key aspects of the medico-legal decision making process from instruction of a claim to its resolution (Koch et al, 2015).

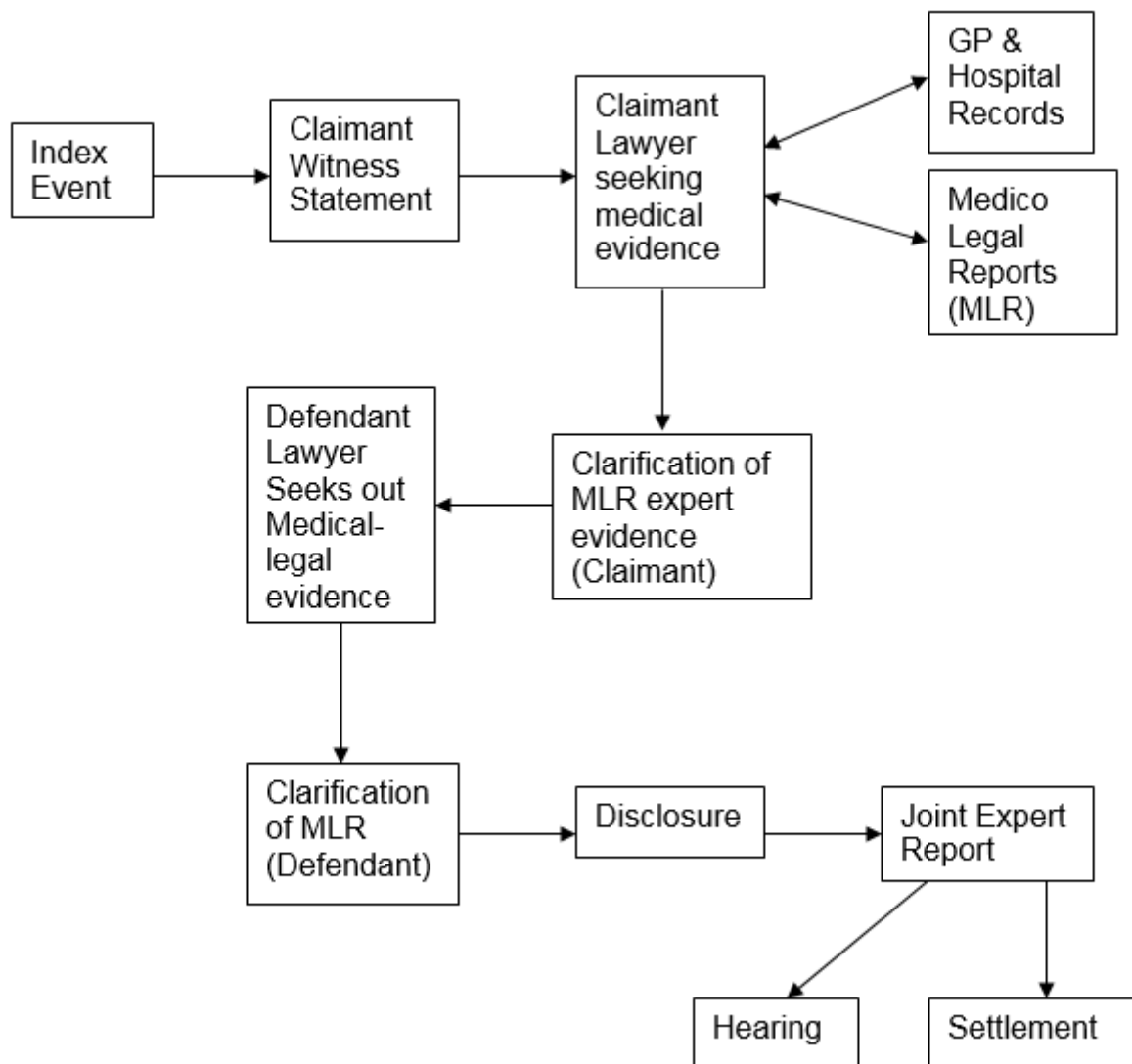

Fig. 1. The Medico-Legal trail

b. The key medico-legal questions

A medico legal expert frequently interviews a claimant to establish the injury, psychological or physical, that has occurred, and whether this is attributable to the index event. Seven key medico-legal questions are shown in Figure 2 (Koch at Kevan, 2005). Interview information, witness statements and medical and occupational medical records, provide the expert with an array of 'data' which he/she diligently considers in order to arrive at the most logical opinion.

1) What, if any, injuries or medical conditions resulted from the claimants' accident?
2) Are these injuries and conditions consistent with / attributable to this accident?
3) Are there any symptoms that relate to pre-existing conditions, and to what extent have these been exacerbated by the accident or made the claimant vulnerable to the accident related injuries?
4) What was the course and duration of these injuries and medical conditions to date, and were these within the expected range?
5) Was any absence from work in light of the injuries sustained reasonable?
6) What treatment has already been received and/or is likely to be needed in the future for these conditions?
7) What is the likely extent and duration of any continuing disability?

Fig. 2. The Key Medico-legal questions

The opinion is then 'tested' via claimant response, lawyer clarification and debate, followed by between-expert discussion, before occasionally being tested in Court. Throughout this process there are two factors which the expert must grapple with to arrive at a 'best-fit' opinion – reliability and validity.

Improving Evidential Reliability

When assessing evidential reliability, the Law Commission (in 2011) stated that experts should have regard to a number of factors including:

- A) The extent and quality of the data on which the opinion is based;
- B) If the opinion relies on an inference from any findings, and whether the opinion explains how safe or unsafe the inference is;
- C) If the opinion relies on the results of the use of any method (for instance, a test or survey), whether the opinion takes proper account of matters, such as the degree of precision or margin or uncertainty, affecting the accuracy or reliability of those results;
- D) The extent to which any material upon which the opinion is based has been reviewed by others with relevant expertise and the views of those others on the material;
- E) The extent to which the opinion is based on material falling outside the expert's own field of expertise e.g. organicity of pain.
- F) The completeness of the information which was available to the expert, and whether the expert took account of all relevant information in arriving at the opinion.
- G) Whether there is a range of expert opinion on the matter in question; and if there is, where in the range of opinion lies and whether the expert's preference for the opinion proffered has been properly explained.

The use of diagnostic classifications (e.g. DSM V) of disorders have significantly improved the reliability and validity of diagnosis, where symptoms can be aligned to a 'best fit' diagnosis which can be communicated and discussed between expert and with the Court. However, the Courts should be encouraged to compensate individuals according to disability (i.e. actual loss) and disruption rather than purely a technical diagnosis.

Within the interview, the clinician listens for descriptions of symptoms which appear unsound or unreliable. The most common indicators of unreliability are shown in Table 1 below.

Table

Indicators of unreliability

(a) “Blanket” problems and gross symptoms claiming

Almost all areas of enquiry produced claiming discomfort.

(b) Selective Recall

Poor recall of pre-accident traumas (e.g. previous accidents or minimising of pre-accident stress).

Difficulty acknowledging evidence of recent improvement in distress or functioning.

(c) Magnifying Recall

Use of a single example only to reflect apparent consistent and sustained distress (e.g. when I drove the first time after the accident it was awful).

(d) Discrepancy between self-report and other evidence

between client and GP information.

between client and work information.

between client and relative information

(e) Production of rare or common symptoms

Claiming unusual, strange, atypical or preposterous symptoms.

Claiming symptoms which are experience by most of the general population (e.g. losing objects, forgetting names occasionally).

a. Thorough clinical interviewing and data gathering

The expert clinician, like the expert lawyer, develops skills over time in “listening” to available information and organising a “picture” of an individual containing:-

(a) facts about the trauma and its after effects;

(b) the individual’s perception of his/distress (physical and psychological);

(c) significant other’s perception of the individual (e.g. family, other experts, GP);

(d) an appraisal of reliable behavioural data on ability and disability; “I can’t lift things” or “I can’t drive” must be backed up by examples of previous behaviours which are now avoided (partially/totally) and frequency of such avoidance to reflect level of disruption.

(e) ‘Networking’ with other experts and/or available reports to try and not only present one expert view, but also facilitate a development of the overall picture of an individual across clinical disciplines/functions (e.g. orthopaedic, neurological or psychological).

b. Comparison of claimant history and symptoms with GP records

The expert is typically presented with several different sources of medical and occupational records. However, frequently the most useful is the GP medical journal of attendance (typically computerised for more recent years). This gives the expert the opportunity to compare what the claimant has disclosed either through interview or witness statement about: a) their condition and b) their GP attendance (Koch and Mackinnon 2004).

One key question remains: whether the Claimant would have attended their GP for diagnosis and treatment if they had a clinically significant psychological injury? Some clue to this can be found in their previous records; if they previously attended for psychological problems, there is unlikely to be a post index incident reason why they have not attended unless their condition is very mild or absent.

A formal GP chronology (typed and complete as far as possible) is essential to enable the experts on both sides to, sensibly and logically, answer pertinent questions in a non-partisan, objective manner. What does the pattern of attending indicate about:

- Pre-accident status
- Immediate post accident experience
- Diagnostic and treatment provided
- Other factors cited (related or unrelated)
- Duration of symptoms and treatment?

c. How can reliability and validity be enhanced?

Ultimately, any ‘certainty’ of evidence depends on whether it is consistent with the probabilities affecting the case as a whole and shown to be in existence at the time.

Findings of credibility and reliability require a comprehensive and critical examination of the evidence as a whole – not only one element to the exclusion of others.

When investigating characteristics of reliability and validity in claimant’s interviewing content and style, there are several aspects of the patient history which are addressed:

- Pre accident condition and psychosocial context.
- Index trauma and peri-traumatic context (soon after).
- Immediate short term reaction and level of disruption.
- Natural improvement.
- Prognosis and change/treatment expectations.

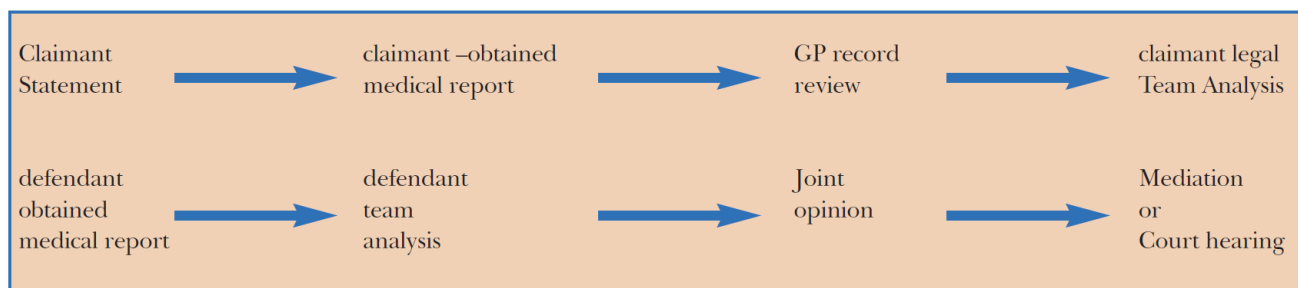

Fig. 3. The current litigation process increases ‘evidential certainty’ as it progresses. The typical ‘trail’

During this process, there is a search for the ‘best fit’ opinion. With regards to increasing objective and contemporaneous information, if all Claimants are expected to have attended their GP or equivalent at the earliest possible time post-index accident, this would provide a contemporaneous and independent record from the GP of physical or psychological injuries and

causation. It seems suspicious when the trail of complaint only begins with the commencement of litigation.

It should be remembered that it is incumbent on the claimant (or his/her representatives) to “prove” the case of attributing injury to the index event. However, the role of single event trauma can be over emphasised and co-existing psychosocial factors which are unrelated to the trauma may be both critical and under estimated.

It is important to place and compare the claimant’s overall ‘picture’ into the context of epidemiology, normality, common sense and what is called a ‘default mode’ – in plain English, what sort of reaction would be expected to be found in the general population. This must be particularly the case when dealing with adjustment reactions/disorders, or where a whole family complains of the same psychopathology.

In this context it is important to remember and apply the ‘But For’ test to decide objectively the relevance of pre-index event history. However, claimants may have difficulty recalling their history comprehensively, thus making the expert’s ability to apply the ‘But For’ rule difficult and consequently, less reliable.

d. Evidential Reliability in Psychological/Psychiatric Opinion

Experts in psychology/psychiatry are aware that there are several sources of unreliability at play when conducting medico-legal interviews, preparing their opinion and also when conducting joint opinion discussions.

In order to clarify what some of these sources are specifically, we conducted a survey of 40 experts in the field of psychology and psychiatry to ascertain which factors predicted, in their opinion, unreliability.

This data indicated that several aspects of claimant recall account for a significant level of evidential unreliability with recent memory difficulties plus magnification/exaggeration being two principal factors.

Experts themselves contribute to evidential unreliability in terms of non- specificity of symptom assessment (symptoms overlapping), over-selectivity of areas covered, over reliance of self report data and differences in data defining symptom duration, pre-existing history and review of GP records.

These several sources of unreliability are a major factor contributing to levels of disagreement between experts when they come to discuss an prepare joint opinion schedules.

Experts were also asked about ways to improve or enhance the reliability of psychological/psychiatric options. These included: Clearer definition of diagnostic criteria, Increased structure of Interview, Use of symptom rating scales in interview and Training and CPD Opportunities

Work is currently underway to clarify the key differentiating factors between the main or typical psychological disorders and how to assess the level of disruption these cause. A key finding in the above study was the need or benefit from further training and CPD opportunities for experts in the field of psychology and psychiatry. In all probability, these benefits would also apply to other clinical specialties (Koch et al 2015).

Unreliable pre-index accident history

Interviewing claimants in Personal Injury litigation frequently entails being faced with ambiguous pre-accident history, due predominantly to unreliable or inaccurate recall (Koch and Kevan, 2005).

The expert is faced with two dilemmas: what is true and accurate, and secondly, does this ambiguity reflect credibility and/or truthfulness issues.

Case Studies

The following case studies are examples from the two authors' own medico-legal practices and illustrate how ambiguity and unreliability arises:

<u>Vignette 1:</u>
The claimant, when asked, stated he had never had any previous car accident before the index accident. He also stated he had never brought a claim for personal injuries before. When given the data in his GP notes about a traffic accident 7 years before, he 'remembered' this. He did not dispute the evidence but was vague with details. He was apologetic and gave some extra details which gradually came to mind.
<u>Vignette 2:</u>
The claimant stated she had never needed to attend her GP before the index work accident (slip on wet floor) for psychological problems and had never had psychotropic medication or counselling. When shown the GP notes which illustrated a significant history of antidepressants prescribed for worked related stressors, including on disciplinary, her affect (emotionality) didn't alter and she rationalised that this was not related to any slipping or tripping accidents. Her rationale was consistent with her having decided this information was 'not relevant' rather than a memory deficit.

The following list of common types of information being omitted are: -

Information Omitted include events (similar to index); adverse life events; medical treatment (related); forensic events and medical treatment (unrelated).

1. Reasons given for omission once questioned include; lack of immediate recall (recall on prompting); lack of any recall (totally forgotten); lack of perceived relevance; embarrassment and guilt and social undesirability in context of claim.

2. Claimants' emotional reaction to subsequent questioning include apologetic and acquiescent (and provided more information gradually); no change in affect and defensive and resentful and/or guilty

Reliability of Strategies to enhance pre-index event history given

It is of intent to the court to ensure the highest degree of reliability and truthfulness when obtaining evidence.

Two school of thought exist as to the best method of achieving this:

- a) Careful assessment of claimant's style of evidence giving including omissions or apparent 'misunderstanding' and expert interpretation of this, or

- b) Guiding and encouraging the claimant in how to provide the best quality, highest accuracy evidence and discouraging, from the onset, any attempts to prevaricate or be selective.

The problem with (a) is that when the expert detects ambiguity, he/she is left in a quandary about to interpret this (i.e. memory factors, untruthfulness). Conversely, in (b), the claimant's tendency towards possible untruthfulness is reduced by the expert's advice and encouragement to 'keep to the truth'. On balance, however, the second option is usually the more advantageous and beneficial to all parties concerned (Koch, 2015) (a).

The following strategies are highlighted as helping this process:

1. At the beginning of the interview, encourage the claimant to:
 - a. Keep to information that is clearly remembered
 - b. Not to 'make up details' that 'sound right'
 - c. Use words that are accurate (e.g. don't say 'nightmares' if you mean 'lying awake thinking')
 - d. Be willing to say 'I can't remember' – this is acceptable to say
 - e. Do not provide any information that is incorrect
2. During the interview, when a possible ambiguity arises:
 - a. Think carefully and try and retrieve extra details
 - b. Don't worry if a discrepancy occurs, but help to resolve this by further thinking
3. At the end of the interview:
 - a. Review what has been said
 - b. Consider if any evidence given should be altered – this is acceptable to do.

Thin or crumbling skulls?

When a claimant alleges psychological injury, pre-existing psychological injury evidence is often introduced to challenge, or validate the claimant's case (Vallano, 2013).

The eggshell claimant rule predicts that a defendant who causes damage should be liable for all the claimant's injuries i.e, taking the claimant as one finds him/her. This is generally used when:

1. There is a dormant or underlying condition, revealed by the index injury.
2. There is a previous condition, successfully treated, which re-emerges.
3. There is a pre-existing condition, which the defendant's negligence makes worse.

A comprehensive psychological assessment includes an evaluation of all available information about the claimant's pre-existing, current, and prognostic/future factors. It is important to differentiate between a claimant's emotional distress resulting from the defendant's negligent actions and distress which may have inevitably developed, regardless of the defendant's role, due to their pre-existing condition.

Reviewing court cases both in the UK and North America indicates that 'skull' rules are not applied consistently (Iezzi et al, 2013) contributing to conflicting determination of cause and damages across the courts. There is need for operational definitions of the thin skull and crumbling skull rules and how there are effectively applied.

The characteristics of a thin skull are:

- The claimant is considered vulnerable (from earlier history)
- Not manifesting clinically significant symptoms or impairment

The characteristics of a crumbling skull are:

- The claimant has experienced deteriorating health and functioning prior to the index injury, which has been accelerated by the index injury.

It is important for case law and expert assessment to: -

1. Differentiate between the subtle distinctions of a) pre-existing symptoms and b) prior personality traits or vulnerability.
2. Apply the 'but for' rule and 'material contribution' rule carefully and logically.

The defendant is responsible for the costs associated with the thin skull, and only the acceleration of the crumbling skull. The 'but for' test assesses what could be reliably predicted to have occurred in the index time frame if the index event had not occurred. The 'material contribution test' is used to apportion the cause when multiple causes are identified as having contributed to the claimant's injuries.

Determinants of cause are often complex. The following approach is recommended to determine the relevance of pre-index injury health and function ensuring the appropriate application of the above skull rules:

1. Early vulnerability which is not symptomatically evidenced immediately prior to the index accident (i.e. preceding 6 months) involves the application of the thin skull rule. This would include previous episodes of treated depression with statistical predictions from NICE (2009) of future episodes.

2. When symptoms exist immediately prior to the index event (i.e. preceding 6 months) and are exacerbated by the index event, then the crumbling skull rule applies.

3. It is important that medico-legal expert assessors demonstrate expertise and experience in evaluating claimant histories and presentation appertaining to pre, peri and post-injury factors (Iezzi et al 2013), assisted by impartiality and concise focus on available information. It is also important that lawyers, barristers and judges have available continuing professional development opportunities addressing how psychological processes such as PEI, causality and attribution assessments operate (Koch et al (2015)).

Improving evidential reliability via Part 35 questions

Part 35 questioning gives all parties an opportunity to improve the reliability of expert evidence.

The most common reason for asking a question is that a Defendant is asking questions of the Claimant's expert in order to:-

- 1) Highlight deficiencies in the expert's report, whether that be a failure to comply with the requirements of Part 35 and / or the Protocol, or a failure to identify and address material entries in the medical records;
- 2) Clarify the expert's views on various key issues in the case, for example causation, prognosis, or the recoverability of a certain head of loss (e.g. appropriate treatment, loss of earning, handicap on the labour market);

- 3) Lay the foundations for an application for one's own expert evidence in the same field;
- 4) Encourage the expert to change his evidence so that it is more favourable to the Defendant (questioning party) (Katyar and Kerr (2015)).

Alternatively a party may ask questions of his own expert (not strictly speaking Part 35.6 questions) in order to (a) clarify matters, (b) encourage him to support various heads of loss, (c) when the expert has changed his opinion at the joint statement stage and the discontented instructing party wishes to know why the expert has performed the volte-face prior to making an application for a replacement expert.

So, how do experts and the questioning party use this mechanism to gain greater clarity, avoid defensive criticism (by either party) and contribute to case resolution? Ten written submissions of Part 35 questions sent to eight clinical psychologists were analysed for area of enquiry, length and tone (Koch et al 2015 (b)).

The following is a non-exhaustive list of areas to explore (Katyar and Kerr, 2015); -

- 1) Is there a sufficiently close temporal relationship between the accident trauma and onset of symptoms?
- 2) Flag up the relevant part of the Claimant's previous medical history, and highlight inaccuracies from the Claimant's self-report of symptoms.
- 3) Focus on aspects of the Claimant's clinical examination. How thorough was it. Any inconsistencies.
- 4) Failure to mitigate; what course the Claimant's symptoms would have taken if he had undergone recommended treatment;
- 5) Whether the Claimant satisfies the Equality Act test of 'disabled'.

Given the variability and differences in psychological diagnosis, assessment and prognosis, coupled with the adversarial process in civil litigation, the option of asking Part 35 questions continues to be a constructive process, providing it stays within the remit of clarification of the expert's report and opinion and does not venture into a legalistic 'fishing expedition'. It is incumbent on experts to make their reports and opinions increasingly logical and internally consistent and to address inherent areas of unreliability. The opposing lawyer can then hone his/her skills in questioning the expert.

Koch's Postulates to enhance robust opinions

Expert opinion, one foundation of civil litigation and justice, should be based on robust reasoning. An unrelated name-sake of the author, the microbiologist, Robert Koch, formulated four criteria or postulates in 1884 designed to establish robust reasoning in a different field – microbiology. He cited key principles about the causative relationship between a microbe and a disease (Koch, 1876). This concept of 'postulate' was also alluded to by the famous psychotherapist, David Malan, in his seminal text 'Individual Psychotherapy and Science of Psychodynamics' (Malan, 1979), stating robust reasoning when theorizing on valid explanations for psychological symptoms. Both these famous scientists, David Malan and Robert Koch, used the term 'postulate' to 'assume or assert truths as valid premises for discussion or reasoning'.

In the field of civil litigation, expert opinion can be operationalised in terms of a number of key postulates, called Koch's medico-legal postulates (Koch, 2015) (b). These relate to the medico-legal contexts of pre and post-index event history, multi source evidence, diagnosis, causation,

prognosis and reliability. They have been arrived at following 20 years of experience in assessment and treatment of psychological injuries (see figure 5).

I.	A robust opinion should address diagnosis, causation and attribution, duration and prognosis.
II.	A robust opinion will include more than one type of evidence. An opinion based on claimant self report only may still be valid but is a 'weak' opinion in medico legal terms.
III.	The classification/diagnostic categories given in DSM 5 and ICD 10 are a part of an expert's opinion /formulation – this systematic check of relevant criteria must be balanced by wider clinical judgment.
IV.	The expert's Mental State Examination should be consistent with the claimant's description of currently active symptoms – a clear discrepancy reduces the robustness / strength of an opinion .
V.	Wherever possible, GP computerized attendance records should be made available to the expert. The subsequent analysis will increase the strength or reliability of the opinion given.
VI.	A therapist who has already treated a claimant cannot provide an impartial or independent expert opinion on issues of diagnosis, causation or prognosis on that claimant.
VII.	A robust opinion should include a history of factors which could, on the balance of probabilities, affect a specific index event reaction.
VIII.	A robust opinion should give particular emphasis to the 12 month period prior to and post the index event, but not to the exclusion of earlier or later history.
IX.	In any interview where the claimant displays a high level of anger, a differential opinion should be made between normal perceived injustice and clinically significant adjustment problems which might require intervention.
X.	An expert opinion should incrementally increase in robustness over time with access to more data and discussion with other relevant professionals, both legal and clinical.
XI.	An expert's opinion should be the 'best fit' professional view of all available data at that time, and should be modified , if appropriate, as and when new data becomes available.
XII.	When key evidence is unavailable , the expert should state that the robustness of his/her opinion is reduced as a result.
XIII.	It is incumbent on the expert to be impartial, independent of instructing party, and maintain as high level of logicity as possible when appraising evidence.
XIV.	Experts should maintain a high level of accessibility to lawyers in order to encourage rapid process and resolution of litigation.
XV.	Experts should understand and be sympathetic to the claimant's experience of litigation stress, irrespective of their expert opinion on the specific case.

XVI. Irrespective of the prognosis for organically mediated pain, psychologically mediated 'overlay' can have a positive prognosis especially with pain-related CBT therapy resulting in increased pain coping and adjustment.

Fig. 4. Summary of Koch's Medico-legal Postulates

Whither these postulates?

Different experts will have their own varied set of beliefs underpinning their assessment methods. My postulates, above, in my opinion, account for 75% of the variance in experts' opinions. However, as soon as this list is published, deficiencies will be recognised and discussed, no doubt! It is essential and informative to 'recognise the wider range of contemporary approaches to build an argument...and establish proof' (Inglis, 2007).

However, to date, these current postulates are based on congruence of a large number of assessments carried out by a team of over thirty experts, exploring and understanding dissonance when it occurred, to assemble arguments for what constitutes robustness in opinion formulation.

Any process of suggesting postulates of universal applicability with any one field are, by nature, provisional and subject to further refinement in the light of future observation. In this particular field (personal injury/civil litigation), it is anticipated that this refinement will take place in areas of vulnerability to injury, prognosis/treatment, mitigation of loss as well as procedural areas such as joint opinion formation, deception detection and reliability/truthfulness.

Conclusions: The way forward to enhance evidential reliability

In this paper, I have discussed how civil litigation is processed in the UK and a variety of areas where reliability factors effect the quality of evidence utilised by the court. It is a crucial role of the court, its lawyers and experts to all contribute to the 'evidential reliability' debate in any one case litigated. Further work by experts on enhancing the reliability of their evidence is needed. This will be informed by feedback from the judiciary, lawyers and insurers on concepts, data and issues that cause ambiguity and uncertainty. I am beginning to contribute to a further examination of how the Russian system compares to the UK system developing themes already outlined by Cherepanova (2013) on grounds for compensation by the state for personal injury and Kravtsova (2013) on the concepts of 'moral damage' of the Russian process, elaborated by the comprehensive analysis of the civil law institution by Vasilev (2013).

References

- 1) *Katyar A., Kerr P.* Part 3 Questions to Experts. 12 Kings Benk Walk, London. 2015.
- 2) *Koch H.* Evidential Reliability: Practical Guide for lawyers: Solicitors Journal Practice Guide. October. 2015.
- 3) *Koch H.* Practice issues in Psychological Injury. Paper presented to IAMHL conference, Vienna, 2005, July.
- 4) *Koch H.* Robust Opinions needs robust reasoning – 15 medico-legal postulates. Solicitors Journal. 6th May.2005.
- 5) *Koch H., Hetherington J., McGillion J.* Evidential Reliability in Psychological/Psychiatric Opinion. EWI (in submission). 2015.
- 6) *Koch H., Fraser F, Mackinnon J.M., Midgley S.* Questioning Experts. In submission. 2015.

- 7) Koch H., Thorns T, Elson P., Fraser F. Implementation of CPR Solicitors Journal 2014.
- 8) Koch H., Holden N., Willows J. Testing the reliability and validity of evidence. Expert Witness Journal, Autumn. 2013.
- 9) Koch H., Hampton N. The experience, evidence and opinion on pain. Your Expert Witness Solicitors Choice, Autumn. 2011.
- 10) Koch H., Kevan T. Psychological Injuries. XPL Press. St Albans. 2005.
- 11) Koch H., Mackinnon J.M. (2004) GP records and the Medico-legal process. PI compensation, August 10 – 12.
- 12) Koch R. Die aetiologie der Milzbrand-Krankheit in Brock 1998 ASM Press.
- 13) Malan D H Individual Psychotherapy and The Science of Psychodynamics. Butterworths. 1979.
- 14) Vallano J.P Psychological Injuries and Legal Decision Making. Psychological Injury and Law .2013, 6, 99 – 112.

Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда в Российской Федерации

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ; руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

В статье проводится сравнительный анализ особенностей производства психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации ущерба, нанесенного другими лицами, в Великобритании (описанные в статье Х. Коха, опубликованной в настоящем номере журнала) и России. Показано, что принципы судебного психолого-психиатрического экспертного исследования и требования к экспертному заключению в обеих странах включают психопатологическое и психологическое исследование с использованием международных диагностических классификаций, сопоставительный анализ субъективных жалоб истца с медицинской документацией, использование валидных и надежных методов исследования, полноту и обоснованность экспертного заключения. Основными требованиями к эксперту являются его независимость и профессиональная компетентность. И в России, и в Великобритании предметом обсуждаемых судебных экспертиз являются негативные изменения психического состояния истца, потерпевшего от причинения вреда, которые раскрываются через определение их тяжести, длительности, обратимости–необратимости, а также установление причинно-следственной связи между психотравмирующим событием и этими изменениями.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе, моральный вред, нравственные страдания.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 26-40.
doi: 10.17759/psylaw.2016060203

For citation:

Safuanov F.S. Forensic psychological expertise in cases of compensation of moral harm in the Russian Federation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2, pp.26-40.
doi: 10.17759/psylaw.2016060203

В условиях проводимой в России правовой реформы, направленной на повышение гарантий основных прав и свобод человека, с одной стороны, и с учетом возрастающей преступности на фоне социально-экономических преобразований – с другой, все большее значение приобретает институт компенсации морального вреда, причиненного преступлением или иным нарушением, посягающим на личные неимущественные права гражданина или иные принадлежащие ему нематериальные блага.

Компенсация морального вреда регулируется ст. 151 Гражданского кодекса (ГК РФ), где категория «моральный вред» определяется как «физические и нравственные страдания», указывается, что при определении размеров компенсации морального вреда суд должен учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Вместе с тем неразработанность четких юридических представлений о понятии «моральный вред», его видах, правилах расчета его компенсации приводит не только к сложностям судебных разбирательств и неоднозначности судебных решений, но и к затруднениям при проведении судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз по делам такого рода. Опыт работы российских судов в этой области не превышает 20 лет, и он очень противоречив. В этой связи большое значение приобретает анализ зарубежного опыта, особенно в англосаксонской системе правосудия, в которой практика разбирательства по делам о возмещении вреда насчитывает больше века.

Статья Х. Коха, опубликованная в этом номере журнала, посвящена проблемам повышения обоснованности и надежности экспертных заключений, касающихся компенсации психологической травмы, полученной вследствие действий других лиц. Не затрагивая процессуальные аспекты производства судебной экспертизы и составления экспертного заключения (в условиях состязательности гражданского процесса в Великобритании каждая сторона – истец и ответчик – приглашают своих экспертов, в России экспертизу назначает всегда судья или суд), уделим внимание сравнению технологических и содержательных сторон судебной экспертизы по делам о компенсации морального вреда.

Принципы судебного психолого-психиатрического экспертного исследования и требования к экспертному заключению

В статье Х. Коха указываются следующие требования к заключению эксперта: полнота, качественность (extent and quality) и надежность (safe) данных, используемых при экспертном исследовании; точность или надежность (accuracy or reliability) применяемых методов исследования; формулирование выводов, не выходящих за пределы компетенции эксперта. В процессе экспертного исследования автор рекомендует рассматривать альтернативные гипотезы (range of expert opinion) и тщательно обосновывать свои выводы; использовать при диагностике психического состояния истца диагностические классификации типа DSM-V; анализировать субъективный анамнез, жалобы и обязательно сопоставлять их с объективными данными, в первую очередь – с медицинской документацией (comparison of claimant history and symptoms with GP records), в том числе

проводить сравнительный анализ клинических и психологических симптомов до и после причинения вреда (с учетом проводимого лечения).

Бросается в глаза схожесть алгоритмов судебно-экспертных исследований в Великобритании и России.

Комплексное судебное психолого-психиатрическое экспертное исследование в амбулаторных условиях, согласно утвержденному Минздравом России Протоколу ведения больных (судебно-психиатрическая экспертиза) [3], предусматривает следующий минимальный набор материалов, необходимый для проведения экспертизы: уголовное или гражданское дело; характеристики; медицинские документы (в том числе общего профиля). Исследование включает в качестве обязательных этапов сбор жалоб и анамнеза; психопатологическое обследование; психологическое обследование. При необходимости возможны консультация невролога, терапевта, а также проведение инструментальных исследований (электрофизиологическое, реэнцефалографическое, компьютерная томография головного мозга, магнитно-резонансное исследование головного мозга и другие методы, направленные на уточнение диагноза). При психологическом исследовании используются валидные и надежные диагностические методики.

В процессе экспертизы важнейшим принципом является выдвижение и анализ максимально возможных (диагностических и экспертных) версий. Необходимыми задачами экспертного исследования являются: достижение целостного и непротиворечивого описания психического состояния подэкспертного в юридически значимой ситуации, основанное на сопоставительном анализе всех имеющихся источников информации; сопоставление психического состояния подэкспертного с диагностическими стандартами МКБ-10 (раздел F0-F99); сопоставление результатов всех участвующих в исследовании экспертов, в том числе экспертов разных специальностей (например, психиатров и психологов) [8; 9].

Требования к эксперту

Как следует из статьи Х. Коха, основным качеством судебного эксперта является его независимость (*independent of instructing party*), что в условиях состязательности экспертов (работу экспертов оплачивают стороны гражданского судопроизводства) составляет определенную проблему [6]. Кроме того, можно понять требование к эксперту при оценке доказательств поддерживать максимально высокий уровень логичности (*maintain as high level of logicity as possible when appraising evidence*) как необходимость высокого уровня его профессиональной компетентности. Когда эксперт не может использовать для обоснования своих выводов достаточное количество материалов, он должен сообщить суду о снижении надежности своего заключения. И наконец, важным является замечание автора о том, что эксперт обязан излагать свое заключение на доступном для юристов языке (*Experts should maintain a high level of accessibility to lawyers*)¹.

В России существуют законодательные и этические требования к судебному эксперту, работающему с живыми лицами. Согласно ст. 4 Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности,

¹ Это же обстоятельство отмечается и в теории судебно-психологических экспертиз в нашей стране: «Язык судебного эксперта должен быть одинаково понятен как самим судебным экспертам, так и органу или лицу, назначившему экспертизу» [5, с. 128].

всесторонности и полноты исследований [1]. Независимость эксперта заключается в том, что он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, *сторон*² и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Ст. 13 указанного Закона предъявляет профессиональные и квалификационные требования к эксперту – в частности, включающие наличие высшего профессионального образования и прохождение последующей подготовки по конкретной экспертной специальности, а также регулярную аттестацию на право самостоятельного производства экспертизы. В ст. 16 указано, что эксперт обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение, если материалы дела недостаточны для проведения исследований и дачи заключения. Этические принципы деятельности эксперта-психолога [4; 5] включают профессиональную компетентность; личностный подход (уважение прав, чести и достоинства подэкспертного), независимость (от суда, от других участников уголовного или гражданского процесса, от других экспертов, от собственных предрассудков, чувства жалости, симпатий и антипатий к подэкспертному³).

Критерии судебно-экспертной оценки клинико-психологических аспектов морального вреда

Сопоставление психолого-психиатрических критериев оценки последствий причинения вреда (психической травмы) в Великобритании и России представляет особый интерес.

Экспертологический анализ ст. 151 ГК РФ показывает, что предметом комплексного психолого-психиатрического экспертного исследования могут быть клинико-психологические аспекты нравственных страданий истца с учетом его индивидуально-психологических особенностей. В основе нравственных страданий могут лежать переживания человека либо входящие в структуру изменений психической деятельности, либо возникающие по поводу этих нарушений.

Психические изменения могут быть разного уровня, в том числе и донозологического. К непатологическим состояниям традиционно относят личностный конфликт, стресс, фрустрацию, психологический кризис. При установлении негативных изменений психической деятельности необходимым условием является диагностика личностной значимости задетых причинением вреда ценностей и смыслов потерпевшего. Также важное значение имеет определение личностных особенностей истца, среди которых первостепенное значение для понимания изменений психики имеет повышенная чувствительность к стрессовым воздействиям (низкая стрессоустойчивость).

Как следует из статьи Х. Коха, предметом судебной экспертизы по делам об ущербе, причиненном другими лицами, в Великобритании также является психическое состояние истца. Параметры, которые устанавливаются «медико-правовыми экспертами» («The Key Medico-legal questions»), сводятся к диагностике психического состояния подэкспертного, степени и продолжительности психических изменений, причинной связи с травмирующим событием.

В традиции отечественной судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда [2; 5; 7; 10–12] сложилось схожее понимание. Определение морального вреда, причиненного преступлением или иным нарушением, и его компенсации, в том числе степени нравственных страданий истца, является прерогативой только суда. Но для установления этих обстоятельств суд может

² Выделено нами.

³ Последний компонент независимости перекликается с п. XV «Медико-правовых постулатов Коха».

использовать заключение экспертов, в котором будут отражены *клинико-психологические аспекты* категории «нравственные страдания». Возможно выделить следующие экспертные понятия.

- Психическое состояние подэкспертного (в том числе психическое расстройство).
- Индивидуально-психологические особенности подэкспертного.
- Степень выраженности изменений психической деятельности.
- Динамические особенности изменений психической деятельности: стойкость–обратимость; длительность.
- Причинно-следственная связь между причинением вреда (психотравмирующим воздействием) и возникновением и развитием психических изменений.

Соответственно, перед экспертами могут быть поставлены следующие типовые вопросы:

- Имеются ли у подэкспертного негативные изменения психической деятельности (в том числе психическое расстройство)? Если да, то в чем они выражаются?
- Имеется ли причинно-следственная связь между негативными изменениями психической деятельности подэкспертного и действиями (бездействием) причинителя вреда?
- Какова степень негативных изменений психической деятельности пострадавшего?
- Каковы динамические особенности изменений психической деятельности: стойкость–обратимость; длительность?
- Имеются ли у подэкспертного индивидуально-психологические особенности, которые оказали существенное влияние на изменение его психической деятельности в исследуемой ситуации?

В качестве примера можно привести следующий случай. Он касается исков со стороны четырех членов семьи – матери, отца, брата и бабушки погибшей – о возмещении каждому из них морального вреда, нанесенного одним и тем же преступлением, которое повлекло смерть младенца. Всем потерпевшим – истцам по гражданскому делу – были проведены комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы.

Из материалов гражданского и уголовного дел известно, что мать погибшего ребенка вечером с двумя детьми – 4-летним сыном и находящейся в детской прогулочной коляске 11-месячной дочерью – поднялась в кабине лифта на пятый этаж своего дома. Выйдя из кабины лифта вместе с сыном, она стала вытаскивать коляску с находящейся в ней дочерью. В это время двери кабины и шахты лифта стали закрываться, и задние колеса коляски остались зажатыми створками двери кабины. Затем с верхнего этажа поступила команда вызова лифта, и кабина лифта пришла в движение вверх с коляской, находившейся в дверном проеме. Ударившись о верхнюю обвязку дверного проема шахты пятого этажа, коляска деформировалась, и часть ее с находящейся в ней малолетней дочерью, перевернувшись, оказалась под кабиной лифта. Девочка выпала из коляски и упала в шахту лифта, получив при этом травмы, несовместимые с жизнью. На следующий день в больнице она скончалась.

Виновные в неисправности лифта работники были осуждены за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей и за халатность – ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Через год мать погибшей обратилась в суд с исковым заявлением к ЖКХ о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Моральный вред истицей был оценен в 700 тыс. рублей в ее пользу и 300 тыс. рублей в пользу сына. Отец и бабушка погибшей просили взыскать с ЖКХ по 500 тыс. рублей.

Результаты комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы представим в виде таблицы (табл.).

Таблица

Определение экспертных параметров психического состояния истцов

Параметры нравственных страданий	Члены семьи			
	Мать	Отец	Бабушка	Сын
Психическое состояние в момент экспертизы	Каким-либо психическим расстройством не страдает	Каким-либо психическим расстройством не страдает	Пролонгированная депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации	Фобическое тревожное расстройство в детском возрасте
Индивидуально-психологические особенности	Личностная незрелость, эмоциональная неустойчивость, повышенная чувствительность, склонность к дезорганизации и деятельности в психотравмирующих условиях, зависимость от мнения окружающих	Заниженная самооценка, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, ориентация на семейные ценности	Сочетание самостоятельности, склонности к лидерству, высокой мотивации достижения, эгоцентризма с эмоциональной неустойчивостью, повышенной возбудимостью, раздражительностью, напряженностью, сниженным порогом фрустрации, повышенной чувствительностью	Соответствующий возрастным нормам уровень психического развития
Психическое состояние после гибели девочки, степень	Депрессивный эпизод тяжелой степени	Депрессивный эпизод легкой степени	Депрессивный эпизод средней степени	Фобическое тревожное расстройство в детском

				возрасте и энурез неорганической природы
Длительность изменений психической деятельности	Три и более месяцев	Менее трех месяцев	По настоящее время	По настоящее время
Обратимость изменений психической деятельности	Обратимые	Обратимые	Обратимые, требуют лечения	Обратимые, требуют реабилитации
Психическое состояние до причинения вреда	Каких-либо психических расстройств не отмечалось	Каких-либо психических расстройств не отмечалось	Каких-либо психических расстройств не отмечалось	Каких-либо нарушений психического развития не отмечалось
Причинно-следственная связь между гибелью девочки и изменениями психической деятельности	Имеется прямая причинно-следственная связь	Имеется прямая причинно-следственная связь	Имеется прямая причинно-следственная связь	Имеется прямая причинно-следственная связь

Описанный случай иллюстрирует возможность возникновения различных по форме, глубине и длительности изменений психической деятельности в ответ на одно и то же психотравмирующее воздействие в зависимости от преморбидных индивидуально-личностных особенностей, социально-ролевой позиции по отношению к погибшему члену семьи, пола и возраста. Очевидно, что суд может использовать данное заключение для обоснования различной степени выраженности нравственных страданий у обследованных лиц и, соответственно, для определения дифференцированных размеров компенсации морального вреда. Этот вывод показывает, что нельзя ограничиваться только презюмированием степени морального вреда и объяснениями участников гражданского дела, а необходимо (как это указывается и в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10) выяснять, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, в том числе и с помощью судебной экспертизы с участием психолога и психиатра.

Таким образом, несмотря на национальные особенности материального и процессуального гражданского права (особенно в вопросах, регулирующих производство судебной экспертизы) в Великобритании и России, мы видим общность принципов как производства судебных экспертиз с участием психолога и психиатра по делам о компенсации ущерба, нанесенного другими лицами, так и критериев экспертной оценки негативных изменений психического состояния вследствие причинения вреда.

Литература

- 1) Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: ООО «ТК Велби», 2002. 192 с.
- 2) *Кравцова М.А.* Особенности криминалистической идентификации и диагностики применительно к установлению морального вреда, причиненного преступлением // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 212–215.
- 3) Нормативно-правовые документы по судебно-психиатрической экспертизе / Сост. А.А. Ткаченко. М., 2007. 195 с.
- 4) *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика; Смысл, 1998. 192 с.
- 5) *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
- 6) *Сафуанов Ф.С.* Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73024.shtml> (дата обращения: 29.12.2015).
- 7) *Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Дозорцева Е.Г. и др.* Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы. М.: ФМИЦПиН им. В.П. Сербского, 2005. Сб. № 43. С. 326–336.
- 8) *Ткаченко А.А.* Экспертное судебно-психиатрическое исследование: пособие для врачей. М.: , 2006. 68 с.
- 9) *Ткаченко А.А.* Экспертное судебно-психиатрическое исследование: подготовительная и аналитическая стадии // Российский психиатрический журнал. 2005. № 3. С. 44–50.
- 10) *Холопова Е.Н.* Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. Калининград: Партнеры МиК, 2003. 112 с.
- 11) *Шипшин С.С., Бердников Д.В., Калинина А.Н.* Методические рекомендации по производству судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 4 (20), С. 309–320.
- 12) *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2000. 80 с.

Forensic psychological expertise in cases of compensation of moral harm in the Russian Federation

Safuanov F.S., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

The article presents a comparative analysis of the characteristics of the production of psychological and psychiatric examination for compensation of damage caused to other persons in the UK (described in the article by Hugh Koch, published in the current issue of the journal) and Russia. It is shown that the principles of judicial psychological-psychiatric expert study and the requirements for expert opinion in both countries include psychopathological and psychological research using the international diagnostic classifications, comparative analysis of subjective complaints of the plaintiff with medical documentation, use of valid and reliable methods of research, completeness and validity of the expert opinion. The main requirements for the expert are its independence and professional competence. And in Russia and the UK discussed the subject of forensic examinations are negative changes of the mental state of plaintiff, the victim from harm, which is revealed through the definition of their severity, duration, reversibility-irreversibility, as well as establishing a causal link between the traumatic event and these changes.

Keywords: forensic psychological examination, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in civil proceedings, moral damage, mental suffering.

The institution of compensation of moral harm caused by the offense or otherwise violation of encroaching on the citizen rights or other intangible benefits is becoming increasingly important, amid, on the one hand, Russian legal reform aimed at increasing the guarantees of fundamental human rights and freedoms, and, on the other hand, increasing criminality on the background of social and economic transformation.

Compensation for moral damage is governed by Art. 151 of the Civil Code of the Russian Federation, where the category of "moral damage" is defined as "a physical or mental suffering", and it states that determining the compensation for moral damage sizes court must take into account the degree of physical and moral suffering related to the individual characteristics of the person suffering the harm.

However undeveloped clear legal representations of the concept of "moral damage", its forms, and rules for compensation calculating leads not only to the complexities of court proceedings and the ambiguity of court decisions, but also to the difficulty in conducting a forensic psychological and comprehensive forensic psychological and psychiatric examination for this kind of cases. Russian courts experience in this sphere is very conflicting, it does not exceed 20 years. In this context, the analysis of international experience, especially in the Anglo-Saxon legal system

with more than a century experience of proceedings for damages compensation cases has becomes significant.

An article by Hugh Koch published in this issue is devoted to the problems of increasing the validity and reliability of expert reports relating to compensation for psychological damage due to the actions of others. Under adversary character of the judicial process UK both claimant and the respondent invite their experts, while expertise always commissioned by a judge or court in Russia. Without describing the procedural aspects of the expert evidence and expert opinion preparation we will compare the technological and content factors of moral damage compensation cases.

Principles of forensic psychological and psychiatric expert examination and expert report requirements

Article by Koch indicates expert report requirements as follow: extent, quality; safeness of data used in the expert examination; accuracy and reliability of applicable research methods; recording the examination results according to expert's ambit. The author recommends to consider a range of expert opinion during the expert study and justify the conclusions thoroughly; to use DSM-V type of diagnostic classifications while diagnosing the mental state of the claimant; to analyze personal history and complaints and compare claimant history and symptoms with GP records, and primarily to conduct a comparative analysis of the clinical and psychological symptoms before and after the harm, taking the treatment into account.

Similarity of forensic expert examinations algorithms in the UK and Russia is obvious.

According to the Russian Ministry of Health-approved Treatment Protocol (forensic psychiatric examination) [3], an outpatient comprehensive forensic psychological and psychiatric expert examination provides the following minimum set of materials required for the examination: a criminal or a civil case; characteristics; medical records, general in particular. It includes a mandatory stage of collecting complaints and anamnesis; psychopathological examination; psychological examination. Consultation by neurologist or therapist as well as instrumental examinations such as electrophysiological, rheoencephalographical, computer brain tomography, magnetic resonance imaging of the brain and other methods aimed at clarifying the diagnosis are possible, if necessary. Diagnostic methods used in psychological research should be valid and reliable.

The most important examination principle is proposing and analysis the maximum of diagnostic and expert versions. The essential tasks of the expert study are: to achieve a holistic and consistent description of the subject's mental state in a legally significant situation, based on the comparative analysis of all available information sources; to compare the subject's mental state to ICD-10 diagnostic standards (section F0-F99); to compare reports of all the experts involved in the examination, including different specialties experts (e.g. psychiatrists and psychologists) [8,9].

Requirements to an expert

According to the article by Koch, the main expert characteristics is independence of instructing party, that leads to a problem because of an experts competition (experts are paid by trial participants) [6]. Besides, an expert is required to maintain as high level of logicity as possible when appraising evidence that is necessary for high competence level. When the expert can not use sufficient materials to substantiate findings, he/she should inform the court of reducing

reliability of evidence. Finally, the author made an important note that the experts should maintain a high level of accessibility to lawyers⁴.

There are legal and ethical requirements for forensic experts working with real persons in Russia. According to Article 4 of the Federal Law "On State Forensic Activities in the Russian Federation" forensic expert activities based on the principles of legality, respect for human rights and freedoms and civil rights of legal entity, as well as the expert's independence, objectivity, comprehensiveness and completeness of the study [1]. According to the principle of independence, expert can not be in any dependence on the authority or person appointed judicial examination, *the parties*⁵ and other persons interested in the case. Art. 13 of the Law makes professional and qualification requirements for the expert, particularly, higher professional education and further training in a particular expert specialty, as well as regular certification for the right of expert. Art. 16 states that the expert must make a reasoned written report about the impossibility to give an opinion, if the materials of the case are not sufficient for examination and giving an opinion. Ethical expert psychologist principles [4.5] include professional competence; personal approach (respect for the rights, honor and dignity of the subject), and independence on the court, other participants in criminal or civil proceedings, other experts, expert's own prejudices, a sentiment of pity, sympathy and antipathy to the subject⁶.

Criteria for forensic expert evaluation of clinical and psychological aspects of moral harm

Comparison of psychological and psychiatric criteria for evaluating the effects of the injury (psychic trauma) in the United Kingdom and Russia is of particular interest.

Expert analysis of Art. 151 of the Civil Code indicates that clinical and psychological aspects of the plaintiff's moral suffering with account of individual psychological characteristics can be the subject of complex psychological and psychiatric expert examination. The mental suffering can be based on personal experiences either within the structure of mental activity changes or effected by these disturbances.

Mental changes can be attributed to different levels, including prenosological. Non-pathological status traditionally include personal conflict, stress, frustration, psychological crisis. A diagnosis of the personal importance of the affected values and senses for affected person is a prerequisite for determining the adverse changes in mental activity. Another important aspect is to determine the plaintiff's personal characteristics, including increased sensitivity to stress factors (low resistance to stress), that is of particular importance for the mental change understanding.

According to the paper by H. Koch, in the United Kingdom the subject of forensic examination in cases of damage caused to other persons is also the mental status of the plaintiff. «The Key Medico-legal questions» are converge to the diagnosis of a subject's mental status, the extent and duration of mental changes, a causal link to the traumatic event.

⁴ The same feature is noted in forensic psychological expertise theory in our country. "The court expert's language must be equally clear both for forensic experts, and for authority or the person appointing the examination" [5, c p.128].

⁵ Emphasis added.

⁶ The last component of independence in common with n. XV "Medical and legal postulates of Koch".

Domestic forensic psychological and psychiatric examination tradition for moral harm compensation cases [2, 5, 7, 10-12] has developed a similar view. A definition of moral harm caused by a crime or other violation and compensation, including the degree of plaintiff's moral suffering, is the court's authority. Yet in order to examine these circumstances, the court may use expert opinion reflecting the *clinical and psychological* aspects of "mental suffering" category. The following expert concepts can be determined.

- The mental state of the subject (including mental illness).
- The degree of mental activity changes.
- The dynamic characteristics of mental activity changes: resistance/reversibility; duration.
- Cause-and-effect relationship between the harm (stress exposure) and the mental changes emergence and development.

Subsequently, the following model questions can be put to the experts:

If the subject has negative mental activity changes (including mental illness)? If so, what do they express?

Is there a cause-and-effect relationship between the negative changes of subject's mental activity and the actions (or inactions) of party which caused the damage?

What is the degree of adverse changes in mental activity of the harmed person?

What are the dynamic characteristics of mental activity changes: resistance or reversibility; duration?

Whether the subject has individual psychological characteristics, which have had a significant impact on the change of his mental activity in the examined situation?

The following case can be an example. Four members of lost's family (mother, father, brother and grandmother) claim for compensation to each of them for moral harm caused by the same offense that resulted in the death of a child. All the plaintiffs in a civil case were examined by a complex legal psychological and psychiatric examination.

According to the civil and criminal cases materials, in the evening the mother of the died child got into the elevator to the 5th floor of her house with her two children: 4-year-old son, and 11-month-old daughter located in the baby carriage. After coming out of the elevator with her son, she began to pull out the carriage with her daughter being in it. At this time, the elevator door and the shaft were closing, and cockpit doors pressed the rear wheels of carriage. Then, after the elevator call command received from the top floor, the elevator car began to move up with the carriage, which was fixed in the doorway. The carriage was deformed hitting the top of the doorway of the 5th floor lift shaft, and its part containing the young daughter turned over and moved below the elevator car. The girl fell out of the carriage and fell into the elevator shaft. She received fatal injuries and died next day in the hospital.

Staff members guilty of elevator malfunction had been convicted of manslaughter due to improper execution of duties and of negligence: improper execution of their official duties due to a dishonest and negligent attitude to service which negligently caused human death.

One year later the mother of the deceased girl filed a lawsuit in court with a claim to the housing and communal services for the recovery of property damage and moral harm caused by the crime. The plaintiff estimated moral harm in the 700 thousand rubles in her favor, and 300 thousand rubles in favor of his son. Father and grandmother of the deceased claimed to recover from the housing and communal services 500 thousand rubles each.

The results of a complex forensic psychological and psychiatric examination are represented in the Table.

Table

The expert parameters of plaintiffs' mental state

"Moral suffering" parametres	Family members			
	Mother	Father	Grandmother	Son
The mental status at the examination	do not suffer from a mental disorder	do not suffer from a mental disorder	prolonged depressive reaction due to adjustment disorder	phobic anxiety disorder of childhood
Personal psychological characteristics	personal immaturity, emotional instability, increased sensitivity, tendency to activity disorganization in stress, dependence on others opinions	low self-esteem, self-doubt, dependence on the opinions of others, focus on family values	the combination of independence, tendency for leadership, high achievement motivation, egocentricity with emotional instability, increased excitability, irritability, tension, lowering the threshold for frustration, increased sensitivity	the appropriate age level of mental development
The mental state after the girl's death, the degree	severe depressive episode	mild depressive episode	moderate depressive episode	phobic anxiety disorder of childhood, nonorganic enuresis
Duration of	3 months or more	less than 3	until the present time	until the present

mental activity changes		months		time
The reversibility of mental activity changes	reversible	reversible	reversible, treatment required	reversible, rehabilitation required
Mental state before the harm	no psychiatric disorders were observed	no psychiatric disorders were observed	no psychiatric disorders were observed	no mental development disorders were observed
The cause-and-effect relationship between the death of the girl and mental activity changes	direct cause-and-effect relationship	direct cause-and-effect relationship	direct cause-and-effect relationship	direct cause-and-effect relationship

This case illustrates the possibility of a different kind, depth and duration of mental activity changes in response to the same traumatic effects depending on individual premorbid personality characteristics, social role position in relation to the deceased family member, gender and age. It is clear that the court may use this report to justify the varying degree of moral suffering of the examined subjects and, accordingly, to determine the size of differentiated moral harm. This finding shows that it is necessary not only presume the degree of moral harm and explanations of civil proceedings parties, but also find out what confirmed the fact of mental or physical suffering of injuree, including forensic expert analysis with the participation of psychologists and psychiatrists, as stated in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation dated December 20, 1994, № 10.

Thus, in spite of the domestic characteristics of substantive and procedural civil law, in regulating the of judicial examination particularly, in both the United Kingdom and Russia, we see common principles of judicial examinations with the participation of psychologists and psychiatrists in cases involving compensation for damage caused to others, as well as criteria for expert evaluation of adverse mental state changes as a result of the injury.

References

1. Kommentarii k Federalnomu zakonu «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deiatelnosti v Rossiiskoi Federacii». M.: OOO «TK Velbi», 2002. 192 p.
2. Kravtcova M.A. Osobennosti kriminalisticheskoi identifikacii i diagnostiki primenitelno k ustanovleniiu moralnogo vreda, prichinennogo prestupleniem // Vestnik Polotckogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki. 2013. № 6. pp. 212-215
3. Normativno-pravovye dokumenty po sudebno-psikhiatricheskoi ekspertize / sost. A.A. Tkachenko. M., 2007. 195 p.

4. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaja ekspertiza v ugovnom protsesse. M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p.
5. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaja ekspertiza: Uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatelstvo Iurait, 2014. 421p.
6. Safuanov F.S. Eticheskie problemy ispolzovaniia psikhologicheskikh znanii v sudoproizvodstve v neprotcessualnykh formakh [Elektronnyi resurs] // // Psikhologija i pravo. 2014. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73024.shtml> (data obrashcheniia: 29.12.2015).
7. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Dozortceva E.G. i dr. Kompetentciia kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o kompensacii moralnogo vreda // Praktika sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy. M., 2005. Sb. № 43. pp. 326-336.
8. Tkachenko A.A. Ekspertnoe sudebno-psikhiatricheskoe issledovanie: Posobie dlja vrachei. M., 2006. 68 p.
9. Tkachenko A.A. Ekspertnoe sudebno-psikhiatricheskoe issledovanie: podgotovitelnaia i analiticheskaja stadii // Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal. 2005. № 3. pp. 44-50.
10. Kholopova E.N. Pravovye osnovy sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy po faktu moralnogo vreda v ugovnom sudoproizvodstve. Kaliningrad, 2003. 112 p.
11. Shipshin S.S., Berdnikov D.V., Kalinina A.N. Metodicheskie rekomendacii po proizvodstvu sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy po delam o kompensacii moralnogo vreda // Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy. – 2010. - №4 (20), - pp. 309-320.
12. Iuzhaninova A.L. Sudebno-psikhologicheskaja ekspertiza po delam o kompensacii moralnogo vreda. Saratov, 2000. 80 p.

Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних

Мартынова И.Р., аспирантка факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (irina.mart.r@gmail.com)

В статье проанализированы исследования прогностической структурированной оценки факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних в зарубежной психологии. Были рассмотрены проблемы предупреждения противоправного поведения среди подростков в Российской Федерации. Показано, как зарождался интерес к различным методам прогнозирования противоправного поведения. Рассмотрены существующие в настоящее время подходы к оценке риска: клинический, актуарный и динамический. Освещены статистические исследования, направленные на выявление предикторов противоправного поведения у несовершеннолетних. На примере служб пробации было показано, как происходит сопровождение подростков, совершивших различные правонарушения на разных этапах их реабилитации. В контексте принятой «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» показаны перспективы развития целостной системы правосудия, дружественного несовершеннолетнему правонарушителю. Рассмотрены возможности включения в нее структурированных методов оценки риска.

Ключевые слова: факторы риска противоправного поведения, факторы защиты, противоправное поведение, кейс-менеджмент, подростковый возраст.

Для цитаты:

Мартынова И.Р. Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 41-56.
doi: 10.17759/psylaw.2016060204

For citation:

Martynova I.R. Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful behavior among minors. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.41-56.
doi: 10.17759/psylaw.2016060104

В настоящее время достаточно остро стоит проблема предупреждения противоправного поведения среди несовершеннолетних. В «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [14] подчеркивается, что профилактическим аспектам работы с подростками-правонарушителями и их сопровождению необходимо уделять основное внимание. Деятельность служб должна быть направлена, прежде всего, на первичную профилактику, которая ставит своей целью нивелирование неблагоприятных социально-средовых факторов и развитие устойчивости подростка к их влиянию. Кроме того, немаловажной задачей является выявление так называемых «групп риска», с которыми проводится активная работа. И наконец, на этапе третичной профилактики предлагается разработка комплекса мер по предупреждению правонарушений у несовершеннолетних, уже вступивших в конфликт с законом, в том числе отбывающих наказание в уголовно-исправительных учреждениях или находящихся по судебному решению в школах закрытого типа. Такая деятельность предполагает создание в Российской Федерации целостной системы правосудия, дружественного несовершеннолетнему. В связи с этим, представляет особый интерес опыт других стран, в которых подобные модели успешно функционируют. В зарубежных системах ювенальной юстиции важное значение придается оценке факторов риска противоправного поведения. Истории их создания и направлениям современных исследований посвящена настоящая статья.

Изначально в социальных науках интерес к оценке факторов риска проявили криминологи. Ими были разработаны специальные карты для прогнозирования криминального поведения [1]. Однако их использование подвергалось серьезной критике, поскольку факторы риска были выделены на основании статистических исследований и включали в себя ограниченный круг социальных характеристик. В дальнейшем методы оценки риска стали широко использоваться в практике пенитенциарной системы и в клинике [8; 34].

Условно методы оценки риска социально-негативных последствий можно разделить на три направления [34].

Качественный, или клинический, подход опирается на результаты клинической диагностики, социальные факторы, тяжесть содеянного, особенности личности, динамику течения психического расстройства и т. п. [8; 9]. При вынесении решения по конкретному случаю специалисты ориентируются на собственные клинические суждения. Иногда добавлялись психологические и психиатрические отчеты для решения, в какой конкретный момент цель реабилитации была достигнута и лицо, совершившее противоправное деяние, больше не представляет опасности [2]. В данном подходе обнаруживается ряд недостатков: эффект субъективности при оценках риска, построении прогноза, трудности доказательного обоснования принятого решения, трудоемкость, большая временная, материальная затратность диагностики, недостаточно высокая точность прогноза и т. п. В дальнейшем были разработаны способы, позволяющие преодолеть эти ограничения. Предложено выносить решения коллегиально, при этом руководствоваться четкими унифицированными стандартизированными критериями. Для объективности оценки тех или иных факторов рекомендовалось документально подтверждать их, указывая источник, из которого получена информация, например, характеристика с места учебы, предыдущие обследования и т. п. Для проверки точности прогноза были проведены проспективные исследования и предложены специальные математические процедуры, определяющие эффективность прогнозирования [9].

Альтернативой клиническому подходу является актуарное, или статистическое направление. При оценке риска с помощью данного подхода предполагалось использование формализованных карт. Теоретической базой для данных методик стали многочисленные исследования предикторов противоправного поведения у различных социальных, возрастных и гендерных групп [1; 3; 5; 6; 7; 17]. Как следствие, при вынесении решения учитывается ряд демографических параметров, полученных с помощью статистики. Оценке подвергаются преимущественно социальные признаки, при этом практически не учитываются индивидуальные характеристики самого человека. Это ведет к возникновению стереотипов в системе оценивания и существенно снижает точность прогноза.

Попытки преодоления проблем, возникающих в рамках актуарного и клинического подходов, привели к созданию нового направления. При разработке концептуальных положений и конкретного инструментария методов структурированной оценки риска были синтезированы знания, накопленные ранее. Кроме того для повышения точности и гибкости в прогнозировании было предложено проводить оценку риска в динамике и уделять особое внимание так называемым «историческим факторам» [13]. Клинический случай наблюдается на протяжении определенного периода времени с постоянным или повторным мониторингом факторов риска. Предполагается, что при работе с данными методиками следует собрать достаточную информативную базу о случае, с которым придется работать. При исследовании учитываются актуальные факторы риска для данного лица. Должна быть оценена роль, которую играет насилие, совершенное в прошлом, для поведения в будущем. Таким образом, диагностика приобретает целостный и объективный характер.

Наряду с факторами, повышающими риск негативных последствий, были выделены так называемые «факторы защиты» («протективные факторы»), которые снижают эту вероятность. В качестве таковых могут выступать ценности человека, которые имеют гуманистическую направленность или же связаны с просоциальными установками [9; 40].

В ряде исследований было показано, что стремление придерживаться нормативных образцов поведения является наиболее значимым протективным фактором вне зависимости от пола, возраста и расовой принадлежности человека. Включение в социальные роли, связанные с социальным статусом, профессией или видом деятельности (ученик, студент, волонтер), которые формируются на морально этических и правовых нормах, может иметь сдерживающее воздействие [13]. Однако неформальные роли могут не выполнять такую функцию, более того, они могут способствовать противоправному поведению.

Условно факторы риска противоправного поведения могут быть разделены на наследственные, биологические и социально-психологические.

В группу биологических факторов входят различные заболевания, травмы и индивидуальные особенности несовершеннолетнего. Стоит особо подчеркнуть, что биологические предпосылки не следует рассматривать изолированно, без учета их сложного взаимодействия с психологическими и социальными факторами [9].

В некоторых исследованиях утверждается, что существует связь между противоправным поведением и мозговыми дисфункциями, которые возникают вследствие раннего негативного влияния различных вредностей на начальных сроках беременности, например, алкогольный синдром плода [6]. Скорее всего, у такого ребенка в дальнейшем будет выше тропность к алкоголю. Наряду с этим можно предполагать и более сложную

связь биологических вредностей и дальнейшего противоправного поведения. Поскольку алкогольный синдром плода возникает у детей, чьи родители злоупотребляют спиртными напитками, то, скорее всего, в таких семьях реализуются неадекватные стратегии и тактики воспитания, которые, в свою очередь, также повышают риск противоправного поведения [9].

Существуют исследования, доказывающие связь между низкой частотой сердечных сокращений, алкогольным синдромом плода, высоким уровнем тестостерона и курением во время беременности с возникновением противоправного поведения [6; 37].

Наследственная отягощенность наркологическими заболеваниями повышает риск раннего пристрастия к алкоголю самого подростка, что, в свою очередь, ведет к повышению риска противоправного поведения. В семьях, где мать употребляла алкогольные напитки во время беременности, реализуются неадекватные модели воспитания, что еще больше усиливает риск.

Следует сказать, что не прослеживается четкой статистической корреляционной связи между алкоголизмом отца и проявлением противоправного поведения у детей [33]. Не исключено, что отцы таких детей вообще не принимают участия в воспитании.

Гендерные исследования показали, что риск противоправного, прежде всего агрессивного поведения выше у юношей по сравнению с девушками [6; 17]. Данную закономерность можно объяснить культурными различиями в восприятии девочек и мальчиков, в частности, стереотипами, существующими в обществе. Юношам, в отличие от девушек, часто внушается, что они обязаны отстаивать себя и свои интересы, в том числе и агрессивными методами. Но стоит отметить, что недавние исследования показали снижение данной направленности в странах, где ведется активная борьба за права женщин. Эти тенденции прослеживаются в США, где с расширением прав женщин выросло, в свою очередь, и число совершаемых ими преступлений. Данная закономерность объясняется тем, что совершенные женщинами преступления стали рассматриваться так же тщательно, как и совершенные мужчинами, а уголовные дела стали доходить до суда [17].

Говоря о наличии психических заболеваний у ближайших родственников, исследователи предполагают, что они могут наследоваться несовершеннолетними, и это повышает риск агрессивного поведения вследствие специфических психопатологических факторов [40].

Ряд авторов указывают на связь противоправного поведения несовершеннолетних и употреблением психоактивных веществ самими подростками [6; 29]. Токсическое действие алкоголя и наркотиков снижает способность к произвольной регуляции поведения [9; 13]. Кроме того, вокруг подростка начинает формироваться определенный специфический микросоциум, в котором легко усваиваются криминальные стереотипы поведения. Также употребление психоактивных веществ, прежде всего наркотиков, приводит к включению несовершеннолетнего в деятельность преступных групп и ослаблению социальных связей, выступающих в роли защитных факторов.

В исследованиях было обнаружено, что чем раньше совершается противоправное деяние, тем более высок риск рецидива в дальнейшем [12; 18; 21]. Это объясняется тем, что неадаптивное диссоциальное поведение начинает формироваться достаточно рано, когда еще не сформированы внутренние защитные механизмы, и процесс развития личности происходит с отклонениями. При этом внутренняя уязвимость усугубляется негативными

внешними воздействиями (социальная изоляция, конфликты и давление в семье, круг сверстников с преимущественно противоправным поведением).

Социально-психологические предикторы противоправного поведения несовершеннолетних представляют собой весьма обширную и сложную группу, которая имеет свою возрастную специфику [7; 8; 9].

Во многих зарубежных исследованиях, изучающих противоправное поведение среди молодежи, фигурирует возраст 15 лет и ниже [28; 29]. Это объясняется тем, что лиц, достигших 16–17 лет, часто доставляют не в специализированные суды по делам несовершеннолетних, а рассматривают их дела наряду с взрослыми правонарушителями.

Проводились кросскультуральные исследования факторов риска у представителей различных национальностей. Было убедительно показано, что «расовый фактор» не может быть отнесен к биологическим. Существуют стереотипы, оказывающие влияние на вердикт суда [31; 26; 38]. Так, американскими исследователями выявлено, что вследствие этого феномена более строгие решения выносились в отношении подростков-афроамериканцев.

Вместе с тем, статистические исследования, проведенные в Северной Америке, обнаружили корреляционные связи национальной принадлежности с частотой и вероятностью противоправного поведения [38]. В течение трехлетнего проспективного исследования было обнаружено, что афроамериканцы с большей вероятностью подвержены риску рецидива преступного поведения, чем белое население Соединенных Штатов и выходцев из Латинской Америки. Данный фактор принято относить к социально-психологическим. Он связан с более низким социальным статусом, бедностью афроамериканских семей, меньшей доступностью для них образования и т. п. [38]. Время, проведенное в исправительном учреждении, также рассматривается как предиктор повторного противоправного поведения у несовершеннолетних [4; 30]. Подростковый возраст является одним из наиболее важных периодов в формировании личности. Поэтому на данном этапе легко прививаются не только просоциальные ценности, но и негативные образцы поведения, присваиваются роли тюремной субкультуры. Кроме того, во время пребывания в пенитенциарных учреждениях весьма ограничена возможность ориентации на социально одобряемые модели поведения.

Существует точка зрения, согласно которой предполагается, что характер уже совершенного правонарушения может помочь в прогнозировании риска дальнейшего противоправного поведения. Было показано, что тяжелые деликты, связанные с агрессией и насилием, могут рассматриваться в качестве достоверного маркера повторных аналогичных правонарушений. Кроме того, в зарубежной практике выделены специфические, свойственные только несовершеннолетним возрастным отклонения от социальных норм [21]. Например, в них входит распитие спиртных напитков, побеги из дома, прогулы и нарушение комендантского часа и т. п. Такие проступки рассматривают как некий трамплин для дальнейшей возможной криминализации.

Обнаружено, что совершенные ненасильственные противоправные деяния (кражи, распространение наркотиков, мошенничество и т. п.) в подростковом возрасте имеют не только тенденцию к повторению, но и могут рассматриваться в качестве фактора риска более серьезных правонарушений [39]. Этот факт натолкнул исследователей на мысль, что при оценке риска криминального поведения в анализ необходимо включать так называемые «исторические факторы», касающиеся ранее совершенных правонарушений [26]. Вместе с тем подчеркивается, что коррекционные и профилактические интервенции должны проводиться осторожно и дифференцировано. Активность в деятельности

специалистов должна быть пропорциональна уровню риска. Наряду с оценкой криминального прошлого подростка необходимо учитывать его актуальное состояние. Особое внимание следует уделять ресурсным сторонам несовершеннолетнего. Эти рекомендации направлены на то, чтобы молодые правонарушители не стигматизировались обществом.

Немаловажную роль при оценке риска противоправного поведения играет анализ ближайшего окружения подростка. Так, прослежена связь между судимостью родителей и криминальной активностью их детей. Согласно полученным данным [15], несовершеннолетние, которые родились в семьях, где отцы привлекались к уголовной ответственности в возрастном интервале от 18 до 23 лет, достоверно чаще сами совершали правонарушения. Авторы склоняются к мнению, что это происходит не столько вследствие действия биологических факторов. По-видимому, такая закономерность может быть объяснена в рамках процесса формирования специфической «криминальной идентичности».

В исследованиях особое значение придается характеру воспитания в семьях подростков-правонарушителей. Было обнаружено, что чрезмерно жесткая дисциплина повышает риск противоправного, прежде всего агрессивного, поведения [6; 33; 44]. Особая роль при этом отводится жестокому обращению с ребенком и другими членами семьи. В многочисленных исследованиях было показано, что несовершеннолетние, подвергавшиеся или бывшие свидетелями домашнего насилия, в подростковом возрасте достоверно чаще проявляют агрессию [44; 45]. Неумение адекватно справляться со стрессом нередко ведет к употреблению алкоголя и наркотиков, что еще больше усиливает криминальные тенденции.

Недостаточный контроль за поведением ребенка является весомым фактором риска. Показано, что наиболее уязвимыми в этом отношении являются мальчики, причем в возрасте до десяти лет [43]. Авторы полагают, что в этот период значимый взрослый является для ребенка основным носителем правил и норм. Усвоение которых, может быть осложнено недостатком дисциплинарных мер и воздействий. В то же время семейная стабильность, относительно высокий социальный статус родителей и полная семья считаются одним из наиболее важных протективных факторов. В ряде исследований обнаружено, что родительское внимание снижает риск противоправного поведения даже у тех несовершеннолетних, которые уже включены в круг сверстников с противоправным поведением. В лонгитюдном исследовании показано, что участие отца в досуге сыновей снижает вероятность противоправного поведения [23]. Таким образом, семья является сдерживающим фактором возникновения противоправного поведения [44].

В ряде работ была предпринята попытка выявить связь между противоправным поведением и пережитым травматическим событием в детстве. Однако выводы, подкрепленные статистическими данными, авторы не приводят [22; 41].

Наибольший интерес представляют исследования, в которых, предпринимаются попытки связать индивидуальные и социальные факторы риска. Так, выявлено, что неустойчивая самооценка, формирующаяся вследствие социальной неуспешности в среде сверстников, может привести к искаженной оценке нейтральных ситуаций и восприятию их как враждебных. В этом случае один из механизмов предотвращения негативных влияний на Я-концепцию – это проявление насилия и агрессии [8]. Также в группах просоциальных сверстников несовершеннолетний усваивает социальные нормы и правила. Отвержение несовершеннолетнего лишает его такой возможности, что в итоге может привести к

совершению противоправного деяния [8;18]. Криминальной субкультуре отводится значительная роль при прогнозировании риска противоправного поведения. Он существенно увеличивается в том случае, если несовершеннолетний начинает самоутверждаться в таком специфическом микросоциуме и претендует на лидерские позиции. Поэтому для подростков «группы риска» очень важно формирование опыта успешности в социально одобряемой деятельности.

Эффективность профилактических мер во многом зависит от того, как организовано сопровождение несовершеннолетнего и какие методы оценки риска используются специалистами.

Некоторые специалисты полагают, что необходимо применять профильные инструменты, специфичные для того или иного вида правонарушений. Например, для оценки риска агрессивного поведения за рубежом широко используются такие методики, как EARL-20 B SOAP-II, SAVRY и т. п. [8].

Риск противоправного поведения в целом позволяет оценивать многопрофильная методика Assessing Risk and Need in Youthful Offenders – RNA [26], в российской модификации «Оценки риска и возможностей несовершеннолетних» (ОРВ) [7; 8; 9]. Опыт ее успешного применения в Российской Федерации показан в ряде исследований [3; 7; 9].

Следует подчеркнуть, что методы оценки риска не являются изолированными инструментами. Они включены в целостную систему специализированного правосудия для несовершеннолетних.

Примером такого многопрофильного сопровождения подростка-правонарушителя является пробационная служба, функционирующая в Канаде [11].

Офицер пробации привлекает к деятельности специалистов разных структур и координирует их работу. Это позволяет осуществлять индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему, попавшему в поле зрения закона. Аналогичные системы существуют в Европе [10].

Перспективы для создания подобной службы в России были заложены в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [14]. Поэтому дальнейшее исследование факторов риска противоправного поведения несовершеннолетних и создание новых методов их оценки представляется перспективным направлением.

Литература

- 1) Блекборн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. 596с.
- 2) Булыгина В.Г. Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (дата обращения: 02.12.2015).
- 3) Воронова Е.Л., Шипшин С.С. Руководство по судебному процессу в рамках кейс-менеджмента (Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом в соответствии со статьей 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ) [Электронный ресурс] // Ростов-на-Дону, sudexpert.ru 2009. URL:

- http://www.juvenilejustice.ru/files/attachements/documents/369_633.doc. (дата обращения: 20.12.15).
- 4) *Дебольский М.Г.* Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 16.02.2016).
 - 5) *Дмитриева Т.Б.* Мотивация криминальной агрессии у женщин // *Российский психиатрический журнал*. 2000. № 5. С. 20—25.
 - 6) *Дозорцева Е.Г.* Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: РИО «ГНЦ ССП Росздрава», 2004. 352 с.
 - 7) *Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А.* Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. 25 с.
 - 8) *Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С.* Клинико-психологические методы оценки риска совершения агрессивных действий несовершеннолетними: аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава». 2009. 29с.
 - 9) *Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г.* Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // *Психическое здоровье*. 2014. №. 7 (98) С. 3–11.
 - 10) *Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А.* Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (англосаксонские модели ювенальной юстиции) [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование* psyedu.ru. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62500.shtml (дата обращения: 09.04.2016).
 - 11) *Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева С.В., Чибисова И.А.* Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (континентальные модели ювенальной юстиции) [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование* psyedu.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53454.shtml (дата обращения: 09.04.2016).
 - 12) *Ремимидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир. 1994.682 с.
 - 13) *Сафуанов. Ф. С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл. 2003. 560 с.
 - 14) Указ Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 1 июня 2012 г. № 761. [Электронный ресурс]. consultant.ru

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/ (дата обращения: 12.04.2016).

- 15) *Baker B.L., et.al.* Preschool children with and without developmental delay: Behavior problems and parenting stress over time // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2003. Vol. 47.P. 217–230.
- 16) *Bridges G.S. et.al.* Racial Disparities in Official Assessments of Juvenile Offenders: Attributional Stereotypes as Mediating Mechanisms // *American Sociological Review*. 1998. Vol. 63. P. 554–570.
- 17) *Chesney-Lind M. et.al.* Girls, delinquency, and juvenile justice (2nd ed.). Belmont, CA: West/Wadsworth, 1998. 301 p.
- 18) *Crick N.R. et.al* A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment // *Psychopathological Bulletin*. 1984. Vol. 115. P. 74-101.
- 19) *Douglas K.S. et al.* The HCR-20 Violence Risk Management Companion Manual. Vancouver: B.C. Mental Health, Law, and Policy Institute, Simon Fraser University, 2000. P. 41–58.
- 20) *Duncan R.D. et.al.* Four-factor model of recidivism in male juvenile offenders // *Journal of Clinical Child Psychology*. 1995. Vol. 24. № 3. P. 250–257.
- 21) *Duncan T.E. et.al.* The consistency of family and peer influences on the development of substance use in adolescence // *Addiction*. 1995. Vol. 95. №. 12. P. 1647–1660.
- 22) *Eitle D. et.al.* Exposure to community violence and young adult crime: The effects of witnessing violence, traumatic victimization, and other stressful life events // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2002. Vol. 39. №. 2. P.214–237.
- 23) *Farrington D.P.* Early predictors of adolescent aggression and adult violence // *Violence and Victims* / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 4. P. 79–100.
- 24) *Grenier C.E. et.al.* Predicting recidivism among adjudicated delinquents: A model to identify high risk offenders // *Journal of Offender Counseling, Services & Rehabilitation*. 1987. Vol. 12. P. 101–112.
- 25) *Haapanen R.A. et.al.* Selective incapacitation and the serious offender: A longitudinal study of criminal career patterns. New York: Springer-Verlag, 1990. 160 p.
- 26) *Hoge R.D. et.al.* Youth Level of Service / Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services, 2002. 153 p.
- 27) *Howell J.C.* Guide for implementing the comprehensive strategy for serious, violent, and chronic juvenile offenders. Washington, DC: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 1995. 6 p.

- 28) *Katsiyannis A.C.* Background and psychosocial variables associated with recidivism among adolescent males: A 3-year investigation // *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*. 2004. Vol. 12. №. 1. P. 23–29.
- 29) *Katsiyannis A.C. et.al.* Factors related to recidivism among delinquent youths in a state correctional facility // *Journal of Child and Family Studies*. 1997. Vol. 6. P. 43–55.
- 30) *Langan P.A. et.al.* Recidivism of sex offenders released from prison in 1994. Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics, 2003. 16 p.
- 31) *Leiber M.J.* The Contexts of Juvenile Justice Decision Making: When Race Matters. State University of New York, Albany, New York, 2003. 225 p.
- 32) *Leon J.S.* New and Old Themes in Canadian Juvenile Justice. Toronto: University Toronto, 2008. 567 p.
- 33) *McCord J.* Some child-rearing antecedents of criminal behavior in adult men // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37. P. 1477–1486.
- 34) *McMurrin M.* Substance use and delinquency // *Clinical approaches to working with young offenders*. 1996. Vol. 1. P. 209–235
- 35) *Miner M.H.* Factors associated with recidivism in juveniles: An analysis of serious juvenile gender offenders // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2002. Vol. 39. P. 421–436.
- 36) *Minor K.I. et.al.* Sentence completion and recidivism among juveniles referred to teen courts // *Crime & Delinquency*. 1999. Vol. 45. P. 467–480.
- 37) *Moffitt T.E.* Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100. №. 4. P. 674–701.
- 38) *Pope C.E.* Race as a Factor in Juvenile Arrests. Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, Office of Justice Programs, U.S. Department of Justice, 2003. 7 p.
- 39) *Reppucci N.D. et.al.* Youth violence: risk and protective factors // *Multi-problem violent youth*. Cracow, 2002. Vol. 5. P. 25–45.
- 40) *Rutter M.* Child and adolescent psychiatry. Modern approaches. Oxford, 1985. 1096 p.
- 41) *Scarpa A.* CV exposure in a young adult sample: Lifetime prevalence and socioemotional effects // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol. 16. №. 1. P. 36–53.
- 42) *Seabloom W.* A 14-to 24-year longitudinal study of a comprehensive sexual health model treatment program for adolescent gender offenders: predictors of successful completion and subsequent criminal recidivism // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2003. Vol. 47. №. 4. P. 468–481.
- 43) *Smith C.A.* The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency // *Criminology*. 1995. Vol. 33. P. 451–481.

- 44) *Warr M.* Parents, peers, and delinquency // *Social Forces*. 1993. Vol. 72. №. 1. P. 247–264.
- 45) *Wells L.E.* Direct parental controls and delinquency // *Criminology*. 1988. Vol. 26. P. 263–285
- 46) *Williams L.M.* Recall of childhood trauma: A prospective study of women’s memories of child abuse // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994. Vol. 62. P. 1167–1177.
- 47) *Wright B.R.* Reconsidering the relationship between SES and delinquency: Causation but not correlation // *Criminology*. 1999. Vol. 37. №. 1. P. 175–194.

Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful behavior among minors

Martynova I.R., Postgraduate student of Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (irina.mart.r@gmail.com)

The article analyzes the problem of the study of the predictive and structured risk assessment of illegal behavior among minors in foreign psychology. Problems, which prevent unlawful behavior among adolescents in the Russian Federation, have been analyzed. It is shown how the interest to the various methods of prediction of illegal behavior emerged. The existing of the main currently existing approaches to risk assessment (clinical, actuarial and dynamic) have been made. Numerous statistical studies aimed to identify predictors of unlawful behavior among minors were covered in present review. The escort at different stages of rehabilitation of teenagers committed various offenses was described on the example of the probation system. The possible development of an integrated system of juvenile justice in the Russian Federation was described in the context of the «National Action Strategy for Children for 2012-2017». The possibility of inclusion of structured risk assessment techniques.

Keywords: risk factors, protective factors, unlawful conduct, case management, adolescence.

References

1. Blekborn R. Psihologija kriminal'nogo povedenija [The psychology of criminal behavior]. Saint-Petersburg : Publ. Piter, 2004. 596p.
2. Bulygina V.G. Izmerenie riskov nasilija v sudebnoj psihiatrii [Measuring the risks of violence in forensic psychiatry]. [Elektronnyj resurs]: Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. 2011, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (Accessed 16.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Voronova E.L., Shipshin S.S. Rukovodstvo po sudebnomu processu v ramkah kejs-menedzhment (Tehnologija sbora i analiza juridicheski znachimoj informacii o nesovershennoletnem podsudimom v sootvetstvii so stat'ej 421 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF) [Guide on trial as part of case management (collection and analysis technology of legally significant information about the juvenile defendant in accordance with Article 421 of the Criminal Procedure Code)]. Rostov-na-Donu. sudexpert.ru. [Elektronnyj resurs]. 2009, Available at: http://www.juvenilejustice.ru/files/attachements/documents/369_633.doc. (Accessed 16.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

4. Debol'skij M.G. Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh [Problems of risk of relapse during parole of convicted] [Elektronnyj resurs]. Psihologija i pravo [Psychology and Law]. 2014, no 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed 16.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Dmitrieva T. B. Motivacija kriminal'noj agressii u zhenshin [Women's motivation of criminal aggression]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2000, № 5. P. 20—25. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal development of the personality of adolescents with unlawful conduct]. Moscow: Publ. RIO «GNC SSP Roszdava», 2004. 352p.
7. Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S., Aleksandrova N.A. Ocenka riska protivopravnih dejstvij u detej i podrostkov. Metodicheskie rekomendacii [Risk assessment of illegal actions of children and teenagers. Guidelines]. Moscow: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P.Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii, 2011. 25 p.
8. Makushkin E.V., Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S. Kliniko-psihologicheskie metody ocenki riska sovershenija agressivnyh dejstvij nesovershennoletnimi: Analiticheskij obzor [Clinical and psychological methods of risk assessment of committing aggressive acts by minors: Analytical overview]. Moscow: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P.Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii, 2009. 29p.
9. Oshevskij D.S., Dozorceva E.G. Perspektivy ispol'zovanija strukturirovannyh metodov ocenki riska povtornyh deliktov pri psihologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnih pravonarushitelej s psihicheskimi rasstrojstvami [Prospects for the use of structured risk assessment methods for repeated misdemeanors under psychological support juvenile offenders with mental disorders]. Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]. 2014, no. 7 (98) P. 3-11.
10. Oshevskij D.S., Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A. Social'nye i psihologicheskie aspekty ugolovnogogo juvenal'nogo pravosudija v mirovoj praktike (anglosaksonskie modeli juvenal'noj justicii)[Social and psychological aspects of criminal juvenile justice in the world (the Anglo-Saxon model of juvenile justice)]. [Elektronnyj resurs]: Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. 2013, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62500.shtml (Accessed 09.04.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Oshevskij D.S., Dozorceva E.G., Badmaeva S.V., Chibisova M.Ju. Social'nye i psihologicheskie aspekty ugolovnogogo juvenal'nogo pravosudija v mirovoj praktike (kontinental'nye modeli juvenal'noj justicii)[Social and psychological aspects of criminal juvenile justice in the world (continental model of juvenile justice)]. [Elektronnyj resurs]: Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. 2012, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53454.shtml (Accessed 09.04.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Remshmidt X. Podrostkovyj i junosheskij vozrast. Problemy stanovlenija lichnosti [Adolescence and early adulthood. Problems of identity formation]. Moscow: Mir. 1994.682 p.
13. Safuanov. F. S.Psihologija kriminal'noj agressii [Criminal aggression Psychology]. Moscow: Smysl. 2003. 560p.
14. Ukaz Prezidenta RF «O nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012-2017 gody» ot 1 ijunja 2012[Presidential Decree "On the National Action Strategy for Children for 2012-2017]. no 761. consultant.ru [Elektronnyi resurs]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/ (Accessed12.04.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Baker B.L., et.al. Preschool children with and without developmental delay: Behavior problems and parenting stress over time // Journal of Intellectual Disability Research. 2003. Vol. 47.P. 217–230.
16. Bridges G.S. et.al. Racial Disparities in Official Assessments of Juvenile Offenders: Attributional Stereotypes as Mediating Mechanisms // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. P. 554–570.
17. Chesney-Lind M. et.al. Girls, delinquency, and juvenile justice (2nd ed.). Belmont, CA: West/Wadsworth, 1998. 301 p.
18. Crick N.R. et.al A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment // Psychopathological Bulletin. 1984. Vol. 115. P. 74-101.
19. Douglas K.S. et al. The HCR-20 Violence Risk Management Companion Manual. Vancouver: B.C. Mental Health, Law, and Policy Institute, Simon Fraser University, 2000. P. 41–58.
20. Duncan R.D. et.al. Four-factor model of recidivism in male juvenile offenders // Journal of Clinical Child Psychology. 1995. Vol. 24. № 3. P. 250–257.
21. Duncan T.E. et.al. The consistency of family and peer influences on the development of substance use in adolescence // Addiction. 1995. Vol. 95. №. 12. P. 1647–1660.
22. Eitle D. et.al. Exposure to community violence and young adult crime: The effects of witnessing violence, traumatic victimization, and other stressful life events // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2002. Vol. 39. №. 2. P.214–237.
23. Farrington D.P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence // Violence and Victims / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 4. P. 79–100.
24. Grenier C.E. et.al. Predicting recidivism among adjudicated delinquents: A model to identify high risk offenders // Journal of Offender Counseling, Services & Rehabilitation. 1987. Vol. 12. P. 101–112.

25. *Haapanen R.A. et.al.* Selective incapacitation and the serious offender: A longitudinal study of criminal career patterns. New York: Springer-Verlag, 1990. 160 p.
26. *Hoge R.D. et.al.* Youth Level of Service / Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services, 2002. 153 p.
27. *Howell J.C.* Guide for implementing the comprehensive strategy for serious, violent, and chronic juvenile offenders. Washington, DC: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 1995. 6 p.
28. *Katsiyannis A.C.* Background and psychosocial variables associated with recidivism among adolescent males: A 3-year investigation // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2004. Vol. 12. №. 1. P. 23–29.
29. *Katsiyannis A.C. et.al.* Factors related to recidivism among delinquent youths in a state correctional facility // Journal of Child and Family Studies. 1997. Vol. 6. P. 43–55.
30. *Langan P.A. et.al.* Recidivism of sex offenders released from prison in 1994. Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics, 2003. 16 p.
31. *Leiber M.J.* The Contexts of Juvenile Justice Decision Making: When Race Matters. State University of New York, Albany, New York, 2003. 225 p.
32. *Leon J.S.* New and Old Themes in Canadian Juvenile Justice. Toronto: University Toronto, 2008. 567 p.
33. *McCord J.* Some child-rearing antecedents of criminal behavior in adult men // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. Vol. 37. P. 1477–1486.
34. *McMurrin M.* Substance use and delinquency // Clinical approaches to working with young offenders. 1996. Vol. 1. P. 209–235
35. *Miner M.H.* Factors associated with recidivism in juveniles: An analysis of serious juvenile gender offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2002. Vol. 39. P. 421–436.
36. *Minor K.I. et.al.* Sentence completion and recidivism among juveniles referred to teen courts // Crime & Delinquency. 1999. Vol. 45. P. 467–480.
37. *Moffitt T.E.* Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. 1993. Vol. 100. №. 4. P. 674–701.
38. *Pope C.E.* Race as a Factor in Juvenile Arrests. Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, Office of Justice Programs, U.S. Department of Justice, 2003. 7 p.
39. *Reppucci N.D. et.al.* Youth violence: risk and protective factors // Multi-problem violent youth. Cracow, 2002. Vol. 5. P. 25–45.
40. *Rutter M.* Child and adolescent psychiatry. Modern approaches. Oxford, 1985. 1096 p.

41. *Scarpa A.* CV exposure in a young adult sample: Lifetime prevalence and socioemotional effects // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol. 16. №. 1. P. 36–53.
42. *Seabloom W.A.* 14-to 24-year longitudinal study of a comprehensive sexual health model treatment program for adolescent gender offenders: predictors of successful completion and subsequent criminal recidivism // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2003. Vol. 47. №. 4. P. 468–481.
43. *Smith C.A.* The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency // *Criminology*. 1995. Vol. 33. P. 451–481.
44. *Warr M.* Parents, peers, and delinquency // *Social Forces*. 1993. Vol. 72. №. 1. P. 247–264.
45. *Wells L.E.* Direct parental controls and delinquency // *Criminology*. 1988. Vol. 26. P. 263–285
46. *Williams L.M.* Recall of childhood trauma: A prospective study of women's memories of child abuse // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994. Vol. 62. P. 1167–1177.
47. *Wright B.R.* Reconsidering the relationship between SES and delinquency: Causation but not correlation // *Criminology*. 1999. Vol. 37. №. 1. P. 175–194.

Принятие решений у специалистов судебно- психиатрического профиля (психологический аспект)

Шмакова Е.В., медицинский психолог, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Психиатрическая больница № 5» Департамента здравоохранения Москвы (gta2023@gmail.com)

Попова Е.М., заведующая организационно-методическим отделом, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Психиатрическая больница № 5» Департамента здравоохранения Москвы (konvertt@yandex.ru)

Шеховцова Е.С., студентка 4 курса кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (shiha.l@mail.ru)

Кабанова Т.Н., кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (tatianak0607@yandex.ru)

В статье представлены результаты исследования психологических факторов принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля. Приводятся данные опроса 10 медицинских психологов и 10 врачей-психиатров, осуществляющих принудительное лечение в ГБУЗ ПБН№5 ДЗМ, в сравнении с контрольной группой, состоящей из специалистов, работающих в сфере образования, производства, услуг и в технической сфере. Методический комплекс включал: Опросник интуитивного стиля Эпстайна (апробация Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова); Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой); Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой); опросник «Личностные факторы принятия решений» (Т.В. Корниловой); методику В. Смекала и М. Кучера; методику Р. Цветковой; Опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона и А Харрисона (адаптация А.А. Алексеева); опросник «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, адаптация М.А. Падун, А.В. Котельникова); анкеты, нацеленные на выявление типа решений, принимаемых специалистом в профессиональной деятельности, их частоты, важности, субъективной оценки необходимых для принятия решения качеств и оценки наиболее значимого мнения в процессе принятия решений.

Были определены особенности принятия решений в зависимости от гендерной принадлежности. Выявлены взаимосвязи рода деятельности и частоты встречаемости различных видов решений в профессиональной деятельности специалистов. Проанализирована взаимосвязь учета мнений других людей при принятии решений и рода деятельности.

Ключевые слова: принятие решений, принудительное лечение, судебно-психиатрическая профилактика.

Для цитаты:

Шмакова Е.В., Попова Е.М., Шеховцова Е.С., Кабанова Т.Н. Принятие решений у специалистов судебно-психиатрического профиля (психологический аспект). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 57-71. doi: 10.17759/psylaw.2016060205

For citation:

Shmakova E.V., Popova E.M., Shekhovtsova E.S., Kabanova T.N. Decision making in specialist forensic psychiatric (the psychological aspect). [Elektronnyy resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.57-71. doi: 10.17759/psylaw.2016060105

Введение

Принятие решений (ПР) является неотъемлемой частью профессиональной деятельности специалистов в сфере принудительных мер медицинского характера (ПММХ). В сфере реализации ПММХ ПР рассматривается как прогностическая деятельность специалистов, направленная на оценку риска насилия и внутрибольничной агрессии [2;4;5;24]. Под измерением риска насилия понимается оценка пациентов в целях характеристики риска, определения обстоятельств, которые могут привести к совершению насилия в будущем, для разработки мер, способствующих управлению риском насилия или его редукции. Точность составленного прогноза является важным компонентом, обеспечивающим эффективность превентивных мероприятий в судебной психиатрии [11;18]. Для оценки вероятности нарушения пациентом режимных требований во время принудительного лечения (ПЛ) используются критерии, отличные от тех, которые применяют для прогноза повторных случаев антисоциального поведения уже после прекращения ПЛ [3].

Необходимость изучения особенностей принятия решений, а также факторов, влияющих на прогностическую деятельность специалистов судебно-психиатрического профиля, обусловлена практическими задачами системы исполнения принудительных мер медицинского характера и необходимостью повышения точности оценки риска совершения повторных общественно опасных деяний.

Теоретико-методические основы исследования

Процессом принятия решений называется осуществление выбора, ведущего к достижению цели, формирование последовательности действий при помощи переработки доступной информации в ситуации неопределенности [7;8]. В структуру процесса ПР входят цель, результат ПР, способы достижения цели, критерии выбора и оценки [6]. Во время ПР

происходит самостоятельное определение ценностей, осознание возможных последствий принимаемого решения, в том числе личностных изменений, при этом сохранение достаточной степени произвольности в оценивании альтернатив. Осуществление выбора обусловлено интеллектуальной подготовкой лица, принимающего решение, личностной включенностью в виде саморегуляции возможного вклада личностных усилий в разрешение ситуации неопределенности, которая определяется как такая ситуация, в которой ПР осуществляется без опоры на опыт, так как в нем отсутствуют возможные альтернативы выбора и поведенческих реакций на данную ситуацию [15].

Возникновение ситуации неопределенности возможно как в ситуации недостатка информации, так и в ситуации ее избытка [8;9]. При этом ПР в ситуации неопределенности характеризуется уменьшением количества вероятных альтернатив на основе доступной человеку информации [30]. Также выделяется понятие «толерантность к неопределенности», которое понимается как способность к принятию неопределенности, а также отсутствие чувства дискомфорта при принятии решений в такого рода ситуациях [29].

Процесс ПР может протекать как на сознательном уровне, так и на бессознательном. В первом случае данный процесс обусловлен мышлением, а во втором – интуицией. Интуитивное ПР чаще возникает в условиях неопределенности [26] и психофизической усталости [19]. При этом контролю и осознанию доступно только уже сформулированное решение, которое воспринимается как догадка, а для обработки доступны большие объемы информации [19;21;26]. При ПР на сознательном уровне соответственно требуется более длительный временной промежуток, усиленный контроль за процессом выбора при значительной затрате сил [21].

Основными личностными характеристиками, влияющими на принятие решения, являются следующие.

1. Принятие/избегание риска определяют ПР в пользу вероятностно заданной или надежной альтернативы [15]. Склонность к риску связана с импульсивностью [29]. Избегание риска характерно для людей с высоким уровнем интеллекта [28].

2. Мужчины, делая выбор, более стойки в достижении целей, склонны к риску, агрессивны. Женщины более толерантны к неопределенности, чаще используют интуицию при ПР [12;15].

3. Эмоциональность связана с нерациональным ПР, импульсивностью и готовностью к риску [12;15;17;25].

4. Высокий уровень самоконтроля и саморегуляции тесно связан с рациональностью, а также тревожностью и большими временными затратами на ПР [10;12;15;17;25].

5. На интуицию при ПР в большей степени полагаются люди гуманитарной направленности и люди без высшего образования [17].

6. Личностная тревожность связана с большей длительностью процесса ПР [12].

7. Уровень практического интеллекта в совокупности с низким уровнем чувства вины и стремлением к доминированию способствует успешному ПР. Однако высокая самооценка собственного интеллекта отрицательно влияет на успешность выбора [28].

8. Для успешного ПР кроме «базового» образования необходимы умение строить и выделять причинно-следственные связи, опираться на гипотетические ориентиры и не делать ошибок, основанных на предубеждениях [15].

9. Предшествующий личный опыт (знания, осознание возможных последствий выбора) влияет на ПР только в том случае, когда нет угрозы, субъективно значимым ценностям для человека. [15].

Материал и методы исследования

Основная группа: специалисты, осуществляющие принудительное лечение в Государственном бюджетном учреждении здравоохранения города Москвы «Психиатрическая больница № 5 Департамента здравоохранения Москвы» (n=20: медицинских психологов n=10 и врачей-психиатров n=10), в возрасте от 24 до 55 лет. Половой состав группы: 9 мужчин, 11 женщин.

Контрольная группа: специалисты, работающие в сфере образования (n=4), сфере производства и услуг (n=11) и технической сфере (n=10) в возрасте от 26 до 39 лет. Половой состав группы: 10 мужчин, 15 женщин.

Методический комплекс.

1. Опросник интуитивного стиля Эпстайна (апробация Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов), направлен на установление степени ориентации на рациональное или интуитивное принятие решения [17].

2. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой), диагностирует толерантность по трем шкалам: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности [14].

3. Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой), диагностирует четыре компонента ПР: бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность [13].

4. Опросник «Личностные факторы принятия решений» (Т.В. Корниловой), направлен на выявление личностных свойств, отражающихся в процессе ПР: готовность к риску и рациональность [12;16].

5. Методика В. Смекала и М. Кучера, диагностирующая направленность личности на себя, на задачу и на взаимодействие [20].

6. Методика Р. Цветковой, направленная на изучение мотивационной сферы личности, которая включает в себя высокую потребность в познании, активную самостоятельность, мотивационно-ценностные отношения, эмоционально-волевую регуляцию поведения, активное самосознание и рефлексивность [27].

7. Опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона и А Харрисона (адаптация А.А Алексеева), направлен на диагностику пяти стилей мышления [1].

8. Опросник «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман (адаптация М.А. Падун и А.В. Котельникова), нацелен на выявление базовых убеждений [22].

9. Анкеты, направленные на выявление типа решений, принимаемых специалистом в профессиональной деятельности, их частоты, важности, субъективной оценки необходимых для принятия решения качеств.

Статистическая обработка полученных данных производилась в программе IBM SPSS Statistics v23, использовались корреляционный анализ (Пирсона) для определения силы

связи между переменными, непараметрический метод сравнения групп U Манна–Уитни, критерий Краскела–Уоллиса, регрессионный анализ.

Анализ результатов исследования

Для определения взаимосвязи стиля принятия решения и профиля профессиональной деятельности был проведен регрессионный анализ, который показал большую значимость для специалистов судебно-психиатрического профиля направленности на взаимные действия, направленности на задачу, направленности на себя и преобладания прагматического стиля мышления. Для контрольной группы в большей степени были характерны готовность к риску и сверхбдительность.

Статистический сравнительный анализ основной и контрольной группы по критерию Манна–Уитни ($U_{\text{крит.}} = 177$, при $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, при $p = 0,01$) показал наличие статистически значимых различий между группой лиц, работающих в сфере исполнения ПММХ, и контрольной группой по следующим параметрам: «стратегия ПР – бдительность» ($U_{\text{эмп}} = 351$, $p = 0,019$, $p < 0,05$); «межличностная интолерантность к неопределенности» – $p = 0,002$ ($U_{\text{эмп}} = 115$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, $p = 0,01$); «рациональность» – $p = 0,032$ ($U_{\text{эмп}} = 343,5$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, $p = 0,01$); «направленность на взаимные действия» – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 000$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, при $p = 0,01$); «направленность на задачу» – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 24,5$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, $p = 0,01$); «эмоционально-волевая регуляция» – $p = 0,005$ ($U_{\text{эмп}} = 368$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, $p = 0,01$); «прагматический стиль мышления» – $p = 0,004$ ($U_{\text{эмп}} = 374$; $U_{\text{крит.}} = 177$, $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 147$, $p = 0,01$).

Статистический анализ внутригрупповых различий по критерию Манна–Уитни ($U_{\text{крит.}} = 27$, при $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 19$, при $p = 0,01$) между группами врачей-психиатров и медицинских психологов показал наличие статистически значимых различий по следующим параметрам: «интолерантность к неопределенности» ($U_{\text{эмп}} = 100$ при $p = 0,000$, $p < 0,001$); «межличностная интолерантность к неопределенности» ($U_{\text{эмп}} = 100$ при $p = 0,000$, $p < 0,001$); «высокая потребность в знаниях» ($U_{\text{эмп}} = 15$ при $p = 0,007$, $p < 0,01$); «эмоционально-волевая регуляция» ($U_{\text{эмп}} = 23$, при $p = 0,036$, $p < 0,05$).

Выявлено, что медицинским психологам в большей степени свойственны интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности; психиатры в большей степени способны к эмоционально-волевой регуляции деятельности и испытывают высокую потребность в знаниях.

Для специалистов, работающих в сфере ПММХ, более значимыми являются потребность в общении, мотивы деятельности, мотивы собственного благополучия, преобладает прагматический стиль мышления. Им присуща межличностная интолерантность к неопределенности, направленность на задачу и на взаимные действия.

У испытуемых контрольной группы преобладают готовность к риску, импульсивное ПР, спонтанность поведения, независимость от окружающих. Для них характерен прагматический стиль мышления, рациональность и стратегия ПР бдительность, также для них более значима эмоционально-волевая регуляция деятельности.

Для определения влияния гендерных различий на особенности принятия решений был проведен регрессионный анализ влияния половой принадлежности на процесс ПР (основная и контрольная группы), который показал большую выраженность у испытуемых мужского пола высокой потребности в знаниях, стратегии бдительности, направленности на задачу, переменной «Средство», готовности к риску. У испытуемых женского пола в большей степени выражены базовое убеждение «образ Я», активная самостоятельность, реалистический стиль мышления.

Статистический анализ внутригрупповых различий по критерию Манна-Уитни ($U_{\text{крит.}} = 27$, при $p = 0,05$; $U_{\text{крит.}} = 18$, при $p = 0,01$) между группами мужчин и женщин, работающих в сфере исполнения ПММХ, показал наличие статистически значимых различий по следующим параметрам: «стратегия ПР – бдительность» ($U_{\text{эмп}} = 20$ при $p = 0,023$, $p < 0,5$); «межличностная интолерантность к неопределенности» ($U_{\text{эмп}} = 79$ при $p = 0,025$, $p < 0,5$); «высокая потребность в знаниях» ($U_{\text{эмп}} = 22,5$ при $p = 0,036$, $p < 0,5$).

Таким образом, можно сделать вывод, что мужчины независимо от рода деятельности испытывают высокую потребность в знаниях, рассматривают различные альтернативы при ПР, для них характерны мотив деятельности, спонтанность поведения, независимость от окружающих, готовность к риску. Для женщин в большей степени характерны преобладание убеждения относительно собственной ценности, стремление к преобразованиям в себе и поддержанию значимых связей с окружающим миром, реалистический стиль мышления.

В группе специалистов судебно-психиатрического профиля мужчины более склонны избирать стратегией ПР бдительность, т.е. анализировать все возможные альтернативы, а также они в большей степени испытывают высокую потребность в знаниях; для женщин в большей степени характерна межличностная интолерантность к неопределенности.

Дополнительно была проанализирована взаимосвязь учета мнений других людей при принятии решений и рода деятельности. Анализ учета мнений больного, родственников, врача, психолога, руководителя, коллег, собственного мнения или всех предложенных в основной группе не выявил статистически значимых различий между группами врачей-психиатров и медицинских психологов ($p = 0,357$, $U_{\text{эмп}} = 40,5$; $U_{\text{крит.}} = 27$, при $p = 0,05$). Однако специалисты контрольной группы в большей степени склонны учитывать мнение руководителя и свое мнение при ПР, специалисты, работающие в сфере ПММХ, более склонны учитывать мнения всех специалистов (рис. 1).

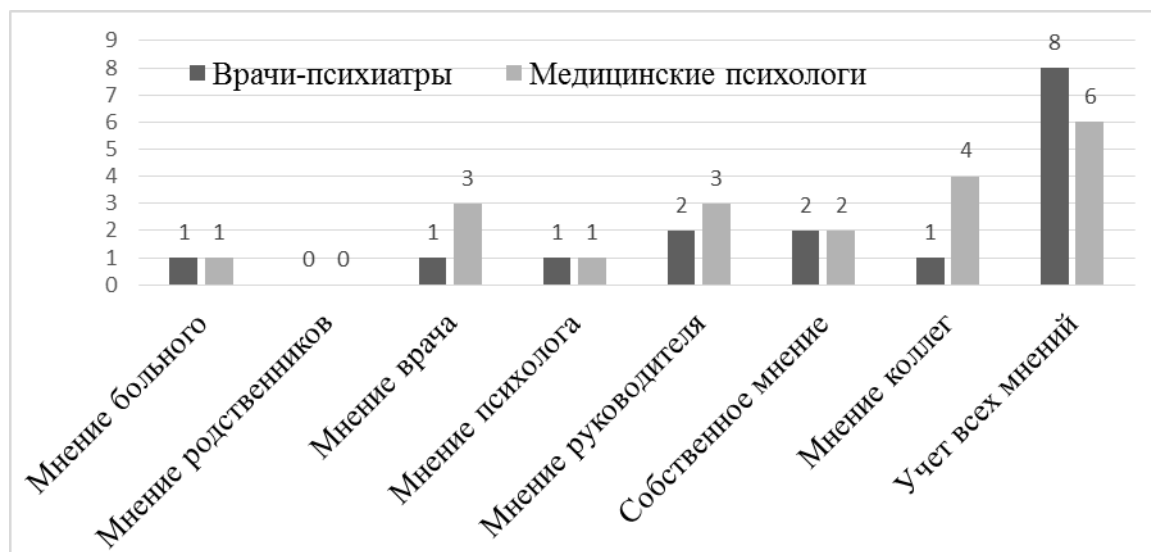

Рис. Сравнение соотношений учета мнений других людей при принятии решений врачами-психиатрами и медицинскими психологами

Следующим этапом анализа было *определение взаимосвязи рода деятельности и частоты встречаемости различных видов решений.*

Анализ частоты принимаемых решений того или иного вида показал наличие значимых различий между испытуемыми основной и контрольной групп. Наиболее часто принимаемыми решениями специалистов, работающих в системе применения мер медицинского характера, являются: решения средней трудоемкости – $p = 0,017$ ($U_{\text{эмп}} = 151$); уникальные решения – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 58$); одноцелевые решения – $p = 0,003$ ($U_{\text{эмп}} = 122,5$); импульсивные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 55$); отложенные – $p = 0,004$ ($U_{\text{эмп}} = 119,5$); правоприменительные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 88,5$); кадровые – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 59$); определенные (детерминированные) – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 103,5$); разнотипные – $p = 0,017$ ($U_{\text{эмп}} = 148,5$); рискованные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 73,5$); нестандартные (новаторские) – $p = 0,017$ ($U_{\text{эмп}} = 154$); категоричные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 79$); инсайтные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 61,5$); интуитивные – $p = 0,005$ ($U_{\text{эмп}} = 131$); спонтанные – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 104,5$); одинаковые – $p = 0,025$ ($U_{\text{эмп}} = 156,5$); единоличные – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 109$); по защите и охране прав личности, общества и государства – $p = 0,007$ ($U_{\text{эмп}} = 138$); неэффективные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 70,5$); антикризисные (разрешение конфликта) – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 103$); эмоциональные – $p = 0,046$ ($U_{\text{эмп}} = 165$); неопределенные – $p = 0,002$ ($U_{\text{эмп}} = 120$); формализованные – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 105$); нетрудоемкие – $p = 0,038$ ($U_{\text{эмп}} = 162,5$); осторожные – $p = 0,003$ ($U_{\text{эмп}} = 125,5$); неосознанные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 21$); малоосознанные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 23,5$); экспертные (эвристические) – $p = 0,005$ ($U_{\text{эмп}} = 130$); вероятностные – $p = 0,001$ ($U_{\text{эмп}} = 112$); частные – $p = 0,028$ ($U_{\text{эмп}} = 158,5$); однокритериальные – $p = 0,000$ ($U_{\text{эмп}} = 95$); стратегические – $p = 0,033$ ($U_{\text{эмп}} = 161$).

Наиболее часто принимаемыми решениями испытуемых контрольной группы являются: ситуационные – $p=0,004$ ($U_{\text{эмп}} = 371$); организационные – $p=0,043$ ($U_{\text{эмп}} = 335,5$); плановые – $p=0,043$ ($U_{\text{эмп}} = 335,5$); осознанные – $p = 0,004$ ($U_{\text{эмп}} = 373$); текущие – $p = 0,005$ ($U_{\text{эмп}} = 369,5$); уравновешенные – $p = 0,030$ ($U_{\text{эмп}} = 342,5$).

Таким образом, согласно оценкам специалистов, работающих в системе ПММХ, можно выделить следующие типы решений. По направлениям деятельности преобладают решения по защите и охране прав личности, общества и государства, правоприменительные и кадровые решения. По степени повторяемости проблемы выявлена разнонаправленность деятельности испытуемых: характерно принятие как разнотипных, так и одинаковых решений. По степени новизны испытуемые в профессиональной деятельности принимают уникальные и нестандартные решения. По степени обязательности характерно принятие категоричных решений. По критерию срочности испытуемые принимают отложенные решения. В большей степени для испытуемых характерно принятие нетрудоемких решений и решений средней трудоемкости. По целевой направленности характерно принятие одноцелевых решений. Анализируя принимаемые решения с точки зрения характера целей, можно сказать, что испытуемые в большей степени принимают стратегические решения.

Деятельность специалистов судебно-психиатрического профиля не предполагает принятие решений со множественными критериями. По критерию масштабности выявлено преобладания частных решений. По используемым методам во время ПР испытуемые принимают формализованные и экспертные (эвристические) решения. По характеру информации выявлена разнонаправленность деятельности испытуемых: характерно принятие как определенных (детерминированных), так и неопределенных и вероятностных решений. При этом обследованные основной группы оценивают принимаемые решения как неэффективные.

В контрольной группе по характеру разработки и реализации свойственно принятие импульсивных и рискованных решений. По субъекту принятия решения свойственно единоличное осуществление выбора. По механизму задействования психических явлений испытуемые склонны принимать эмоциональные решения. По степени включенности психики в процесс принятия решения характерно принятие не логических, а инсайтных, интуитивных и спонтанных решений.

Выводы

1. Были выделены следующие психологические компоненты принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля: большая выраженность прагматического стиля мышления и межличностная интолерантность к неопределенности.

1.1. Для врачей-психиатров характерно преобладание синтетического стиля мышления и эмоционально-волевая регуляция деятельности.

1.2. Для медицинских психологов в большей степени характерны интолерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности и аналитический стиль мышления.

2. Были определены особенности принятия решений в зависимости от гендерной принадлежности: мужчины независимо от рода деятельности рассматривают различные альтернативы при принятии решений, отмечается спонтанность поведения, независимость

от окружающих и готовность к риску. Для женщин характерен реалистический стиль мышления и межличностная интолерантность к неопределенности.

Были выявлены взаимосвязи рода деятельности и частоты встречаемости различных видов решений в профессиональной деятельности специалистов судебно-психиатрического профиля. Преобладают решения по защите и охране прав личности, общества и государства, правоприменительные и кадровые решения, которые являются как разнотипными, так и одинаковыми. Часто принимаются уникальные и нестандартные решения. Данные решения носят категоричный и отложенный характер. В ситуации принятия решения присутствует одна цель и один критерий, решения являются нетрудоемкими, носят стратегический и частный характер. Методы, которыми пользуются специалисты, являются формализованными и экспертными.

Литература

- 1) *Алексеев А.А.* Поймите меня правильно, или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А.А. Алексеев, Л.А. Громова. СПб.: Экономическая школа, 1993. 352 с.
- 2) *Булыгина В.Г.* Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (дата обращения: 09.02.2016)
- 3) *Булыгина В.Г.* Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... докт. психол. наук. М., 2015. 394 с.
- 4) *Булыгина В.Г., Шульга А.Г., Кабанова Т.Н.* Методология и практика управления конфликтами в отношении пациентов в психиатрическом стационаре // Психическое здоровье. 2010. Т. 8. № 8 (51). С. 50–55.
- 5) *Булыгина В.Г.* Роль клинической психологии в профилактике общественно опасных действий психически больных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39327.shtml> (дата обращения: 08.02.2016).
- 6) *Ворошилова Т.В.* Принятие решения по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 170 с.
- 7) *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 660 с.
- 8) *Диев В.С.* Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений // Вестник Томского государственного университета. Философия. 2010. №1. С. 3–8.
- 9) *Диев В.С.* Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №2. С.79–93.

- 10) *Индина Т.А.* Регуляторные и личностные детерминанты принятия решений: на материале политического голосования: автореф. дис. ... канд психол. наук. М., 2007. 23 с.
- 11) *Каганович Ю.Т., Булыгина В.Г., Кузнецов Д.А.* Прогностическая деятельность специалистов во время принудительного лечения психически больных // Коченовские чтения: Психология и право в современной России / Под ред. В.В. Рубцова, Ю.М. Забродина, А.А. Марголиса М.: МГППУ, 2010. С. 62–63.
- 12) *Корнилова Т.В.* Диагностика личностных факторов принятия решений // Вопросы психологии. 1994. №6. С. 99–109.
- 13) *Корнилова Т.В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. №. 31. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.html> (дата обращения: 29.09.2015).
- 14) *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности [Электронный ресурс] // Сайт межкафедральной научной группы под руководством Т.В. Корниловой. 2009. URL: http://www.cognitivepsy.ru/Pubs/2010_NTN_Kornilova.pdf (дата обращения: 4.10.2014).
- 15) *Корнилова Т.В.* Психологическая регуляция принятия интеллектуальных решений: дис. ... докт. психол. наук. М., 1999. 466 с.
- 16) *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
- 17) *Корнилова Т.В., Корнилов С.А.* Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С.Эпстайна) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. № 28. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/804-corniliva28.html> (дата обращения: 30.09.2015).
- 18) *Котов В.П., Мальцева М.М., Булыгина В.Г., Каганович Ю.Т.* Работа психолога в психиатрическом стационаре для принудительного лечения // Российский психиатрический журнал. 2004. № 1. С. 29–33.
- 19) *Кудашов В.И.* Проблема бессознательного в принятии решений // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2013. №2. С. 30–36.
- 20) Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / Под ред. А.Ф. Кудряшова. Петрозаводск: Петроком, 1992. С. 318.
- 21) *Марарица Л.В.* Когнитивные эффекты группового принятия решений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. №1. С. 202–209.

- 22) Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 98–106.
- 23) Петровский А.В. Краткий психологический словарь /А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
- 24) Предотвращение внутрибольничной агрессии психически больных : метод. рекомендации / [В.Г. Булыгина и др.] // Психическое здоровье. 2012. № 7. С. 14–22.
- 25) Румянцева А.В. Личностные факторы принятия решений в старшем школьном возрасте // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 448–452.
- 26) Степаносова О.В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2004. 24 с.
- 27) Цветкова Р.И. Мотивационная сфера личности: методика изучения // Прикладная психология и психоанализ. 2003. №2. С. 66–72.
- 28) Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 185 с.
- 29) Шляхтина Е.Г. Индивидуальные особенности принятия решений в условиях риска и их взаимосвязь с личностными характеристиками // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2004. №1. С.87–93.
- 30) Hallman R.J. The necessary and sufficient conditions of creativity. In : Sutich AJ, Vich MA, organizer. Readings in Humanistic Psychology. New York: Free Press, 1969. P. 217–235.

Decision making in specialist forensic psychiatric (the psychological aspect)

Shmakova E.V., medical psychologist of FCU «Psychiatric hospital No.5». Moscow Department of Public Health (gta2023@gmail.com)

Popova E.M., head of the organizational methodic Department of FCU «Psychiatric hospital No.5». Moscow Department of Public Health (konvertt@yandex.ru)

Shekhovtsova E.S., student, the department of Clinical and Forensic Psychology, the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (shiha.l@mail.ru)

Kabanova T.N., PhD, science Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (tatianak0607@yandex.ru)

The article presents the results of a study of psychological factors of decision making among forensic psychiatric specialists. Given the survey data of 10 medical psychologists and 10 psychiatrists carrying out compulsory treatment in the psychiatric hospital №5, Moscow Department of Public Health, in comparison with the control group, consisting of professionals working in the field of education, manufacturing, services and technology.

Methodical complex included: 1. The Epstein questionnaire of the intuitive style (adaptation Kornilova T. V., Kornilov S. A.); A new questionnaire of tolerance/intolerance to uncertainty (Kornilova T. V.); Melbourne questionnaire of decision making (adaptation T. V. Kornilova); The questionnaire «Personal factors of decision making» (T. V. Kornilova); The V. Smecaló and V. M. Kucher method; The Tsvetkova Method; 7. The questionnaire «Styles of thinking» by R. Bramson and Harrison (adaptation of A. A. Alekseev); 8. The questionnaire «Scale of base convictions» (R. Yanov-Bouleman, adaptation M. A. Padun, A. V. Kotelnikov); 9. The check-list aimed to identify the type of decisions taken by the expert in professional activity, their frequency, importance, subjective evaluation is necessary for decision making qualities and to evaluate the most significant opinions of other persons in the decision-making process.

There were defined the characteristics of decision making depending on gender. The relationships between type of activity and frequency of occurrence of different types of decisions in professional activities of specialists were revealed. Analyzed the relationship between consideration of the views of others when making decisions and activity.

Keywords: decision making, compulsory treatment, of forensic psychiatry prevention.

References

1. Alekseev A.A. Poimite menya pravil'no ili kniga o tom, kak naiti svoi stil' myshleniya, effektivno ispol'zovat' intellektual'nye resursy i obresti vzaimoponimanie s lyud'mi

- [Don't get me wrong, the book about defining one's own way of thinking, making use of one's intellectual resources more efficiently and achieving a better understanding with others] / A.A. Alekseev, L.A. Gromova. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 1993. 352 p.
2. Bulygina V.G. Izmerenie riskov nasiliya v sudebnoi psikhiiatrii [Violence risk assessment in the forensic psychiatry]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2011. № 1.
 3. Bulygina V.G. Psikhologicheskaya kontseptsiya profilaktiki obshchestven-no opasnykh deistvii lits s tyazhelymi psikhicheskimi rasstroistvami: dis. ... dokt. psikhol. nauk [Psychological conception of prevention of socially dangerous acts of persons with severe mental illnesses]. Moscow, 2015. 394 p.
 4. Bulygina V.G., Shul'ga A.G., Kabanova T.N. Metodologiya i praktika upravleniya konfliktami v otnoshenii patsientov v psikhiatricheskom statsionare [Methodology and practice of conflict management for patients in the hospital]. Psikhicheskoe zdorov'e. 2010. T. 8. № 8 (51). pp. 50-55.
 5. Bulygina V.G. Rol' klinicheskoi psikhologii v profilaktike obshchestvenno opasnykh deistvii psikhicheskii bol'nykh [Elektronnyi resurs] [The role of clinical psychology in prevention of socially dangerous acts of the mentally ill]. Psikhologiya i pravo. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39327.shtml> (data obrashcheniya: 08.02.2016).
 6. Voroshilova T.V. Prinyatie resheniya po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [The decision-making on Affairs about administrative offences]: dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 1998. 170 p.
 7. Golovin S.Yu. Slovar' prakticheskogo psikhologa [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Kharvest, 1998. 660 p.
 8. Diev V.S. Neopredelennost' kak atribut i faktor prinyatiya reshenii [Uncertainty as an attribute and the factor of decision-making]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2010. №1. pp. 3–8.
 9. Diev V.S. Risk i neopredelennost' v filosofii, nauke, upravlenii [Risk and uncertainty in philosophy, science, management]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2011. №2. pp. 79–93.
 10. Indina T.A. Regulyatornye i lichnostnye determinanty prinyatiya reshenii: na materiale politicheskogo goslovovaniya [Regulatory and personal determinants of decision-making: on a material of political voting]: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk / Moscow, 2007. 23 p.
 11. Kaganovich Yu.T., Bulygina V.G., Kuznetsov D.A. Prognosticheskaya deyatel'nost' spetsialistov vo vremya prinuditel'nogo lecheniya psikhicheskii bol'nykh [Prognostic activity of the specialists during the compulsory treatment of mentally ill]. Kochenovskie chteniya: Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii. / Pod red. V.V. Rubtsova, Yu.M. Zabrodina, A.A. Margolisa. Moscow: MGPPU , 2010. pp. 62-63.

12. Kornilova T.V. Diagnostika lichnostnykh faktorov prinyatiya reshenii [Diagnostics of personal factors of decision making]. Voprosy psikhologii. 1994. №6. pp. 99–109.
13. Kornilova T.V. Mel'burnskii oprosnik prinyatiya reshenii: russkoyazychnaya adaptatsiya [Elektronnyi resurs] [Melbourne decision making questionnaire: a Russian adaptation]. Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. №. 31. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.html> (data obrashcheniya: 29.09.2015).
14. Kornilova T.V. Novyi oprosnik tolerantnosti-intolerantnosti k neopredelennosti [Elektronnyi resurs] [Intuition, intelligence, and personality traits (the results of trying and testing Rational Versus Experiential Inventory by S.Epstein et al.)]. Saitmezhkafedral'noi nauchnoi gruppy pod rukovodstvom T.V. Kornilovoi, 2009. URL: http://www.cognitivepsy.ru/Pubs/2010_NTN_Kornilova.pdf (data obrashcheniya: 4.10.2014).
15. Kornilova T.V. Psikhologicheskaya regulyatsiya prinyatiya intellektual'nykh reshenii [Psychological regulation to make intelligent decisions]: dis. ... dok. psikhol. nauk. Moscow, 1999.466 s.
16. Kornilova T.V. Psikhologiya riska i prinyatiya reshenii [Psychology of risk and decision making]. Moscow: Aspekt Press, 2003. 286 p.
17. Kornilova, T.V., Kornilov, S.A. Intuitsiya, i lichnostnye svoistva (rezul'taty aprobatsii shkal oprosnika S.Epstaina) [Elektronnyi resurs] [Intuition, intelligence and personal characteristics (results from testing of scales of the questionnaire S. Epstein)]. Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. №. 28. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/804-corniliva28.html> (data obrashcheniya: 30.09.2015).
18. Kotov V.P., Mal'tseva M.M., Bulygina V.G., Kaganovich Yu.T. Ra-bota psikhologa v psixiatricheskom stacionare dlya prinuditel'nogo lecheniya [The job of the psychologist in the forensic psychiatry hospital]. Rossiiskii psixiatricheskii zhurnal. 2004. № 1. pp. 29.
19. Kudashov V.I. Problema bessoznatel'nogo v prinyatii reshenii [the problem of the unconscious in decision-making]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2013.№2.pp. 30–36.
20. Luchshie psikhologicheskie testy dlya profotbora i proforientatsii [The best psychological tests for professional selection and career guidance] / Pod red. A. F. Kudryashova. Petrozavodsk: Petrokom, 1992.318 p.
21. Mararitsa L.V. Kognitivnye efekty gruppovogo prinyatiya reshenii [Cognitive effects of group decision making]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2007. №1. pp. 202–209.

22. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdenii lichnosti R. Yanoff-Bul'man [Modification of the methods of investigation of the basic beliefs of the individual]. Psikhologicheskii zhurnal. 2008. № 4. pp. 98–106.
23. Petrovskii A.V. Kratkii psikhologicheskii slovar' [Brief psychological dictionary] / A.V. Petrovskii, M.G. Yaroshevskii. Moscow: Politizdat, 1985. 431 p.
24. Predotvrashchenie vnutribol'nicnoi agressii psikhicheski bol'nykh [Prevention of aggressive incidents of the mentally ill in the hospital]: metod.rekomendatsii / [V. G. Bulygina i dr.] Psikhicheskoe zdorov'e. 2012. № 7. pp. 14–22.
25. Rummyantseva A.V. Lichnostnye faktory prinyatiya reshenii v star-shem shkol'nom vozraste [Personal factors of decision making in the senior school age]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena, 2008.№. 60.pp. 448–452.
26. Stepanosova O.V Intuitivnye komponenty v protsesse prinyatiya resheniya [Intuitive components in the decision-making process]: avtoref. dis. ... kand.psikhol. nauk. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, 2004. 24 p.
27. Tsvetkova R.I. Motivatsionnaya sfera lichnosti: metodika izucheniya [Motivational sphere of personality: methodology of the study]. Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz. 2003. №2.pp. 66–72.
28. Chumakova M.A. Lichnostnye predposylki ratsional'nogo vybora v usloviyakh neopredelennosti [Individual preconditions of rational choice under uncertainty] : dis. ... kand. psikhol. nauk. Moscow, 2010.185 p.
29. Shlyakhtina E.G. Individual'nye osobennosti prinyatiya reshenii v usloviyakh riska i ikh vzaimosvyaz' s lichnostnymi kharakteristikami [The individual characteristics of decision making under risk and their relationship with personal characteristics]. Vestnik Nizhegorodskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki. 2004. №1. pp.87–93.
30. *Hallman R.J.* The necessary and sufficient conditions of creativity. In :Sutich A.J., Vich M.A., organizer. Readings in Humanistic Psychology. New York: Free Press, 1969. pp. 217–235.

Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований)

Булыгина В.Г., доктор психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ver210@yandex.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Шпорт С.В., кандидат медицинских наук, ученый секретарь, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (svshport@mail.ru)

Калинкин Д.С., медицинский психолог, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница № 15 Департамента здравоохранения Москвы», филиал №3 (ПНД № 19) (ministrant.dk@gmail.com)

В статье приведен краткий обзор зарубежных теоретических представлений, эмпирических данных и методических подходов к проблеме высокорискового вождения. Описаны факторы опасного вождения: факторы внешней среды и внутренние факторы, включающие возраст водителя, употребление ПАВ, личностные стили, когнитивные нарушения, эмоциональные состояния, стили реагирования на стресс. Объясняется влияние снижения когнитивного функционирования, приобретенного в результате травмы головного мозга, устойчивых или прогрессирующих неврологических заболеваний на опасное вождение.

Изложено содержание основных моделей вождения: мотивационной, информационной обработки, иерархического управления. Отдельный раздел статьи посвящен когнитивным факторам, описан широкий спектр нарушений когнитивных функций, которые могут потенциально ухудшить безопасность движения. Обсуждены перспективы исследований когнитивных функций, прогностическая ценность отдельных тестов, включая нейропсихологические.

Сделан вывод о необходимости стандартизации и подтверждения протокола

оценки водителей и кандидатов в водители, а также внедрения единого подхода для всех медицинских работников и специалистов немедицинского профиля, в целях преодоления существующих разногласий в оценках при осуществлении медицинского освидетельствования, экспертной деятельности и правоприменения.

Ключевые слова: опасное вождение, когнитивные нарушения, нейропсихологическое исследование.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Калинин Д.С. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 72-92.
doi: 10.17759/psylaw.2016060206

For citation:

Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Shport S.V., Kalinkin D.S. Psychology of high risk driving (review of foreign studies). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 2. pp.72-92.
doi: 10.17759/psylaw.2016060206

Введение

По данным ГИБДД, за период с января по ноябрь 2015 г. на дорогах России произошло 133,203 ДТП, в которых погибли 16638 человек и 168146 получили ранения, из них 15860 детей ранено и 582 ребенка погибли. Несмотря на снижение различных показателей аварийности (2–14%), за последние годы количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с наездом на пешеходных переходах увеличилось на 2%, количество погибших по вине пьяных водителей увеличилось почти на 16% [3].

Анализ происшествий на транспорте показывает, что около 80% из них связаны с человеческим фактором, одними из базовых показателей которого являются состояние здоровья, психофизиологическое и психологическое соответствие деятельности вождения (необходимый уровень профессионально важных качеств – ПВК). До 75% всех происшествий на транспорте приходится на 10% водителей, у которых снижен уровень ПВК. Среди основных видов психологических ошибок в деятельности водителя на долю ошибок восприятия и переработки информации отводится от 30 до 60%; на ошибки управляющих действий – 20%; на ошибки, связанные с неблагоприятным психоэмоциональным и функциональным состоянием, – до 15%, на ошибки, связанные с личностными особенностями, – 20% [2]. Вышесказанное определяет необходимость разработки алгоритма и методического обеспечения диагностики клинко-психологических предикторов высокорискового поведения у кандидатов в водители и водителей, а также создания технологии психопрофилактической работы с ними.

Необходимо отметить, что проблемы, связанные с экспертной оценкой действий водителя, совершившего ДТП, на основании которой суд решает вопрос о его виновности или невиновности, изучаются в рамках медицинской, социальной и юридической психологии [1]. Экстенсивная и интенсивная разработка психологических аспектов высокорискового поведения на дорогах в России была начата в 90-е гг 20 в. Ю.Л.

Василевским, Ю.Б. Суворовым, Г.М. Миньковским, О.Д. Ситковской и С.С. Шипшиным [1, 4]. Тем не менее, круг феноменов, изучаемых за рубежом шире и уровень теоретико-методической разработанности указанной проблемы на настоящий момент за рубежом выше.

В связи с этим целью статьи является краткий обзор теоретических представлений, эмпирических данных и методических подходов к проблеме высокорискового поведения за рубежом. При этом акцент сделан на когнитивных факторах ДТП.

Термин «высоко рискованное поведение/ опасное вождение»

До недавнего времени существовало множество противоречий в исследованиях, касающихся опасного поведения на дороге. Нарушение вождения, превышение скорости, проезд на красный свет и т. д. редко причислялись к агрессивным действиям, поскольку считалось, что водители не были намерены причинить вред другому, реализуя такое целенаправленное поведение.

C.S. Dula и E.S. Geller (2003) впервые предложили термин «опасное вождение» для описания трех основных классов потенциально опасного поведения за рулем в виде: а) умышленных физических, вербальных или жестикуляционных проявлений агрессии с целью причинения физического и/или психологического вреда; б) снижения когнитивных функций и эмоций (например, испытание злости и фрустрации во время вождения; с) рискованного поведения (например, превышение скорости, проезд на красный свет, частое перестроение из ряда в ряд, отвлечение внимания, вождение в состоянии алкогольного опьянения). Таким образом, опасное вождение отличают три широкие категории: преднамеренные акты агрессии на дороге, негативные когниции и эмоции и рискованное поведение водителей [14].

Хотя опасное вождение включает в себя множество вариантов поведения, исследователи стремились определить пути более точного измерения опасного вождения и выявить общие корреляты такого вождения. Способность понимать и прогнозировать особенности опасного вождения является залогом повышения безопасности дорожного движения.

Факторы опасного вождения

Внешние факторы. Были выделены следующие факторы внешней среды оказывающие влияние на поведение водителя: дорожные условия (например, подъездная дорога/грунтовая дорога, выбоины, градиент, изгибы и т. д.) погодные условия (например, плохая видимость, метель, гроза, ураганы, ветер и т. д.), транспортный поток [20], конструкции автомобиля (например, неудобное размещение приборов, дисплея, панели, ее видимость и т. д.), и отвлекающие факторы (например, громкая музыка, активное взаимодействие между водителем и пассажирами, использование мобильного телефона, отвлекающие внешние события и т.д.) [31].

Внутренние факторы. К данной группе факторов относят личностные свойства, которые могут повлиять на вождение, они включают: возраст водителя, скорость при управлении автомобилем, общее состояние, употребление лекарств, алкоголя и наркотиков, которые ухудшают психомоторные реакции, личностные стили, нарушение сенсорных анализаторов и неврологические и когнитивные нарушения [69].

Возраст считается одним из наиболее существенных внутренних факторов ДТП. Однако, в целом, как группа молодых, так и пожилых водителей имеют самые высокие показатели случаев попадания в ДТП [58]. Для младшей возрастной группы рискованное

поведение и импульсивность часто являются основными причинами ДТП [29; 38], тогда как для старшей возрастной группы причинами аварий становятся когнитивные и функциональные расстройства [47; 69]. Выявлена связь между усталостью и длительным вождением и его качеством, когда фиксировались психофизические, биохимические показатели, пульс и характеристики речи у водителей междугородних автобусов и водителей дальнобойщиков [43].

Тип личности также считается важным фактором безопасного вождения. Такие характеристики, как импульсивность, высокая рискованность поведения, недооценка опасности и переоценка собственных водительских навыков, связаны с небезопасным вождением.

Эмоциональные состояния, такие как депрессия, тревога или гнев могут, влиять на водительские качества. Обнаружено, что тревожность влияет на психомоторную активность и обработку информации в тестовых условиях [23; 66]. Умеренный уровень тревожности может повысить водительские качества, но высокий уровень тревожности оказывает лишь негативное влияние на психомоторные показатели, происходит сужение внимания, в результате чего происходит снижение эффективности вождения [39; 28; 64].

Были обнаружены сложные взаимосвязи между стилем реакции на стресс и различными типами ошибок в вождении для лиц с различными типами реагирования. Лица, быстро реагирующие на стресс, были более склонны к несчастным случаям, вызванным отвлечением их внимания от управления автомобилем при внутренних оценочных когнитивных процессах, но они реже реализовывали рискованное поведение. Лица, которые имели высокие уровни агрессии, как правило, реагировали на предполагаемые угрозы или фрустрации от других транспортных средств конфронтационным поведением за рулем.

Нормальное функционирование сенсорных систем, таких как зрительная, обонятельная, слуховая, вестибулярная, тактильная, в равной мере необходимо для безопасного вождения, как и адекватная физическая подвижность и когнитивные функции. Было доказано, что для некоторых физических или сенсорных дефектов медицинская помощь или переоснащение автомобиля могут существенным образом повысить безопасность вождения. Было выявлено, что значительно медленнее реализуются процессы в перцептивной, когнитивной и психомоторной сферах у лиц, получивших тяжелые закрытые ЧМТ, по сравнению со здоровыми испытуемыми. Кроме того, лица с когнитивными нарушениями, развившимися в результате ЧМТ, дегенеративных, возрастных и сосудистых изменений подвержены повышенному риску небезопасного вождения [8].

Когнитивное снижение может происходить в процессе нормального старения. Например, K.W. Schaie обнаружил, что пространственная ориентация и скорость восприятия снижаются при нормальном старении, а С. Lunberg с соавт. обнаружили у пожилых нарушения: визуально-конструктивной способности, зрительно-пространственной ориентации и памяти, вербальной эпизодической памяти, что явилось значимыми условиями попадания в ДТП водителей пожилого возраста [59; 36]. Такое ухудшение когнитивных функций способно снижать безопасность вождения в старших возрастных группах, что обуславливает резкий рост аварийности в возрасте после 70 лет [58]. Снижение когнитивного функционирования также может быть приобретено в результате травмы головного мозга, устойчивых или прогрессирующих неврологических заболеваний и приобретенных соматических нарушений, которые влияют на когнитивные функции (например, почечная или печеночная недостаточность) [8; 18; 30; 68].

Следует подчеркнуть, что исследования в области безопасности дорожного движения в большей степени сосредоточены на изучении вклада личности водителя и его характеристик в опасное вождение. Некоторые из наиболее распространенных черт личности лиц, нарушающих вождение, включают гнев и агрессивность [11; 40], тип личности А [50], стремление к поиску ощущений [11; 27]. Однако согласованность этих выводов несколько сомнительна, и эти факторы составляют лишь небольшой процент дисперсии причин аварий. Р.А. Rimmo и L. Aberg еще в 1999 г. предположили, что в отношении безопасности вождения черты личности могут быть не так важны, как когнитивные факторы. Эти факторы включают в себя такие конструкции, как невнимательность, импульсивность и когнитивные нарушения (т. е., рассеянность или предрасположенность к когнитивным ошибкам) [55].

Параллельно с получением новых эмпирических фактов и законов усилия ученых были направлены на разработку теоретических моделей вождения.

Модели вождения

Мотивационные модели. В них акцент сделан на ситуационные специфические факторы вождения, с точки зрения того, что водители сами выбирают приемлемую степень риска, на которую они готовы пойти [48; 57; 65]. Существуют определенные недостатки мотивационных моделей. Во-первых, они не учитывают навыки вождения как важнейшую составляющую безопасного вождения. Во-вторых, акцент на ситуационные факторы делает экспериментальные исследования сложнее и менее актуальными. В-третьих, модели не предусматривают анализ типичных показателей групп, поскольку упор сделан на индивидуальной ситуации.

Модели информационной обработки базируются на моделях переработки информации. Как правило, данные модели линейны, включают этапы: от восприятия, принятия решения, выбора ответа и до его реализации. Такие модели были оценены как недостаточные и слишком упрощенные [51; 56; 62], они были подвергнуты критике из-за игнорирования мотивационных и эмоциональных факторов [51].

В центре эмпирических исследований было изучение стиля восприятия, перцептивно-моторной реакции и избирательности внимания. Другие важные аспекты познания у лиц, участвующих в движении, такие как роль рабочей памяти, устойчивого внимания и высших психических функций, не были предметом рассмотрения. Однако последние разработки, касающиеся концепции автоматических реакций при вождении, расширили область применения данных моделей. Автоматизм рассматривается как быстрая, симультанная обработка, которая развивается в результате неоднократного повторения. Что контрастирует с контролируемой обработкой, которая представляет медленный, последовательный и трудоемкий процесс [60].

Иерархическая модель управления была разработана J. Rasmussen для классификации типов ошибок, допущенных при вождении, и дополнена M.R. Lehto; она стала включать четыре уровня вождения [33; 52]. Самый низкий уровень предполагает автоматическое совершение процесса вождения в ситуации хорошо изученной и многократно повторяемой ситуации. Следующий уровень – нормативный, он включает в себя автоматизированную активацию усвоенных правил. Третий уровень основан на знаниях, которые обычно актуализируются в новых ситуациях, для которых не применимы уже существующие решения при участии сознательных навыков решения проблем и когнитивных возможностей. Высший уровень – это решения, принятые на основе ценностных суждений и аффективных реакций для выбора поведения.

Резюмируя, можно отметить, что когнитивное функционирование может повлиять на водительскую компетентность согласно всем вышеописанным моделям. Любой процесс принятия решений, связанный как с анализом риска (мотивационные модели), так и с переходом от автоматизма к контролируемой переработке (модели обработки информации) или с анализом на оперативном, тактическом или стратегическом уровнях (иерархические модели управления), включает в себя познавательные процессы.

Когнитивные факторы

Процесс когнитивного функционирования, заключается в приеме информации от сенсорных органов, распространении информации в различные части коры головного мозга для анализа и синтеза, активации двигательных реакций в ответ на анализ полученной информации. Снижение когнитивных функций может нарушить обработку информации и потенциально увеличить риск небезопасного вождения. Хотя для большинства опытных водителей вождение предполагает использование навыков и автоматизированных задач, но гибкость и развитость высших когнитивных функций (исполнительная обработка) также необходимы, чтобы справиться с постоянно изменяющейся ситуацией на дороге.

Существует широкий спектр нарушений когнитивных функций, которые могут потенциально ухудшить безопасность движения [18]. Они включают: дефицит внимания, замедленность времени реакции, отвлекаемость, расторможенность, импульсивность, снижение мнестических способностей, нарушение способности обобщения, растерянность, снижение толерантности к стрессам, нарушение последовательности навыков, неразвитость навыков разрешения проблем, низкое планирование, нарушения инициации и осуществления действий, низкая способность оценивать результаты и последствия своих действий, пространственная дезориентация, нарушение восприятия глубины, фигуры-фона, невнимательность, снижение визуального сканирования, нарушение внимания к деталям, неумение отличать существенные детали от несущественных [16; 18].

Значимость когнитивных доменов в вождении были подтверждены эмпирически. Тесты вербальной и зрительной памяти, зрительных навыков восприятия, внимания, сканирования и отслеживания способностей и психомоторных навыков достоверно коррелировали с результатами тестов на вождение [21; 26; 49]. Кроме того, снижение скорости обработки информации является важным фактором снижения водительской компетенции у лиц с тяжелой закрытой ЧМТ. Снижение когнитивной гибкости и бедная способность планировать и решать проблемы, характеризует лиц с наличием ДТП в анамнезе. Кроме того, количество совершенных ошибок, а не скорость вождения, значимо отличало данную группу.

Теоретико-методические основания и эмпирические исследования когнитивного функционирования как фактора вождения

Хотя многие исследования были проведены в отсутствие теоретических моделей, акцент на данных сферах познания может рассматриваться как соответствующий оперативному уровню из трех уровней иерархических когнитивных моделей управления транспортным средством [42; 46]. Оперативный уровень включает в себя внимание и концентрацию, визуальное сканирование движения, скорость, реакцию на внешние обстоятельства окружающей среды, пространственное восприятие и ориентирование [16]. Изучение этих составляющих, следовательно, представляет собой исследование оперативного уровня вождения.

Исполнительные функции, которые представляют более высокий познавательный процесс, состоят из способностей планировать, контролировать и выполнять когнитивные задачи [6; 34]. Самоконтроль, самостоятельность, познавательная гибкость, концентрация внимания, беглость речи, последовательность, спонтанность поведения, готовность к новизне, возможность управлять и контролировать одновременно несколько видов деятельности, умение использовать обратную связь, являются аспектами исполнительных функций [5; 10; 22; 37; 70; 73]. Внимание, память и рабочая память являются одними из главных процессов для функционирования исполнительных функций [5; 61].

Исследование Dula и Geller (2003) по изучению *внимания и отвлекаемости* у водителей стало новым предметом исследований когнитивных факторов высоко рискованного поведения на дорогах [9; 13; 71]. Было установлено, что громкие разговоры негативно влияют на способность безопасно управлять автомобилем [9; 12; 13; 41; 53; 63]. Память по распознаванию слов во время имитации вождения для групп, которые разговаривали по мобильному телефону, на 50% ниже по сравнению с теми, кто не разговаривал в этот момент по мобильному телефону. Было подтверждено эмпирически, что внимание – это ограниченный когнитивный ресурс и распределение внимания приводит к ухудшению качества вождения [12].

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) также относится к когнитивным факторам опасного вождения. Наличие СДВГ связано с повышением количества штрафов и столкновений [67] и более низкими показателями в задачах по имитации вождения [17]. Наряду с дефицитом внимания *импульсивность* является ключевой особенностью СДВГ. Импульсивность определяется как предрасположенность к ускоренной, незапланированной реакции на воздействие внутренних или внешних раздражителей без учета возможных негативных последствий данных реакций [45].

Когнитивные ошибки связаны с невнимательностью и импульсивностью. Было обнаружено значительные корреляции между когнитивными ошибками и увеличением количества ДТП [32]. Когнитивные ошибки определяются как ситуационный дефицит процессов мышления, проявляясь в ошибках в выполнении заданий, на которые индивидам обычно хватает компетенции для выполнения [7].

Несколько различных показателей внимания и импульсивности широко используются в исследовании рискованного поведения, с учетом взаимодействия этих сложных и разнообразных конструкций. Высокая импульсивность была связана с недостаточным использованием функций исполнительного контроля, когнитивными нарушениями, употреблением алкоголя, рискованным поведением. Было обнаружено, что импульсивность больше связана с преднамеренными рискованными решениями в процессе движения (например, игнорирование ограничения скорости), а не сиюминутными, незапланированными рискованными ответными реакциями (например, решение проехать на желтый свет, пересечение сплошной линии, решение о проезде по проезжей части в случае препятствия) [44]. Следует отметить, что результаты, связанные с невнимательностью в случае СДВГ не являются значимым предиктором в уравнении регрессии при прогнозировании опасного вождения. При изучении невнимательности, в случае разделенного внимания, например при использовании сотовых телефонов за рулем, обнаружено, что такое распределение внимания является важным фактором опасного поведения на дороге [12; 15; 71].

Виды когнитивных ошибок, выделенные при выполнении заданий на вождение, были обнаружены и в случае «клинической» невнимательности (например, столкновения,

пересечения сплошной линии, превышения скорости и пренебрежения светофорами), и у водителей, больше склонных к невнимательности (без диагноза СДВГ), например такие, как увеличение времени реакции торможения. Были выявлены также различия между внутренней предрасположенностью, связанной с импульсивным или невнимательным поведением (импульсивность и невнимательность как черта характера) и нейропсихологическими характеристиками, коррелирующими с ингибированием реакций на новые стимулы (физиологическая импульсивность и невнимательность).

Регрессионные модели показали, что импульсивность, невнимательность и когнитивные неудачи значительно влияют на опасное поведение на дороге. Представляется, что в целом каждая из этих конструкций (импульсивность, невнимательность и когнитивные неудачи) важна для понимания опасного поведения на дороге.

Перспективы и ограничения в исследованиях

Следует подчеркнуть, что в исследованиях когнитивных функций важно учитывать и методические трудности, которые могут повлиять на интерпретацию результатов. Отмечена невысокая прогностическая способность отдельных тестов [51; 72]. Однако хорошую прогностическую валидность имеет методика когнитивного поведения водителя (Cognitive Behavioural Driver Inventory – CBDI), предназначенная для измерения внимания, сосредоточенности, быстроты принятия решений, остроты реакций на внешние стимулы, визуального обзора, переключения внимания [16].

Также было обнаружено наличие значимых связей между большинством нейропсихологических тестов и практическими водительскими качествами. Задания на конструирование фигур, операции с числами, решение линейных ориентаций, оформление картинок, изображение фигуры Рея–Остерица, понимание логико-грамматических конструкций – эти тесты были связаны с успешностью прохождения экзамена на вождение. Обнаруженные когнитивные нарушения, приводящие к трудностям вождения, были связаны с разной степенью выраженности нарушений внимания, сканирования и слежения, зрительно-пространственной ориентации и организации, планирования, визуального мышления и последовательности, скорости обработки информации, замедленностью психомоторной реакции и переключения внимания. Было обнаружено, что способность анализировать и представить визуально сложную ситуацию, а также успешность психомоторного реагирования наиболее связаны с безопасным поведением за рулем. Важное значение имеют также навыки по сканированию и отслеживанию визуальной информации и концентрации внимания, способность представить визуальную информацию в логической последовательности, сосредоточиться на одном стимуле, абстрагироваться и переключить внимание на другой раздражитель, отслеживать более одного стимула, в то же время способность зрительно различать и угловые отношения, распознавать визуальную информацию и грамотно реагировать на визуальные детали.

Анализ данных о нейропсихологическом тесте (Rev Auditory Verbal Learning Test – RAVLT), который первоначально был включен в нейропсихологическую батарею для изучения способности водителя учиться, показал, что тест может стать наиболее перспективным для оценки умения учиться в условиях получения прав или переоценки компетенций водителя после неврологических нарушений. Результаты также показали, что батарея нейропсихологических тестов имеет высокую способность правильно классифицировать случаи по дорожному экзамену на вождение. Также было выявлено, что нейропсихологические тесты были менее информативны при прогнозировании

когнитивных нарушений меньшей степени тяжести, при этом они лучше могли предсказывать последствия при нарушениях более серьезного характера. [35; 54].

Результаты мета-анализа позволили вынести заключение о том, что нейropsychологическое обследование и медицинские осмотры, являются сами по себе недостаточными для прогнозирования последствий вождения [19; 24; 72]. G.K. Fox и соавт. [19], B.S. Handler [24] рекомендовали использовать комбинацию из внедорожных (медицинских, нейropsychологических и функциональных) оценок в сочетании с оценками водительских заданий. F.K. Withaar и соавт. рекомендовали поэтапную модель оценки вождения [72], первый уровень которой состоит из общей проверки когнитивного статуса с помощью тестов, тесно связанных с психическим статусом и влиянием на вождение. Второй уровень включает экзамен на вождение и оценку функциональных возможностей для управления транспортным средством. С.А. Norwell предложил более комплексный подход, в который входит психологическое и функциональное обследование в дополнение к медицинской оценке [25].

Заключение

Анализ накопленного за рубежом научного и прикладного опыта указывает на необходимость стандартизации протокола оценки водителей и кандидатов в водители. Внедрение единого подхода для всех медицинских работников и специалистов немедицинского профиля нацелено на снижение существующих разногласий в оценках, существующих в практике медицинского освидетельствования, экспертной деятельности и правоприменения.

Выбор показателей, отражающих результаты лечения, может иметь серьезные последствия. Интерпретация результатов тестирования в надлежащем контексте должна раскрывать причины и делать обоснованным заключение о подверженности конкретного водителя высокой опасности попадания в ДТП.

Кроме того, результаты комплексной оценки, включая нейropsychологическую, могут иметь дополнительные преимущества в процессе реабилитации. Например, полученные результаты могут быть использованы для развития компенсаторных стратегий для использования лицами с наличием когнитивного дефицита. Более широкое применение нейropsychологических результатов оценки обеспечивает более эффективное использование реабилитационных ресурсов и увеличивает их полезность.

Литература

1. Мялкин В.А. Комплексный характер экспертной психологической оценки состояния лиц, совершивших ДТП // Материалы научно-практической конференции «Коченовские чтения “Психология и право в современной России”». М.: ФГБОУ ВПО МГППУ, 2012.
2. Основные виды психологических ошибок в процессе вождения: Применение АПК-тестирования и развития психофизиологических качеств водителей в учебном процессе автошкол [Электронный ресурс]: ЗАО «НЕЙРОКОМ». М.: официальный сайт ЗАО «НЕЙРОКОМ». URL: <http://www.neurocom.ru/pdf/press/avtoshkola.pdf> (дата обращения: 17.04.2016).
3. Правовая защита автолюбителя: Статистика ДТП в России 2015 [Электронный ресурс]: «Правовая защита автолюбителей». СПб.: веб-сайт washamashina.ru. URL: http://www.vashamashina.ru/statistics_traffic_accident.html (дата обращения: 17.04.2016).

17.04.2016).

4. *Шуншин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза психического состояния водителя по делам о дорожно-транспортных происшествиях: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 236 с.
5. *Baddeley A.* Human Memory: Theory and Practice. Revised Edition. East Sussex, UK: Psychology Press Ltd, 1997. 423 p.
6. *Baddeley A.* Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. 304 p.
7. *Broadbent D.E., Broadbent M.H., Jones J.L.* Performance correlates of self-reported cognitive failure and of obsessiveness // British Journal of Clinical Psychology. 1986. Vol. 25. P. 285–299.
8. *Brouwer W.H., Withaar F.K.* Fitness to drive after traumatic brain injury // Neuropsychological Rehabilitation. 1997. Vol. 73. P. 177–193.
9. *Cohen J.T., Graham J.D.* A revised economic analysis of restrictions on the use of cell phones while driving // Risk Analysis. 2003. Vol. 23. P. 5–17.
10. *Crawford J.R.* Introduction to the assessment of attention and executive functioning // Neuropsychological Rehabilitation. 1998. Vol. 83. P. 209–211.
11. *Dahlen E., Martin R., Ragan K., Kuhlman, M.* Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving // Accident Analysis & Prevention. 2005. Vol. 37. P. 341–348.
12. *Drews F.A., Pasupathi M., Strayer D.L.* Passenger and cell phone conversations in simulated driving // Journal of Experimental Psychology. 2008. Vol. 14. P. 392–400.
13. *Dula C., Martin B., Fox R., Leonard R.* Can you hear me now? Relationship between conversation types and dangerous driving // Accident Analysis and Prevention. 2011. Vol. 43 (1). P. 187–193.
14. *Dula C.S., Geller E.S.* Risky, aggressive, or emotional driving: Addressing the need for consistent communication in research // Journal of Safety Research. 2003. Vol. 34. P. 559–566.
15. *DuPaul G., Power T., Anastopoulos A., Reid R.* ADHD Rating Scale-IV; Checklists, norms, and clinical interpretation. New York, NY: Guilford Press, 1998. 80 p.
16. *Engum E.S., Cron L., Hulse C.K., Pendergrass T.M., Lambert W.* Cognitive behavioral driver's inventory // Journal of Cognitive Rehabilitation. 1988. Vol. 65. P. 34–50.
17. *Fischer M., Barkley R., Smallish L., Fletcher K.* Hyperactive children as young adults: Driving abilities, safe driving behavior, and adverse driving outcomes // Accident Analysis and Prevention. 2007. Vol. 39. P. 94–105.
18. *Fox G.K., Bashford G.M., Caust S.L.* Identifying safe versus unsafe drivers following brain impairment: The Coorabel Programme // Disability and Rehabilitation. 1992. Vol. 14 (3). P. 140–145.
19. *Fox G.K., Bowden S.C., Smith D.S.* On-road assessment of driving competence after brain impairment: Review of current practice and recommendations for a standardized examination // Archives of Physical Medicine & Rehabilitation. 1998. Vol. 79 (10). P. 1288–1296.

20. *Galski T., Ehle H.T., Williams J.B.* Estimates of driving abilities and skills in different conditions // *American Journal of Occupational Therapy*. 1998. Vol. 52 (4). P. 268–275.
21. *Gouvier W.D., Maxfield M.W., Schweitzer J.R., Horton C.R. Shipp M., Neilson K., Hale P.* Psychometric prediction of driving performance among the disabled // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 1989. Vol. 70. P. 745–750.
22. *Groupe de Reflexionsurl' Evaluation des Fonctions Executives.* The Evaluation of executive functions in clinical practice // *Revue de Neuropsychologic*. 2001. Vol. 11 (3). P. 383–434.
23. *Halvari H., Gjesme T.* Trait and state anxiety before and after competitive performance // *Perceptual & Motor Skills*. 1995. Vol. 81 (3), pt. 2. P. 1059–1070.
24. *Handler B.S., Patterson J.B.* Driving after brain injury // *Journal of Rehabilitation*. 1995. April/May/June. P. 43–49.
25. *Hopewell C.A.* Driving assessment issues for practicing clinicians // *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2002. Vol. 17 (1). P. 48–59.
26. *Hunt L.A., Murphy C.F., Carr D., Duchek J.M., Buckles V., Morris J.C.* Reliability of the Washington University Road Test // *Archives of Neurology*. 1993. Vol. 54. P. 707–712.
27. *Iversen H., Rundmo T.* Personality, risky driving and accident involvement among Norwegian drivers // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33. P. 1251–1263.
28. *Janelle C.M., Singer R.N., Williams A.M.* External distraction and attentional narrowing: visual search evidence // *Journal of Sport & Exercise Psychology*. 1999. Vol. 21. P. 70–91.
29. *Jonah B.A.* Sensation seeking and risky driving: A review and synthesis of the literature // *Accident Analysis and Prevention*. 1997. Vol. 29 (5). P. 651–655.
30. *Lambert E.W., Engum E.S.* Construct validity of the cognitive behavioural drivers' inventory: age, diagnosis and driving ability // *Cognitive Rehabilitation*. 1992. May/June. P. 32–45.
31. *Lansdown T.C., Fowkes M., Wierwille W.W., Tijerina L.* Workload demands of in vehicle displays, in *Vision // Vehicles VI* by A.G. Gale, I.D. Brown Ed. Oxford, England UK: Anonima Romana, 1998. P. 215–243.
32. *Larson G.E., Alderton D.L., Neideffer M., Underhill E.* Further evidence of dimensionality and correlates of the Cognitive Failures Questionnaire // *British Journal of Psychology*. 1997. Vol. 88. P. 29–38.
33. *Lehto M.R.* A proposed conceptual model of human behaviour and its implications for designs of warnings // *Perceptual Motor Skills*. 1991. Vol. 73. P. 595–611.
34. *Lezak M.D.* *Neuropsychological Assessment* 3rd edition, NY: Oxford University Press, 1995. 1026 p.
35. *Lezak M.D.* *Neuropsychological Assessment*, 2nd edition. NY: Oxford University Press, 1983. 768 p.
36. *Lundberg C., Hakamies-Blomqvist L., Almkvis O., Johansson K.* Impairments of some cognitive functions are common in crash-involved older drivers // *Accident Analysis*

- and Prevention. 1998.Vol. 30 (3). P. 371–377.
37. *Luria A.R.* Higher Cortical Functionings in Man. New York: Basic, 1966. 513 p.
 38. *Massie D.L., Campbell K.L., Williams A.F.* Traffic accident involvement rates by driver age and gender // *Accident Analysis and Prevention*. 1995. Vol. 27 (1). P. 73–78.
 39. *Mathews G.* Driver Stress and Performance on a Driving Simulator // *Human Factors*. 1998. Vol. 40 (1), March. P. 136–149.
 40. *Maxwell J.P., Grant S., Lipkin, S.* Further validation of the Propensity for Angry Driving Scale in British drivers // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 38. P. 213–224.
 41. *McKnight A.J., McKnight A.S.* The effect of cellular phone use on driver attention // *Accident Analysis and Prevention*. 1993. Vol. 25. P. 259–265.
 42. *Michon J.A.* A critical view of driver behaviour models: what do we know, what should we do? // *Human Behaviour and Traffic Safety* / L. Evans, R. Schwing Eds.. N.Y.: Plenum Press, 1985. P. 485–520.
 43. *Milosevic S.* Drivers' fatigue studies // *Ergonomics*. 1997. Vol. 40 (3). P. 381–389.
 44. *Mobini S., Pearce M., Grant A., Mills J., Yeomans M.R.* The relationship between cognitive distortions, impulsivity, and sensation seeking in a non-clinical population sample // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40. P. 1153–1163.
 45. *Moeller C.W., Barratt E.S., Dougherty D.M., Schmitz J.M., Swann A.C.* Psychiatric aspects of impulsivity // *American Journal of Psychiatry*. 2001. Vol. 158. P. 1783–1793.
 46. *Molen H.H., van der Botticher A.M.* Risk models for traffic participants: A concerted effort for theoretical operationalization. In Rothengatter J.A., de Bruin R.A., eds. *Road users and traffic safety*. Assen, The Netherlands: Van Gorcum, 1987. 187 p.
 47. *Mori Y., Mizohata M.* Characteristics of older road users and their effect on road safety // *Accident Analysis and Prevention*. 1995. Vol. 27 (3). P. 391–404.
 48. *Naatanen R., Summala H.* *Road User Behaviour and Traffic Accidents*. New York: North Holland Publishing Company, 1976. 140 p.
 49. *Odenheimer G.L., Beaudet M., Jette A.M., Albert M.S., Grande L., Minaker K.L.* Performance-based driving evaluation of the elderly driver: safety, reliability, and validity // *Journal of Gerontology*. 1994. Vol. 49 (4). P. 153–159.
 50. *Perry A.R., Baldwin D.A.* Further evidence of associations of Type A personality scores and driving-related attitudes and behaviors // *Perceptual and Motor Skills*. 2000. Vol. 91. P. 147–154.
 51. *Ranney T.A.* Models of driving behaviour: a review of their evolution // *Accident Analysis & Prevention*. 1994. Vol. 26 (6). P. 733–750.
 52. *Rasmussen J.* The definition of human error and a taxonomy for technical system design. In Rasmussen J., Duncan K., Leplar J. Eds. *New Technology and Human Error*. Chichester, U.K.: Wiley, 1987. 331p.
 53. *Redelmeier D.A., Tibshirani R.J.* Association between cellular-telephone calls and motor vehicle collisions // *The New England Journal of Medicine*. 1997. Vol. 336. P. 453–458.
 54. *Rey A.* *L'examenclinique en psychologic*. Paris: Presse Unversitaire de France, 1958.

340 p.

55. *Rimmo P.A., Aberg L.* On the distinction violations and errors: Sensation seeking associations // *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 1999. Vol. 2. P. 151–166.
56. *Rockwell T.* Skills, judgement and information acquisition in driving. In: Forbes T.W. Ed *Human Factors In Highway Traffic Safety Research*. New York: John Wiley & Sons, 1972. P. 106–120.
57. *Rothengatter T.* Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior // *Ergonomics*. 1988. Vol. 31. P. 599–607.
58. *Ryan G.A., Legge M., Rosman D.* Age-related changes in drivers' crash risk and crash type // *Accident Analysis and Prevention*. 1998. Vol. 30 (3). P. 379–387.
59. *Schaie K.W.* Intellectual development in adulthood. In *Handbook of the Psychology of Aging*, 4th edn. San Diego: Academic Press, 1996. P. 266–286.
60. *Schneider W., Shiffen R.M.* Controlled and automatic human information processing: I. Detection search and attention // *Psychological Review*. 1977. Vol. 84. P. 1–54.
61. *Shallice T.* Specific impairments of planning. In: Broadbent D.E., Weiskrantz L. eds. *The Neuropsychology of Cognitive Function*. London: The Royal Society. 1982. P. 199–229.
62. *Shinar D.* Traffic safety and individual differences in driver's attention and information processing capacity // *Alcohol, Drugs and Driving*. 1993. Vol. 9. P. 219–237.
63. *Strayer D.L., Drews F.A., Albert R.W., Johnston W.A.* Cell phone-induced failures of visual attention during simulated driving // *Journal of Experimental Psychology*. 2003. Vol. 9. P. 23–32.
64. *Strohbeck-Kuhner P.* Test anxiety in driving-fitness appraisals: the anxiety performance relationship // *Zeitschrift fur Differentielle und Diagnostische Psychologie*. 1999. Vol. 20 (1). P. 39–57.
65. *Summala H.* Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behavior and its implications // *Ergonomics*. 1988. Vol. 31. P. 491–506.
66. *Sweeney-Burton C.* Effects of self-relations techniques training on performance anxiety and on performance quality in a music performance condition. Dissertation Abstracts International, A Humanities and Social Sciences. US: University Microfilms International, 1998. 81 p.
67. *Thompson A., Molina B., Pelham W., Gnagy E.* Risky driving in adolescents and young adults with childhood ADHD // *Journal of Pediatric Psychology*. 2007. Vol. 32. P. 745–759.
68. *Van Zomeren A.H., Brouwer W.H., Rothengatter J., Snoek J.* Fitness to drive a car after recovery from severe head injury // *Archives of Physical Medicine and Medical Rehabilitation*. 1988. Vol. 6 (9). P. 90–96.
69. *Wallace R.B.* Cognitive change, medical illness, and crash risk among older drivers: an epidemiological consideration // *Alzheimer Disease and Associated Disorders*. 1997. P. 31–37.
70. *Walsh K.W.* Frontal lobe problems. In G.V. Stanley, K.W. Walsh eds. *Brain Impairment. Proceedings of the 1976 Brain Impairment Workshop*. Parkville, Victoria, Australia:

- Neuropsychology Group, Dept. of Psychology, University of Melbourne, 1978. P. 62–70.
71. *Wilson F.A., Stimpson J.P.* Trends in fatalities from distracted driving in the United States, 1999 to 2008 // *American Journal of Public Health.* 2010. Vol. 100. P. 2213–2219.
 72. *Withaar F.K., Brouwer W.H., van Zomeren A.H.* Fitness to drive in older drivers with cognitive impairment // *Journal of the International Neuropsychological Society.* 2000. Vol. 6. P. 480–490.
 73. *Woodruff-Pak D.S.* *The Neuropsychology of Aging.* USA: Blackwell ell Publishers Inc., 1997. 372 p.

Psychology of high risk driving (review of foreign studies)

Bulygina V.G., Doctor in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychological problems of forensic psychiatry prevention Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Shport S.V., Phd in medicine, scientific Secretary of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (svshport@mail.ru)

Kalinkin D.S., medical psychologist of the State Budgetary unit of Ministry of Healthcare of Moscow city "Psychiatric hospital № 15 of the Moscow Department of Healthcare», branch №3 (ПНД №19), Moscow, Russian Federation (ministrant.dk@gmail.com)

The article presents a brief review of foreign theoretical concepts, empirical data and methodological approaches to the problem of high risk driving. There were defined and described the factors of dangerous driving: factors of external environment and internal factors, including age, fatigue, use of medications, alcohol and drugs, personal styles, impaired sensory analyzers, neurological and cognitive disorders, emotional states, styles of responding to stress. Emphasizes the role of reduction of cognitive functioning, acquired brain injury, persistent or progressive neurological diseases, and acquired somatic disorders. The outline of its main models of driving: motivational, models of information processing, hierarchical management model. A separate section of the article focuses on cognitive factors, describes a wide spectrum of disorders of cognitive functions that may potentially impair driving safety. The theoretical and methodological grounds and empirical studies of cognitive functioning are described. Discuss prospects and limitations in studies of cognitive functioning, the predictive value of some tests, including neuropsychological. The conclusion made about the need for standardization and validation the Protocol of assessment drivers and candidates for drivers, also the necessity of the introduction of a common approach for all medical workers and specialists of nonmedical profile, in order to overcome the existing differences in estimates in the implementation of medical examination, expert activity and enforcement.

Keywords: dangerous driving, cognitive functioning, neuropsychological study.

References

1. Mjalkin V.A. Kompleksnyj harakter jekspertnoj psihologicheskoj ocenki sostojanija lic, sovershivshih DTP [The Complex nature of the expert psychological evaluation state of the perpetrators of the accident]. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii Kochenovskie chtenija «*Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii*». [Proceedings of scientific-practical conference Kochanowska reading “*Psychology and law in contemporary Russia*”]. Moscow, 2012.
2. Osnovnye vidy psihologicheskikh oshibok v processe vozhdenija: Primenenie APK testirovanija i razvitija psihofiziologicheskikh kachestv voditelej v uchebnom processe avtoshkol [Elektronnyi resurs]. [Principal psychological errors in the driving process: Application APK to test and develop the physiological qualities of the drivers in the educational process of schools]. ZAO «NEJROKOM» [ZAO «NEYROKOM»]. Moscow: official site ZAO «NEJROKOM». URL: <http://www.neurocom.ru/pdf/press/avtoshkola.pdf> (Accessed 17.04.2016).
3. Pravovaja zashhita avtoljubitelja: Statistika DTP v Rossii 2015 [Elektronnyj resurs] [Legal protection of the motorist: accident Statistics in Russia 2015]. *Pravovaja zashhita avtoljubitelej* [Legal protection of motorists]. Saint-Petersburg: web site vashamashina.ru. URL: <http://www.vashamashina.ru/statistics/traffic-accident.html> (Accessed 17.04.2016).
4. Shipshin S.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza psihicheskogo sostojanija voditelja po delam o dorozhno-transportnyh proisshestvijah. Diss. kand. psihol. nauk. [Judicial-psychological examination of the mental state of the driver in cases of road traffic accidents. Ph. D. (Psychology) Thesis] Moscow, 1998. 236 p.
5. *Baddeley A. Human Memory: Theory and Practice. Revised Edition. East Sussex, UK: Psychology Press Ltd, 1997. 423 p.*
6. *Baddeley A. Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. 304 p.*
7. *Broadbent D.E., Broadbent M.H., Jones J.L. Performance correlates of self-reported cognitive failure and of obsessiveness. British Journal of Clinical Psychology, 1986. Vol. 25, pp. 285–299.*
8. *Brouwer W.H., Withaar F.K. Fitness to drive after traumatic brain injury. Neuropsychological Rehabilitation, 1997. Vol. 73, pp. 177–193.*
9. *Cohen J.T., Graham J.D. A revised economic analysis of restrictions on the use of cell phones while driving. Risk Analysis, 2003. Vol. 23, pp. 5–17.*
10. *Crawford J.R. Introduction to the assessment of attention and executive functioning. Neuropsychological Rehabilitation, 1998. Vol. 83, pp. 209–211.*
11. *Dahlen E., Martin R., Ragan K., Kuhlman M. Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving. Accident Analysis & Prevention, 2005. Vol. 37, pp. 341–348.*

12. Drews F.A., Pasupathi M., Strayer D.L. Passenger and cell phone conversations in simulated driving. *Journal of Experimental Psychology*, 2008. Vol. 14, pp. 392–400.
13. Dula C., Martin B., Fox R., Leonard R. Can you hear me now? Relationship between conversation types and dangerous driving. *Accident Analysis and Prevention*, 2011. Vol. 43 (1), pp. 187–193.
14. Dula C.S., Geller E.S. Risky, aggressive, or emotional driving: Addressing the need for consistent communication in research. *Journal of Safety Research*, 2003. Vol. 34, pp. 559–566.
15. DuPaul G., Power T., Anastopoulos A., Reid R. ADHD Rating Scale-IV; Checklists, norms, and clinical interpretation. New York, NY: Guilford Press, 1998. 80 p.
16. Engum E.S., Cron L., Hulse C.K., Pendergrass T.M., Lambert W. Cognitive behavioral driver's inventory. *Journal of Cognitive Rehabilitation*, 1988. Vol. 65, pp. 34–50.
17. Fischer M., Barkley R., Smallish L., Fletcher K. Hyperactive children as young adults: Driving abilities, safe driving behavior, and adverse driving outcomes. *Accident Analysis and Prevention*, 2007. Vol. 39, pp. 94–105.
18. Fox G.K., Bashford G.M., Caust S.L. Identifying safe versus unsafe drivers following brain impairment: The Coorabel Programme. *Disability and Rehabilitation*, 1992. Vol. 14 (3), pp. 140–145.
19. Fox G.K., Bowden S.C., Smith D.S. On-road assessment of driving competence after brain impairment: Review of current practice and recommendations for a standardized examination. *Archives of Physical Medicine & Rehabilitation*, 1998. Vol. 79 (10), pp. 1288–1296.
20. Galski T., Ehle H.T., Williams J.B. Estimates of driving abilities and skills in different conditions. *American Journal of Occupational Therapy*, 1998. Vol. 52 (4), pp. 268–275.
21. Gouvier W.D., Maxfield M.W., Schweitzer J.R., Horton C.R. Shipp M., Neilson K., Hale P. Psychometric prediction of driving performance among the disabled. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 1989. Vol. 70, pp. 745–750.
22. Groupe de Reflexionsurl' Evaluation des Fonctions Executives. The Evaluation of executive functions in clinical practice. *Revue de Neuropsychologic*, 2001. Vol. 11 (3), pp. 383–434.
23. Halvari H., Gjesme T. Trait and state anxiety before and after competitive performance. *Perceptual & Motor Skills*, 1995. Vol. 81 (3), pt. 2, pp. 1059–1070.
24. Handler B.S., Patterson J.B. Driving after brain injury. *Journal of Rehabilitation*, 1995. April/May/June, pp. 43–49.
25. Hopewell C.A. Driving assessment issues for practicing clinicians. *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*, 2002. Vol. 17 (1), pp. 48–59.

26. Hunt L.A., Murphy C.F., Carr D., Duchek J.M., Buckles V., Morris J.C. Reliability of the Washington University Road Test. *Archives of Neurology*, 1993. Vol. 54, pp. 707–712.
27. Iversen H., Rundmo T. Personality, risky driving and accident involvement among Norwegian drivers. *Personality and Individual Differences*, 2002. Vol. 33, pp. 1251–1263.
28. Janelle C.M., Singer R.N., Williams A.M. External distraction and attentional narrowing: visual search evidence. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 1999. Vol. 21, pp. 70–91.
29. Jonah B.A. Sensation seeking and risky driving: A review and synthesis of the literature. *Accident Analysis and Prevention*, 1997. Vol. 29 (5), pp. 651–655.
30. Lambert E.W., Engum E.S. Construct validity of the cognitive behavioral drivers' inventory: age, diagnosis and driving ability. *Cognitive Rehabilitation*, 1992. May/June, pp. 32–45.
31. Lansdown T.C., Fowkes M., Wierwille W.W., Tijerina L. Workload demands of in vehicle displays, in *Vision In Vehicles VI* by Gale A.G. Ed; Brown, I.D. Ed. Oxford, England UK: Anonima Romana, 1998, pp. 215–243.
32. Larson G.E., Alderton D.L., Neideffer M., Underhill E. Further evidence of dimensionality and correlates of the Cognitive Failures Questionnaire. *British Journal of Psychology*, 1997. Vol. 88, pp. 29–38.
33. Lehto M.R. A proposed conceptual model of human behavior and its implications for designs of warnings. *Perceptual Motor Skills*, 1991. Vol. 73, pp. 595–611.
34. Lezak M.D. *Neuropsychological Assessment*, 2nd edition. NY: Oxford University Press, 1983. 1026 p.
35. Lezak M.D. *Neuropsychological Assessment*, 3rd edition. NY: Oxford University Press, 1995. 768 p.
36. Lundberg C., Hakamies-Blomqvist L., Almkvis O., Johansson K. Impairments of some cognitive functions are common in crash-involved older drivers. *Accident Analysis and Prevention*. 1998. Vol. 30 (3), pp. 371–377.
37. Luria A.R. *Higher Cortical Functionings in Man*. New York: Basic, 1966. 513 p.
38. Massie D.L., Campbell K.L., Williams A.F. Traffic accident involvement rates by driver age and gender. *Accident Analysis and Prevention*, 1995. Vol. 27 (1), pp. 73–78.
39. Mathews G. Driver Stress and Performance on a Driving Simulator. *Human Factors*, 1998. Vol. 40 (1), March, pp. 136–149.
40. Maxwell J.P., Grant S., Lipkin, S. Further validation of the Propensity for Angry Driving Scale in British drivers. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 38, pp. 213–224.
41. McKnight A.J., McKnight A.S. The effect of cellular phone use on driver attention. *Accident Analysis and Prevention*, 1993. Vol. 25, pp. 259–265.

42. Michon J.A. A critical view of driver behavior models: what do we know, what should we do? In: Evans L., Schwing R. Eds Human Behaviour and Traffic Safety. N.Y.: Plenum Press, 1985. P. 485–520.
43. Milosevic S. Drivers' fatigue studies. *Ergonomics*, 1997.Vol. 40 (3), pp. 381–389.
44. Mobini S., Pearce M., Grant A., Mills J., Yeomans M.R. The relationship between cognitive distortions, impulsivity, and sensation seeking in a non-clinical population sample. *Personality and Individual Differences*, 2006. Vol. 40, pp. 1153–1163.
45. Moeller C.W., Barratt E.S., Dougherty D.M., Schmitz J.M., Swann A.C. Psychiatric aspects of impulsivity. *American Journal of Psychiatry*, 2001. Vol. 158, pp. 1783–1793.
46. Molen H.H., van der Botticher A.M. Risk models for traffic participants: A concerted effort for theoretical operationalization. In: Rothengatter J.A., de Bruin R.A., eds. Road users and traffic safety. Assen, The Netherlands: Van Gorcum, 1987. 187 p.
47. Mori Y., Mizohata M. Characteristics of older road users and their effect on road safety. *Accident Analysis and Prevention*, 1995. Vol. 27 (3), pp. 391–404.
48. Naatanen R., Summala H. Road User Behavior and Traffic Accidents. New York: North Holland Publishing Company, 1976. 140 p.
49. Odenheimer G.L., Beaudet M., Jette A.M., Albert M.S., Grande L., Minaker K.L. Performance-based driving evaluation of the elderly driver: safety, reliability, and validity. *Journal of Gerontology*, 1994.Vol. 49 (4), pp. 153–159.
50. Perry A.R., Baldwin D.A. Further evidence of associations of Type A personality scores and driving-related attitudes and behaviors. *Perceptual and Motor Skills*, 2000. Vol. 91, pp. 147–154.
51. Ranney T.A. Models of driving behavior: a review of their evolution. *Accident Analysis & Prevention*, 1994.Vol. 26 (6), pp. 733–750.
52. Rasmussen J. The definition of human error and a taxonomy for technical system design. In Rasmussen J., Duncan K., Leplar J.Eds. New Technology and Human Error. Chichester, U.K.: Wiley, 1987.
53. Redelmeier D.A., Tibshirani R.J. Association between cellular-telephone calls and motor vehicle collisions. *The New England Journal of Medicine*, 1997. Vol. 336, pp. 453–458.
54. Rey A. L'examenclinique en psychologic. Paris: Presse Unversitaire de France, 1958. 340 p.
55. Rimmo P.A., Aberg L. On the distinction violations and errors: Sensation seeking associations. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior*, 1999. Vol. 2, pp. 151–166.

56. *Rockwell T.* Skills, judgement and information acquisition in driving. In: Forbes T.W. Ed Human Factors In Highway Traffic Safety Research. New York: John Wiley & Sons, 1972. P. 106–120.
57. *Rothengatter T.* Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior. *Ergonomics*, 1988.Vol. 31, pp. 599–607.
58. *Ryan G.A., Legge M., Rosman D.* Age-related changes in drivers' crash risk and crash type. *Accident Analysis and Prevention*, 1998.Vol. 30 (3), pp. 379–387.
59. *Schaie K.W.* Intellectual development in adulthood. In Handbook of the Psychology of Aging, 4th edn. San Diego: Academic Press, 1996, p. 266–286.
60. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and automatic human information processing: I. Detection search and attention. *Psychological Review*, 1977.Vol. 84, pp. 1–54.
61. *Shallice T.* Specific impairments of planning. In: Broadbent D.E., Weiskrantz L. eds. The Neuropsychology of Cognitive Function. London: The Royal Society, 1982, p. 199–229.
62. *Shinar D.* Traffic safety and individual differences in driver's attention and information processing capacity. *Alcohol, Drugs and Driving*, 1993. Vol. 9, pp. 219–237.
63. *Strayer D.L., Drews F.A., Albert R.W., Johnston W.A.* Cell phone-induced failures of visual attention during simulated driving. *Journal of Experimental Psychology*, 2003. Vol. 9, pp. 23–32.
64. *Strohbeck-Kuhner P.* Test anxiety in driving-fitness appraisals: the anxiety performance relationship. *Zeitschrift fur Differentielle und Diagnostische Psychologie*, 1999.Vol. 20 (1), pp. 39–57.
65. *Summala H.* Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behaviour and its implications. *Ergonomics*, 1988.Vol. 31, pp. 491-506.
66. *Sweeney-Burton C.* Effects of self-relations techniques training on performance anxiety and on performance quality in a music performance condition. Dissertation Abstracts International, A Humanities and Social Sciences. US: University Microfilms International, 1998. 81 p.
67. *Thompson A., Molina B., Pelham W., Gnagy E.* Risky driving in adolescents and young adults with childhood ADHD. *Journal of Pediatric Psychology*, 2007. Vol. 32, pp. 745–759.
68. *Van Zomeren A.H., Brouwer W.H., Rothengatter J., Snoek J.* Fitness to drive a car after recovery from severe head injury. *Archives of Physical Medicine and Medical Rehabilitation*, 1988.Vol. 6 (9), pp. 90–96.
69. *Wallace R.B.* Cognitive change, medical illness, and crash risk among older drivers: an epidemiological consideration. *Alzheimer Disease and Associated Disorders*, 1997, p. 31–37.

70. *Walsh K.W.* Frontal lobe problems. In G.V. Stanley, K.W. Walsh eds. *Brain Impairment. Proceedings of the 1976 Brain Impairment Workshop.* Parkville, Victoria, Australia: Neuropsychology Group, Dept. of Psychology, University of Melbourne, 1978. P. 62–70.
71. *Wilson F.A., Stimpson J.P.* Trends in fatalities from distracted driving in the United States, 1999 to 2008. *American Journal of Public Health*, 2010. Vol. 100, pp. 2213–2219.
72. *Withaar F.K., Brouwer W.H., van Zomeren A.H.* Fitness to drive in older drivers with cognitive impairment. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 2000. Vol. 6, pp. 480–490.
73. *Woodruff-Pak D.S.* *The Neuropsychology of Aging.* USA: Blackwell ell Publishers Inc, 1997. 372 p.

Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте

Чернушевич В.А., доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (vasiha@mail.ru)

Куприянова Е.А., психолог учебно-производственной лаборатории факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (savekat@bk.ru)

Бобрышова Е.И., педагог-психолог, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1877 "Люблино"» (grafstvo@yandex.ru)

Лучшими носителями игровой культуры являются дети, которые ею обладают. Разрушенные социальные детские структуры, территориальные объединения детей (семейные, дворовые, поселковые, уличные) прервали в значительной степени процесс трансляции культуры, передачи традиции общения и нуждаются в общественно-государственной реанимации (восстановлению игровой номенклатуры и состава ее носителей, достаточного для процесса воспроизводства).

Игра включает в себя особенности взаимоотношений на уровне физического и психоэмоционального, вокального взаимодействия, образно-символического наполнения сюжета, особенности одежды – (все аспекты общения, которые конституируют культуру народа, делают его общностью людей, отличной от других общностей, других народов). Изучение коррекционных возможностей народных игр в рамках игровых программ показало, что их психоэмоциональные ресурсы обеспечивают условия усвоения детьми норм общения.

Ключевые слова: нормы общения, психоэмоциональные ресурсы, народные игры, игровая культура, трансляция культуры, игровая программа, традиция.

Для цитаты:

Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С.93-106. doi: 10.17759/psylaw.2016060207

For citation:

Chernushevich V.A., Kupriyanova E.A., Bobryshova E.I. Folk national culture as a means of forming norms of communication in childhood. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 2. pp.93-106. doi: 10.17759/psylaw.2016060207

«Национальная стратегия действий в интересах детей» предполагает поиск формы социализации детей, максимально сохраняющей такие их качества, как непосредственность, креативность, доброжелательность. Возвращение этих качеств в рамках национальных культурных традиций наилучшим образом происходит в традиционной народной игре. Использование народных игр в целях профилактики девиантного поведения исследуется на факультете юридической психологии. С учетом того, что крайне актуальна проблема разобщенности детско-родительских территориальных сообществ, в которых традиционно культивировалась игровая практика, игровая подготовка включена в образовательную программу высшего профессионального образования по направлению подготовки 050407 «Педагогика и психология девиантного поведения».

Игра, наверное, единственная форма человеческой активности, безусловно обладающая внутренней мотивацией, поскольку только в ней ценностью является не отчуждаемый продукт, а сам процесс. Только в игре человек реализует свою свободу как «осознанную необходимость», ограничивая свою активность только правилами игры и чувствуя себя при этом свободным.

Особенно ценна эта форма активности для детей, поскольку в ней, пребывая в свободном общении с другими участниками игры, они впервые обретают свободное и одновременно совместное с другими детьми бытие.

Феномен игры известен с незапамятных времен. В каждом народе сформировался определенный игровой арсенал как некоторая живая, активная среда, через которую ребенок входит в общение со своим народом, осваивает культуру взаимоотношений, принятую в народе, становится принадлежащим своему народу (присваивает не писанное культурное наследие).

Первый этап исследования психокоррекционных ресурсов народных игр убедительно показал, что в этих играх представлены социокультурные модели поведения в эмоционально насыщенных ситуациях, моделируются ситуации общения, действительно вызывающие у детей эмоции самого широкого спектра [3, с. 25–32.].

На настоящем этапе, этапе изучения влияния игровой практики на нормы общения детей, игровой практикой было охвачено около 160 детей от 6 до 7 лет в восьми группах детского сада и первого класса средней общеобразовательной школы. В настоящей работе представлены игровая программа, ее психологический анализ, а также делаются некоторые выводы по результатам неструктурированных наблюдений студентов и специалистов образовательных учреждений за динамикой поведения в детских группах. Анализ игровой программы позволяет выделить ситуации, вызывающие разнообразные по окраске и силе эмоциональные состояния, участие в которых влияет на психоэмоциональный опыт детей и, в целом, на их поведение. Предполагалось, что отношения детей в процессе игры станут более дружескими, возрастет способность соблюдать нормы поведения в игре в напряженных эмоционально насыщенных ситуациях. Наблюдения студентов и специалистов подтвердили эти предположения.

На данном этапе исследования силами студентов, ведущих программу, и персонала школьных и дошкольных учреждений осуществлялась попытка неструктурированного наблюдения за динамикой поведения детей в различных игровых ситуациях в рамках стандартной игровой программы для данного возраста. Всего в наблюдении принимали участие 30 студентов, два психолога и два воспитателя.

В рамках студенческой практики с детьми было проведено 10–12 игровых занятий по стандартной программе [2, с. 49–55] с некоторыми вариациями, учитывающими актуальное психоэмоциональное состояние детей, их готовность принимать участие в играх.

Игровая программа для детей 5–7 лет составлена в логике нарастания физической активности, физического и эмоционального контакта участников к середине программы с последующим убыванием активности к завершению программы.

Ресурсы развития способности эмоционально-волевого регулирования поведения имеются в разной степени во всех играх настоящей программы, где правила игры ограничивают произвольность реализации спровоцированного азарта.

Игровая программа для дошкольников и младших школьников и анализ ее психокоррекционных ресурсов

1. «Имена» – это знакомство и приветствие.

Упоминание имени каждого участника игры, а в особенности дружное озвучивание каждого имени, включает всех без исключения в общее игровое поле и создает пространство, в котором негласно устанавливается полное равноправие и уважение к участникам и правилам игр.

2. «Каравай».

Каравай – игра в кругу (хороводная). Все становятся в круг, взявшись за руки, один человек становится посередине. Поют, идя по кругу. В песне упоминается имя того, кто стоит в середине.

Подробный анализ коррекционно-профилактических ресурсов этой игры проведен в предыдущей нашей работе по этой теме. В ней детально рассматриваются положительные и отрицательные эмоции, которые может вызывать эта игра, например, ребенок в этой игре может испытывать:

- смущение и тревогу от того, что он в центре внимания;
- страх сделать что-нибудь не так (боязнь, что в правилах что-то недопонял);
- тревогу за то, как его воспринимают окружающие (боязнь собственной неловкости и неуверенность в том, как реагировать на действия хоровода);
- страх перед тем, что его выбор не оценят.

Добавим, что и обида, и злость (не выбрали, а хотелось!), и зависть (выбрали не меня!), и ревность (выбрали другого!) также могут проявляться в этой игре и находить приемлемую форму своего выражения. Если внимательно отнестись к чувствам ребенка-участника, то окажется, что многие основные базовые эмоции (разные в разных типологиях) получают возможность проявиться и окультуриться в этой игре.

3. «Коза».

Игра позволяет за считанные секунды выстроить вертикаль и горизонталь тела, прочувствовать и «простучать» всю нервную систему и сбалансировать ее. При всей своей предельной простоте эта игра получила высокие оценки у нейропсихологов и является прекрасным инструментом экспресс-диагностики согласованности крупной моторики верхней и нижней частей тела, а также способности делать определенные движения в заданном ритме.

В психологическом плане игра подспудно подготавливает и стимулирует собственный выбор ребенка. Кроме того игра способствует развитию общей моторики тела, стимулирует развитие реципрокной координации рук и ног (согласованных перекрестных движений).

4. «Тетера».

В этой игре, многократно проигрываются ситуации, где ребенок учится терпению, ожиданию, смене позиции (только что обреченно шел, со страхом переживая опасность быть пойманным, а будучи пойманным сам становится ловцом). И все это происходит в доступной для восприятия ребенка манере – в игре.

Правила игры «Тетера» предполагают, что ворота закрываются и ловят из вереницы детей попавшихся в ворота в момент, не позже и не раньше, чем заканчивается песенка Тетеры. Однако, игроки в воротцах обуреваемы желанием как можно раньше опустить ворота и поймать кого-то из игроков, а остальные игроки стремятся как можно быстрее проскочить воротца в момент окончания песенки. И те, и другие при этом склонны нарушать правила, одни – воротца раньше времени закрывают, другие – ускоряются, пытаясь проскочить не пойманными, хотя правила запрещают это делать, предписывая равномерно следовать за Тетерой. В эти моменты под контролем участников и идет внутренняя борьба между двумя мотивами: 1) остаться в игре, соблюдая правила, или 2) поддаться эмоциям и, нарушив при этом правила, выпасть из игры. Регулируя степень своего увлечения тем или иным мотивом, ребенок находит допустимый баланс этих мотивов в конкретном поведении в игре, приобретая, таким образом, личный опыт волевого регулирования поведения в состоянии эмоционального напряжения.

5. «Коршун».

Игра стимулирует выбор, активизацию двигательных функций (так как надо догнать того, кто затем сядет рядом с тобой). Также эта игра стимулирует речевую функцию и развивает регулируемую функцию речи, так как здесь присутствует момент совместного речевого сопровождения своих действий.

Дети, которых обычно после эмоционально значимой ситуации трудно успокоить и за полчаса, в игре, благодаря ее правилам, «берут себя в руки» за 15 секунд и, главное, приобретают собственный опыт благополучного перехода из одного эмоционального состояния в другое.

6. «Хрен».

Огромный потенциал этой игры заключается в том, что дети получают возможность пережить единение с коллективом, тревожное ожидание неизбежного, волнение, радость принятия и на волне ободрения – шуточное выталкивание в социум.

Перепад эмоциональных состояний, смена позиций, физическое напряжение–расслабление, иницируемые в этой игре, крайне привлекательны для детей, даже самых неуправляемых. Они готовы сидеть в игровой сцепке и терпеливо ждать своей очереди.

7. «Ворон Иван Петрович».

Простой сюжет игры-сказки состоит в том, что у Хозяйки на дворе живут цыплята, которых к себе в домик ночью, когда все спят, таскает Ворон, пока всех не перетаскает. Эта игра имеет значительные ресурсы профилактики нарушений эмоционально-волевой регуляции. Она оказалась одной из самых любимых игр программы для дошкольных групп детей, а также для первоклассников. Дети очень тонко различают эмоциональную окраску в речи персонажей игры и заряжаются теми или иными (как оказывается) мотивами, в зависимости от тех эмоций и мотивов, которые внесли изначально в игру ведущие персонажи. Здесь происходит поиск границ под внутренним контролем (нужно не сделать другому больно, в твоём понимании) и внешним контролем (нужно не сделать другому больно в его понимании), эмоции соединены с действиями, вызванными ими. Примечательно то, что дети готовы играть в эту игру много раз подряд и пробовать себя то Вороном, то Хозяйкой, то цыпленком, а затем снова и снова изъяслять живейший интерес и желание водить. Эта игра также помогает трехлетним и семилетним детям, которые переходят от мамы в детский сад и из детского сада в школу, адаптироваться к новым жизненным условиям. Игровые обстоятельства, в которые помещен ребенок, являются условиями его психоэмоционального развития.

8. Тук-тук, правая рука.

В повторном цикле экспериментальных игровых программ в 2015 г. заключительной игрой была игра, вероятнее всего профессионального происхождения. Она очень нравилась детям, а студентами использовалась в целях оперативной социометрии. Правила игры предполагали, что дети сидят на стульчиках в кругу. Один стульчик – свободный. По нему ребенок, оказавшийся слева от стульчика, стучит ритмично рукой и приговаривает «магические» слова «Тук-тук, правая рука, Вася, сядь справа от меня», называя имя любого ребенка по своему выбору. Тот обязан перейти к нему и освободить другой стульчик. И другой ребенок, у которого под правой рукой оказался свободный стул, получает право произнести эти слова и вызвать к себе того, кого хочет.

Игра, при внимательном рассмотрении, достаточна сложная даже для подростков. Нужно стучать в ритме, говорить слова в строго определенном порядке и при этом делать выбор будущего соседа. Отказаться от перехода нельзя. Наибольшая динамика поведения оказалась именно в этой игре. Она имела и социометрическое, и коррекционное значение. Возможность проявить власть в своем выборе рождала мотивированность и предельную сосредоточенность на игре. И даже дети с плохой речью через два–три занятия достигали существенных успехов в стремлении к игровой норме. А социометрия показала хорошую динамику внутригрупповых отношений, на которые во многом, как нам представляется, повлияла и эта игра (включаясь в нее, студенты могли влиять на возможности выбора, подыгрывая непопулярным в группе детям).

Наблюдения за динамикой поведения детей

Наблюдения студентов

В начале игровой практики	После серии игр
<p>Боялись общения, стеснялись.</p> <p>Сумбурное поведение, много времени уходило, чтобы успокоить детей.</p> <p>Капризничали, требуя к себе особого внимания, нарушали правила игры. Хаотично бегали по залу с различными криками.</p> <p>Тихие и спокойные, сильно зажатые вели себя скованно, были безумно стеснительными, скромными, пугливыми. Некоторые дети боялись взять кого-то за руку, боялись прямого контакта, избегали его, играли с небольшим интересом, не проявляли желания быть ведущими или начинать игру.</p> <p>Стали «показывать характер». Сначала как бы таились, казались спокойными, а потом, открывшись, стали вносить раздор и в игровую ситуацию, нарушая правила.</p> <p>Играли не для себя, а для массы, не показывали интереса, активного участия, просто делали то, что скажут.</p> <p>Были не совсем открытыми, даже зажатые, чувствовалась какая-то скованность в отношениях.</p> <p>Могли плакать, требуя, чтобы их выбрали водящим, не признавали считалочки, обижались и выходили из игры</p>	<p>Стали более открыты, не стеснялись спрашивать все, что их интересует, задавали вопросы и просили помощи, если что-то не получалось.</p> <p>Некоторые дети в играх особенно сильно раскрылись, стали общительнее, начали активно проявлять свою симпатию к студентам и одноклассникам.</p> <p>Стали более сосредоточенными, самостоятельными, изобретательными.</p> <p>Каждый ребенок проявил свои внутренние эмоции и раскрылся с разных сторон в игровых ситуациях.</p> <p>Появилось доверие, потепление в детском коллективе.</p> <p>Стали открытыми, озорными и веселыми.</p> <p>Стали более активными и начинали внимательнее относиться к играм.</p> <p>Ребята начали чувствовать игры, как нужно вести себя.</p> <p>Сами начинали заводить песню и громко петь, даже подсказывали нам, если мы сбивались. Их было просто не узнать, вошли в атмосферу игры и показали себя совсем с другой стороны.</p> <p>Со второго занятия начали проявлять заинтересованность, движения и действия стали более раскрепощенными. А с четвертого занятия дети стали играть в полную силу, полностью отдавать себя играм. Многие хотели быть ведущими, сами произносили игровую речь и</p>

	<p>старались без наших подсказок петь песни. Однако эмоционально в роли персонажей дети вполне вошли с шестого занятия, могли интонациями показывать их и свой характер.</p> <p>Сейчас не скрывают своей радости, ждут нас, стали шаловливее.</p> <p>Если кто-то нарушает правила, они сердятся и возмущаются, поэтому стараются быть ведущими.</p> <p>На третьем-четвертом занятии они уже улыбались, смело входили во взаимодействие с остальными в игре.</p> <p>Стали более терпимы в те моменты, когда все сразу хотят быть ведущим.</p> <p>Мне кажется, что эти занятия их как-то сплотили.</p> <p>Изменение в нашей игропрактике очень велики, если сравнивать второе и последнее занятие. На втором занятии все были замкнутые и стеснительные, но с третьего занятия они стали вести себя более открыто, наверное, потому, что привыкли к нам. А на последующих занятиях они уже начали немного бунтарить, что немного мешало нам вести занятия.</p> <p>Самым приятным было то, что примерно с третьего занятия (точно не помню) дети стали спрашивать (в конце занятия, когда нам надо было уходить): «А вы завтра придете?».</p> <p>Они, не стесняясь, подходили к нам и брали за руки, или вызывались участниками игр.</p>
--	---

Наблюдения воспитателя группы продленного дня

Малыши приучаются к согласованным коллективным действиям в определенных условиях, учатся изменять способ и характер движений по сигналам и в соответствии с правилами. Подвижные игры способствовали воспитанию их активности и самостоятельности.

После проводимых занятий заметно изменилось отношение детей друг к другу в лучшую сторону. Анализируя работу студентов, можно сказать, что коллектив учащихся стал сплоченнее, появилось стремление к общему успеху.

Наблюдения классного руководителя

Следует отметить состояние эмоциональной приподнятости, сопровождавшее каждое занятие от начала до конца. Несомненный интерес учащихся со временем лишь усилился.

Разнообразие учебного материала способствовало концентрации внимания детей, что является одной из задач воспитания коммуникативных качеств личности. Приобщение учащихся к народной музыкально-хоровой культуре помогает им расширять кругозор, развивать творческие способности. Занятия способствуют совершенствованию личностных отношений в классном коллективе и улучшают мотивацию к учебе.

Занятия помогли воспитателям понять, по каким направлениям в совершенствовании эмоционально-личностной сферы учащихся следует в дальнейшем проводить работу, а именно, по формированию толерантности, повышению интереса к народному творчеству.

Наблюдения педагогов-психологов

Дети очень ждали занятий со студентами, и каждый день спрашивали «А сегодня четверг? А студенты сегодня придут?». На этой мотивации многие ребята выучили дни недели и такие понятия времени, как: вчера, позавчера, завтра, послезавтра.

Буквально через два-три занятия дети самостоятельно стали затевать фольклорные игры на прогулке. Детям очень нравились игры, поэтому в процессе практики роль ведущих в играх дети брали на себя и у них это здорово получалось.

Во время этих игр у детей наблюдалась максимальная концентрация внимания, проявлялась способность к самовыражению, находясь в кругу, на первых этапах дети копировали движения, в последующем показывали свой образ «козы».

При проведении игр «**Ворон Иван Петрович**», «**Коршун**» на первых четырех игровых встречах у детей отмечалась повышенная возбудимость, проявлялась дезорганизация в поведении, доминировали спонтанные реакции агрессии в адрес сверстников (толкание, сильный захват друг друга); когда «Коршун» догонял ребят, «Цыплята» щипали «Ворона Ивана Петровича». Взрослым приходилось неоднократно показывать и объяснять детям, как безопасно двигаться по залу, «салить», догонять, какими мягкими должны быть прикосновения во время «щипания».

Только на восьмом-девятом занятии наблюдалась частичная динамика в самоорганизации детей, но в индивидуальных случаях необходима была помощь взрослого в сплочении детского коллектива.

Игра «**Курочка**» у детей в начале разучивания вызывала бурный смех, дети хихикали, ерничали, строили друг другу рожицы, не проговаривали слова, все действия сводились к смешным кривляниям. Эмоциональное перевозбуждение было доминантным. Дошкольники не улавливали последовательность перечисления персонажей игры. При повторе, к шестому игровому занятию, можно было проследить у детей выразительные фрагменты игры драматизации и звукоподражания, более четко звучали слова песенки, у детей наблюдался интерес к копированию игровых действий сверстников и взрослых, присвоению опыта подачи эстетического образа.

В качестве выводов можно отметить, что наблюдение за поведением детей показало очевидную его динамику примерно к третьему занятию. Недоверие сменилось активностью, зачастую с игнорированием игровых правил. Это можно объяснить тем, что дети сначала чувствуют безопасность, небывалую в их опыте возможность проявления активности, и индивидуальной, и во взаимодействии с другими детьми и взрослыми (громко петь, кричать, прыгать, гоняться, ползать). И только потом, после четвертого–пятого занятия, в зависимости от умелости ведущих, к ним приходит осознание того, что возможность такой активности предопределена правилами игры, нарушение которых делает невозможным совместное пребывание участников в игровом пространстве. Такую динамику отмечают студенты в своих наблюдениях.

Протоколы наблюдений показывают почти очевидное изменение поведения детей в игровом пространстве. Сначала появляется открытость чувств, доверие к участникам, потом – ощущение границ возможного их проявления в игре, ощущение правил, регламентирующих отношения и эмоциональные проявления участников, и только потом происходит принятие этих правил и можно наблюдать динамику допустимого поведения. Во всех игровых группах был отмечен «кризис третьего дня», когда дети начинали «бузить», «бунтовать», проявляя нерегламентированную игровой программой высокую активность. Это явление объяснялось тем, что ощущение свободы, безопасности приходило раньше, чем осознание того, что и свобода и безопасность обусловлены принятием игровых правил.

Подтвердилась трудность ведения игры в неестественных условиях детского образовательного учреждения, когда возможности свободного вхождения в игру и выхода из игры, выбор игры для участия в ней, возможность влиять на игровую программу дня являются минимальными и ограничены общими условиями проведения игровой программы [1, с. 69–75]. Однако выявился вариант практического решения этой проблемы. В нескольких случаях удалось реализовать вариант «подстройки» программы под индивидуальную детскую игровую потребность. Это значит, что для успешной работы с разными детскими группами ведущие должны иметь достаточный запас внепрограммных игр для ситуативного учета настроения игровой группы.

Обсуждение результатов

Общие отзывы специалистов, контактирующих с детьми игровых групп, говорят об изменении отношений в детских группах на более дружественные, о более адекватных эмоциональных реакциях детей на различные ситуации, о повышении учебной работоспособности детей после игровых занятий.

Однако для того, чтобы количественно и качественно оценить влияние игровой практики на способность детей к нормативному поведению, требуется специальная организация наблюдения за поведением детей, как в игровом пространстве (в ключевых точках игры, провоцирующих нарушение правил, когда испытывается способность удержаться в рамках правил и, в то же время, сохранить ощущение свободного произвольного поведения, например, как в «Тетере», когда нужно монотонно двигаться за Тетерой, испытывая опасность быть пойманным, или в «Коршуне» удерживаться в кругу до последнего слова – команды бежать), так и в повседневных жизненных ситуациях. Только тогда мы можем с уверенностью сказать, насколько игровой опыт стал опытом жизненным, а игровые программы следует считать психопрофилактическими и психокоррекционными ресурсами. Это предполагается сделать на следующем этапе исследований за счет разработки средств для структурированного наблюдения за поведением и общением детей в игровых и житейских ситуациях.

После экспериментального исследования эффективности в рамках поставленных целей разработанные игровые программы для детей и подростков различных возрастов и различных социально-психологических статусов могут быть рекомендованы как содержание для особой подготовки специалистов, работающих с детьми. Более всего они актуальны для тех, кто сотрудничает с детско-родительскими клубными самодеятельными образованиями в рамках системы поддержки их территориальными органами государственного управления.

Добавление

Начало этого экспериментального этапа, положенное в 2015 г., позволило приступить к созданию инструментария структурированного наблюдения (Таблица игровых ситуаций), фрагмент которой представлен ниже. Он далек от завершенности, но представляет собой идею возможного аналитического инструмента. Каждая игра из игровой программы представлена игровыми ситуациями, признаком которых является, прежде всего, смена эмоциональных состояний участников и действий, с ними связанных. Задача инструментализации состоит в определении условно нормативных вариантов поведения детей в каждой ситуации и их эмоциональных реакций (зависит от нормативных индивидуальных особенностей), возможных вариантов нарушения нормативного поведения и эмоциональных реакций с определением возможных психологических причин этих нарушений.

Таблица

Игровые ситуации «Коршун»

Игровая ситуация	Варианты возможного поведения	Поведение не соответствующее игровой ситуации	Несформированность того или иного необходимого в игровой ситуации качества. Конкретное нарушение говорит о конкретном несформированном психическом качестве	Эмоциональная реакция
Водят хоровод, поют песню	1. Дети держатся за руки, идут равномерно в хороводе, поют, смотрят друг на друга и «Коршуна»	1. Дети расцепляют руки, не держат круг, переговариваются друг с другом (тормозят, забегают вперед), пытаются зацепить «Коршуна»	Отсутствует навык исполнения хороводных попевок (идти и петь). Отсутствие доверия и принятие друг друга как целостного детского коллектива. Недостаточно сформированы коллективные взаимоотношения. Возрастная особенность и педагогическая проблема	Радость, страх
<i>Диалог хоровода с «Коршуном».</i>				

Вопросы к «Коршуну»	1. Дети задают вопросы, жестикулируют, интонируют голосом	1. Дети не вступают в диалог «Коршуном»	Отсутствует понятие диалога. Нет сюжетно-ролевой игры в группе. Недостаточный опыт выстраивать разговор между субъектами: ребенок-ребенок, ребенок-взрослый, ребенок-взрослый, ребенок	Радость, страх
Дети в роли «Коршуна»	1. Повторяют действия, сопровождая их словами (показывают «ситец», «денежки»), отвечают на вопросы детей из круга. 2. Сидят в кругу	1. Не играют свою роль. 2. Сидя в кругу, балуются, отвлекают других ребят, выходят из круга	Уменьшенное пространство побуждает детей к определению границ между собой, к поиску личного пространства безопасности. При тесном телесном контакте возможна провокация конфликта или проявление отвлеченной речевой активности, не соответствующей словам игры	Волнение, напряженное внимание
«Коршуны» ловят ребят	1. Ловят, удерживают по одному ребенку за раз и ведут его в центр, садятся вместе с ним	1. Просто бегают. 2. Ловят ребят посредством касания. 3. Поймав одного ребенка, отправляются за другим или пытаются поймать несколько детей сразу. Ловят раньше времени	Не могут в азарте игры удерживать правила. В коллективной игре каждый ребенок выбирает собственные действия. Такое игровое поведение характерно для детей 4-5 лет. У детей смещен возраст сформированности игровых действий	Радость
Ребята, оставшиеся в «Коршунов»	1. Убегают от «Коршунов»	1. Стоят на месте, выбегают за	Недостаточная перелючаемость с одного завершенного действия на	Радость, страх

<p>кругу</p>	<p>в момент, предусмотренный игрой в рамках игрового пространства</p>	<p>пределы игрового пространства. 2. Бегут навстречу «Коршуну». Сразу же, как только их поймали, начинают ловить других ребят. Убегают раньше времени из круга</p>	<p>другое. Отсутствие способов саморегуляции и самоконтроля. Возрастная особенность и педагогическая проблема</p>	
--------------	---	--	---	--

Литература

1. Стельмах О.Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А. Народная игра как средство профилактики девиантного поведения в условиях урбанизации // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 3. С. 69–75.
2. Стельмах О.Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А. О возможностях игровой практики в детском саду // Эксперимент и инновации в школе. 2014. № 2. С. 49–55.
3. Чернушевич В.А. Экспериментальное исследование психоэмоциональных ресурсов народных игр (фольклора) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68310.shtml> (Дата обращения: 25.04.2016).

Folk national culture as a means of forming norms of communication in childhood

Chernushevich V. A., Associate professor of the Department of Juridical Psychology and Law of Juridical Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology and Education (vasiha@mail.ru)

Kupriyanova E. A., Psychologist of Educational Field Study Laboratory of the Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (savekat@bk.ru)

Bobryshova E.I., Psychologist, State budget of educational institutions Moscow "SCHOOL № 1877" Lublin " (grafstvo@yandex.ru)

The best carriers of playing culture are children, who possess and enjoy it. Destroyed social kids' structures, territorial kids' associations (family, yard, village, street communities of children) interrupted generally the process of culture transmission, reproduction and passing of communication tradition. And there is a need in social-state "revivification" (recovering folk games list and its' players, enough for folk games reproduction process).

Folk game includes particular properties of relations on the levels of physical and emotional, vocal interaction, imagery-symbolic filling, special features of clothes (all aspects of communication that constitute features of national culture of the nation and make from the nation the community of people very special and different from other communities and nations). Studying of correctional possibilities of folk games within the frames of playing agendas showed that their psychological and emotional resources provide the conditions for adoption by children the norms of communication.

Keywords: norms of communication, psychological and emotional resources, folk games, playing culture, transmission of the culture, playing agenda, tradition.

References

1. Stel' mah O.D., Stupina V.N., Chernushevich V.A. Narodnaya igra kak sredstvo profilaktiki deviantnogo povedeniya v usloviyah urbanizatsii [The folk nation game as a means of prevention of deviant behavior in an urbanizing]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment [Municipal education: innovation and experiment]*, 2013, no 3, pp. 69-75. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Stel'mah O.D., Stupina V.N., Chernushevich V.A. O vozmognostjakh igrovoj praktiki v detskom sadu [On the possibilities of match practice in kindergarten]. *Jeksperiment i innovatsii v shkole [Experiment and innovation at school]*, 2014, no 2, pp. 49-55. (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Chernushevich V.A. Jeksperimental'noe issledovanie psihojemotsional'nyh resursov narodnih igr (fol'klora) [Elektronnyi resurs] [An experimental study of psycho-emotional resources of folk games (folklore)]. *Psihologiya i pravo* [*Psychological and law Psyjournals.ru*], 2014, no 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68310.shtml> (In Russ., abstr. in Engl.). (Accessed 22.12.2015).

Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации

*Ларин А.Н., аспирант, Московский городской психолого-педагогический университет
(aaalll999@rambler.ru)*

В статье приводятся результаты исследования личностных особенностей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в условиях детского дома. Предполагается, что рассмотренные качества личности имеют влияние на процесс социализации и адаптации при выпуске из детского дома. Проведен сравнительный анализ личностных особенностей у мальчиков (18 человек) и девочек (14 человек) в возрасте от 12 до 17 лет, воспитывающихся в детских домах, а также выделены качества личности, негативно влияющие на процесс формирования у ребенка активной жизненной позиции. В исследовании применялись методики: «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик (детский вариант) и методика многофакторного исследования личности Кэттелла 14 РФ. Значимость полученных результатов обусловлена применением методов математической статистики: U-критерия Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента для произвольных выборок. Исследование по методике Кэттелла 14 РФ показало, что у испытуемых групп мальчиков и девочек – воспитанников детских домов имеются различия изучаемых особенностей личности ($p \leq 0.05$). Характер полученных результатов может говорить об общей тенденции наличия у детей личностных особенностей, негативно влияющих на успешность адаптации после их выпуска из детского дома.

Ключевые слова: личностные особенности, детский дом, выпускники, дети, социальная адаптация.

Для цитаты:

Ларин А.Н. Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С.107-119.

doi: 10.17759/psylaw.2016060208

For citation:

Larin A.N. Personality characteristics of children in an orphanage as criteria for the developing of proactive attitude and successful social integration. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.107-119. doi: 10.17759/psylaw.2016060208

Проблема социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является крайне важной и требует эффективных мер для ее решения. Особенно актуальной она становится при выпуске ребенка из детского дома.

По мнению Дж. Боулби (J. Bowlby) недостаток родительской заботы может стать причиной повышенной тревожности, чрезмерной потребности в любви, мстительности и депрессии [12, с.12].

Результаты психологических обследований показывают, что наибольшее количество проблем и отклонений от нормального становления личности у воспитанников детского дома наблюдается в эмоционально-волевой сфере, это связано с нарушением компетентности социального взаимодействия, неуверенностью в себе и своих силах, снижением самоорганизованности и целеустремленности, что в итоге приводит к значительному снижению «силы личности», а отрицательная динамика развития личности сохраняется во всех возрастных группах [10]. Также отмечаются особенности внутренней позиции: слабая ориентированность на будущее, обедненность эмоциональных проявлений, упрощенное содержание образа самого себя, сниженное отношение к себе, пристрастность в отношении к взрослым, сверстникам и предметному миру, импульсивность поведения, ситуативность мышления и поведения. Эти особенности личности ребенка, возникая в раннем возрасте, не исчезают, а приобретают новое качество и усугубляются в дальнейшем [7].

Ежегодно из детских домов России выпускаются около 26 тысяч воспитанников [2], но не всем из них удается удачно адаптироваться к новым условиям жизни.

В ст.31 Постановления Правительства РФ от 24 мая 2014 года № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», вступившего в силу 1 сентября 2015 года, сказано, что «...организация для детей-сирот может разрешать временно бесплатно проживать и питаться в организации для детей-сирот лицам из числа детей, завершивших пребывание в организации для детей-сирот, но не старше 23 лет» [8].

Начиная самостоятельную жизнь, дети зачастую сталкиваются с трудностями, которые решить самостоятельно им оказывается не под силу.

Еще находясь в детском доме, многие подростки начинают употреблять табачные изделия, алкоголь и наркотические средства, что в дальнейшем может привести к губительной зависимости. Вступление в ранние половые контакты также негативно влияет на дальнейшее устройство жизни.

После выпуска из детского дома по государственной квоте они поступают в учебные заведения, как правило в училища или колледжи, но многие их так и не заканчивают.

По результатам исследования, проведенного в Финляндии в 2014 г. [R.Kaltiala-Heino, S. Fröjd, M. Marttunen], выявлено, что ранняя половая активность и рискованное сексуальное поведение в среднем подростковом возрасте, как у девушек, так и у юношей, в дальнейшем может привести к депрессии, расстройствам поведения, курению и употреблению алкоголя [13].

Психологи отмечают, что нарушение социально-психологической адаптации приводит к дисгармонии отношений личности с окружающей средой, агрессивному поведению, что в итоге затрудняет социализацию воспитанников детского дома. По мнению Е.Н. Корневой, вырастающая из самоощущения «деклассированного элемента» предрасположенность к асоциальному образу жизни, совершению противозаконных действий и самоубийству подогревается самой атмосферой детского дома и воспитанием, которое нередко сопровождается серьезными психологическими травмами и, главное, не предусматривает приобретения навыков, способствующих «постинтернатной адаптации» [4].

К негативным личностным особенностям детей, воспитывающихся в детском доме, О.Ф. Рогаль-Левицкая относит:

- нарушенные коммуникативные связи;
- искаженное мировосприятие, недостаточные уровень и содержание знаний о жизни в обществе;
- неуверенность в своих силах, искаженная Я-концепция;
- недооценка образования;
- затрудненное целеполагание: (сложность в определении перспективных целей);
- отсутствие навыка осознанного планирования своего будущего [9, с. 78].

Некоторые бывшие воспитанники детских домов склонны к аддиктивному поведению, имеют проблемы с законом, оказываются в местах лишения свободы и находятся на грани нищеты. Так, по данным статистических исследований, около 50% выпускников детских домов попадают в группу риска или криминализируются, 33% выпускников не имеют работы, многие становятся бездомными, а около 10% выпускников совершают самоубийство [2; 11]. Причина этого не только в воспитании, но и в личностных качествах человека, в несформированности его жизненной позиции, влияющей на успешность социальной адаптации после выпуска из детского дома. Многие личностные особенности детей обусловлены именно спецификой тех учреждений, в которых они воспитываются и существующей в них системой межличностных отношений, в том числе между воспитывающими взрослыми и самими воспитанниками [1; 5; 6].

Наше исследование проводилось с целью выявления личностных особенностей у детей, воспитывающихся в детских домах, с учетом гендерных различий. В нем приняли участие дети, воспитывающиеся в детских домах Владимирской области, в возрасте от 12 до 17 лет, 32 человека (18 мальчиков и 14 девочек).

Изучение личностных особенностей проводилось с помощью детского варианта индивидуально-типологического опросника Л.Н. Собчик и подросткового варианта методики многофакторного исследования личности Кэттелла 14 PF.

Математическая обработка результатов исследования проводилась при помощи U-критерия Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

По итогам проведения методики «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) получены средние показатели (Σ) по каждому фактору. Сводный график средних показателей результатов по методике ИТО показан на рис.1.

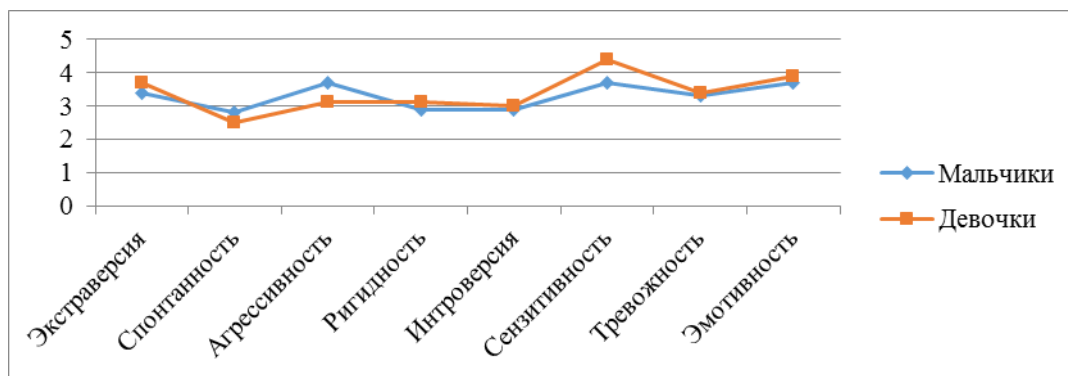

Рис.1. Средние значения по методике ИТО

Интерпретация результатов проводилась по степени выраженности факторов у испытуемых:

- от 0 до 2 баллов – плохое самопонимание или неоткровенность при обследовании;
- 3–4 балла – показатели в пределах нормы, гармоничная личность;
- 5 баллов – заостренные, акцентуированные, черты;
- 6 баллов – выраженные избыточно-дезадаптирующие свойства [3].

Обобщенные результаты методики ИТО показаны в табл. 1 и 2.

Таблица1

Обобщенные результаты методики ИТО (мальчики)

Шкалы	0–2 балла	3–4 балла	5 баллов	6 баллов
Экстраверсия	6 человек (33,3%)	6 человек (33,4%)	6 человек (33,3%)	-
Спонтанность	4 человека (22,2%)	13 человек (72,2%)	1 человек (5,6%)	-
Агрессивность	2 человека (11,1%)	12 человек (66,7%)	3 человека (16,7%)	1 человек (5,6%)
Ригидность	6 человек (33,3%)	11 человек (61,1%)	1 человек (5,6%)	-
Интроверсия	7 человек (38,9%)	9 человек (50%)	2 человека (11,1%)	-
Сензитивность	4 человека (22,2%)	9 человек (50%)	2 человека (11,1%)	3 человека (16,7%)
Тревожность	4 человека (22,2%)	11 человек (61,1%)	3 человека (16,7%)	-

Эмотивность	4 человека (22,2%)	8 человек (44,4%)	4 человека (22,2%)	2 человека (11,1%)
-------------	-----------------------	----------------------	-----------------------	-----------------------

Таблица 2

Обобщенные результаты методики ИТО (девочки)

Шкалы	0-2 бала	3-4 балла	5 баллов	6 баллов
Экстраверсия	3 человека (21,4%)	6 человек (42,9%)	4 человека (28,6%)	1 человек (7,1%)
Спонтанность	8 человек (57,2%)	5 человек (35,7%)	1 человек (7,1%)	-
Агрессивность	4 человека (28,6%)	8 человек (57,2%)	1 человек (7,1%)	1 человек (7,1%)
Ригидность	5 человек (35,7%)	8 человек (57,2%)	1 человек (7,1%)	-
Интроверсия	3 человека (21,4%)	11 человек (78,6%)	-	-
Сензитивность	1 человек (7,1%)	8 человек (57,2%)	2 человека (14,3%)	3 человека (21,4%)
Тревожность	3 человека (21,4%)	9 человек (64,3%)	2 человека (14,3%)	-
Эмотивность	2 человека (14,3%)	7 человек (50%)	2 человека (14,3%)	3 человека (21,4%)

По результатам методики ИТО, 19,5% мальчиков и 11,6% девочек имеют заостренные, акцентуированные, черты, а 4,2% мальчиков и 7,1% девочек – выраженные избыточно-дезадаптирующие свойства.

Выраженность избыточно-дезадаптирующих свойств у мальчиков и девочек отмечена в шкалах: «Агрессивность», «Сензитивность» и «Эмотивность», что может говорить о тенденции к повышенной чувствительности к происходящим жизненным ситуациям и проявлению эмоциональных реакций большой интенсивности, нередко сопровождающихся агрессивными проявлениями. Такие дети тяжело переживают жизненные трудности и не всегда адекватно реагируют на сложившиеся обстоятельства, что может негативно сказаться на их адаптации при вступлении во взрослую жизнь.

Для оценки различий между выборками по каждой шкале был выполнен расчет U-критерия Манна-Уитни, в ходе которого было установлено, что различия уровня признака в сравниваемых группах статистически не значимы ($p > 0,05$) (при критическом значении U-критерия, равном 74).

Далее, по среднему значению (Σ) был выполнен расчет коэффициента корреляции по t-критерию Стьюдента.

Результат: $t_{эмп} = 0.4$.

Критические значения ($t_{кр}$): $p \leq 0.05 = 2.14$; $p \leq 0.01 = 2.98$.

Полученное эмпирическое значение t (0.4) находится в зоне незначимости.

С целью дальнейшего изучения личностных особенностей воспитанников детских домов была применена методика многофакторного исследования личности Кэттелла (подростковый вариант). Сводный график средних показателей результатов по методике многофакторного исследования личности Кэттелла 14 PF показан на рис.2.

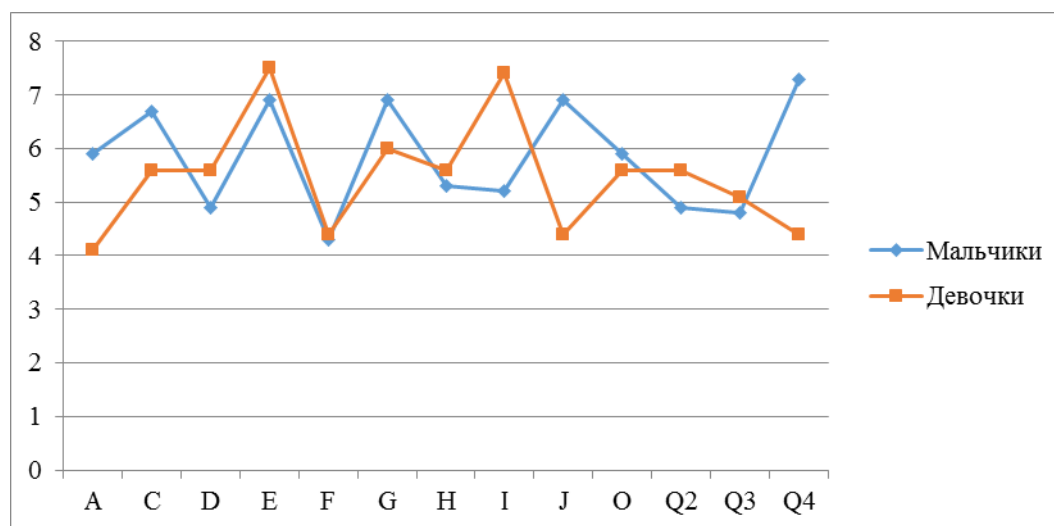

Рис.2. Сравнительный график средних результатов по методике Кэттелла 14 PF (стены)

В результате расчета данных по U-критерию Манна-Уитни установлено, что в зоне значимости ($p \leq 0.05$) находятся факторы: А («шизотимия-аффектотимия»), I («реализм-сензитивность»), J («неврастения, фактор Гамлета»), Q4 («степень внутреннего напряжения»). Фактор G («степень принятия моральных норм») находится в зоне неопределенности. По остальным факторам различия признаков в сравниваемых группах статистически незначимы ($p > 0.05$).

По среднему значению (Σ) был выполнен расчет коэффициента корреляции по t-критерию Стьюдента.

Результат: $t_{эмп} = 0.9$

Критические значения ($t_{кр}$): $p \leq 0.05 = 2.06$; $p \leq 0.01 = 2.8$.

Полученное эмпирическое значение t (0.9) находится в зоне незначимости.

При статистической обработке данных, отмечены следующие результаты (табл.3).

Таблица 3

Результаты многофакторного исследования личности Кэттелла 14 PF (в %)

П / п	Факторы	Мальчики			Девочки		
		Результаты			Результаты		
		высокие	средние	низкие	высокие	средние	низкие
	(шизотимия-аффектотимия)	5.6%	72.2%	22.2%	42.9%	57.1%	0%
	(степень эмоциональной устойчивости)	0%	77.8%	22.2%	14.3%	78.6%	7.1%
	(флегматичность-возбудимость)	33.3%	55.6%	11.1%	21.4%	50%	28.6%
	(пассивность-доминантность)	5.6%	55.6%	38.9%	0%	57.1%	42.9%
	(осторожность-легкомыслие)	38.9%	55.6%	5.6%	35.7%	64.3%	0%
	(степень принятия моральных норм)	0%	55.6%	38.9%	0%	78.6%	21.4%
	(робость, застенчивость - смелость, авантюризм)	0%	88.9%	11.1%	0%	92.9%	7.1%
	(реализм - сензитивность)	22.2%	72.2%	5.6%	0%	42.9%	57.1%
	(неврастения, фактор Гамлета)	0%	72.2%	27.8%	35.7%	64.3%	0%
0	(самоуверенность - склонность к чувству вины)	0%	94.4%	5.6%	14.3%	64.3%	21.4%
1	2 (степень групповой зависимости)	5.6%	94.4%	0%	21.4%	57.1%	21.4%
2	3 (степень самоконтроля)	27.8%	72.2%	0%	42.9%	42.9%	14.3%
3	4 (степень внутреннего напряжения)	0%	50%	50%	21.4%	85.7%	0%

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что у испытуемых, мальчиков и девочек – воспитанников детских домов, имеются незначительные личностные различия.

У мальчиков отмечены более реалистичные и независимые взгляды на жизнь, в общении они сдержанны и осторожны, не терпят субъективизма, предпочитают индивидуальные действия.

Из негативных факторов можно выделить: нетерпеливость, слабый волевой контроль, игнорирование социальных требований, недостаточную общественную интегрированность, а также проявление импульсивных, возбудимых реакций, связанных с низким порогом фрустрированности, что может приводить к ошибкам в решении повседневных задач. Зачастую они сами не понимают своих жизненных целей и приоритетов. Могут проявлять недовольство существующим порядком или руководством. В конфликтных ситуациях склонны проявлять злопамятность и жестокость. Наблюдается недостаточная степень психологической гибкости при попадании в новые жизненные условия.

Девочки отличаются склонностью к ригидности, достаточно упрямы и требовательны. В общении придерживаются своей точки зрения, редко идут на компромисс. Они обидчивы, ревнивы, эгоцентричны и легковозбудимы.

Желание привлечь к себе внимание и потребность в самоутверждении находят отражение в развитом творческом потенциале и готовности работать в группе. Наблюдается высокий уровень эмоциональной чувствительности и склонность к депрессивным состояниям. Они чаще подвержены внешнему влиянию, а желание избежать ответственности и сниженная мотивация к деятельности отражаются в их склонности к авантюризму. Как и мальчики, девочки слабо общественно интегрированы, отмечена низкая степень принятия социальных требований.

Некоторые дети чрезмерно эмотивны, чувствительны, в сложных ситуациях могут проявлять агрессию (особенно у мальчиков). Агрессивное поведение может быть следствием недостатка внимания и заботы.

Проведенное исследование показало, что мальчики и девочки, находящиеся в условиях детского дома, не имеют значительных различий в личностных особенностях, что может быть связано с единой системой воспитательного процесса в детских домах.

В своей совокупности негативные личностные проявления могут иметь отрицательные последствия при вступлении во взрослую жизнь. Они влияют на формирование активной жизненной позиции и, тем самым, на успешность социальной адаптации при выпуске из детского дома. Для этого необходимо своевременно и качественно проводить диагностику по выявлению личностных особенностей каждого ребенка, а также отслеживать неблагоприятные проявления еще на ранних этапах нахождения в детском доме и осуществлять коррекционные групповые и индивидуальные мероприятия, способствующие устойчивому снижению дезадаптационных факторов у детей.

Результаты данного исследования могут быть использованы при организации воспитательной работы с детьми, проживающими в детских домах, построении общения с ними, а также в рамках коррекционной работы, направленной на формирование активной жизненной позиции, способствующей успешной социальной адаптации при вступлении в самостоятельную жизнь.

Только правильная и своевременная психологическая работа может помочь ребенку сформировать активную жизненную позицию, способствующую успешной социальной адаптации и способствовать становлению полноценно развитой личности.

Литература

- 1) *Березин С.В., Евдокимова Ю.Б.* Социальное сиротство: дети и родители: Материалы к курсу «Педагогическая психология». Самара: Универс-групп, 2003. 52 с.
- 2) *Брынцева Г.* Неотчий дом / Российская газета – Столичный выпуск. 2011. № 5660 (284), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/detdom.html> (дата обращения: 05.04.2016).
- 3) Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик // Журнал «Школьный психолог», №11 (83), 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200101105> (Дата обращения: 05.04.2016).
- 4) *Корнева Е.Н.* Особенности воспитанников детских домов [Электронный ресурс] // Социальная сеть работников образования nsportal.ru. 2014. URL: <http://nsportal.ru/blog/obshcheobrazovatel'naya-tematika/all/2014/10/25/osobennosti-vospitannikov-detskikh-domov> (дата обращения: 05.04.2016).
- 5) *Ларин А.Н., Коноплева И.Н.* Современные проблемы детей-сирот [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 2. С. 5–10. doi:10.17759/jmfr.2015040201 (дата обращения: 05.04.2016).
- 6) *Ларин А.Н., Коноплева И.Н.* Социальная адаптация детей, воспитывающихся в условиях детского дома [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 3. С. 125–135. doi:10.17759/psyedu.2014060313 (дата обращения: 05.04.2016).
- 7) *Пахомова И.Н., Белова Л.И., Брагина О.В., Жедунова Л. Г., Иванова Т.А., Корицова И.А., Корнилова С.Б., Корнилова О.Ю., Кузнецова И.В., Посысов Н.Н., Семенова С.М.* Содержание и организация психолого-педагогического сопровождения индивидуального развития воспитанников детских домов и школ-интернатов. Выпуск 1 [Электронный ресурс] // ГОУ ЯО «Центр помощи детям». 2005. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met35/node4.html> (дата обращения: 05.04.2016).
- 8) Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 года № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 02.06.2014. № 22. Ст. 2887.
- 9) *Рогаль-Левицкая О.Ф.* Психологические особенности процесса адаптации подростков с девиантным поведением к профессиональной деятельности: дисс. ... канд. психол. Наук. Астрахань, 2014. 144 с.

Ларин А.Н. Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №2. С. 107-119.

Larin A.N. Personality characteristics of children in an orphanage as criteria for the developing of proactive attitude and successful social integration. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.2. pp. 107-119.

- 10) *Старкова Д.В.* Особенности формирования личности воспитанника детского дома [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. 2013. № 12. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/12/2628> (дата обращения: 05.04.2016).
- 11) *Черепанова Н.* Порадуйтесь за наш успех! 2013 г. [Электронный ресурс] / Благотворительный Фонд «Дети России – Будущее Мира». URL: <http://childofrussia.ru/blogi/4> (дата обращения: 05.04.2016).
- 12) *Bowlby J.* Maternal care and mental health // World health organization. Palais des nations. Geneva: World Health Organization, 1952. 194 p.
- 13) *Kaltiala-Heino R., Fröjd S., Marttunen M.* Depression, conduct disorder, smoking and alcohol use as predictors of sexual activity in middle adolescence: a longitudinal study [Электронный ресурс] = [Депрессия, расстройства поведения, курение и употребление алкоголя, как показатели сексуальной активности в среднем подростковом возрасте: лонгитюдное исследование] / Riittakerttu Kaltiala-Heino, SariFröjd, Mauri Marttunen // Health Psychology and Behavioral Medicine. 2015. Vol. 3 № 1. P. 25-39. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21642850.2014.996887> (дата обращения: 05.04.2016).

Personality characteristics of children in an orphanage as criteria for the developing of proactive attitude and successful social integration

Larin A.N., Post-graduate Student, Moscow State University of Psychology and Education (aaalll999@rambler.ru)

The article presents the results of a personality characteristics study of orphans and children left without parental care growing up in an orphanage. It is assumed that examined personality characteristics have an effect on the socialization and integration processes after graduating from the orphanage. The paper gives a comparative analysis of personality characteristics in 18 boys and 14 girls aged from 12 to 17 years in orphanages, as well as finds out the personality characteristics undermining the developing of child's proactive attitude. The study used a children's version of "Individual typological questionnaire" by L.N. Sobchik and Cattell 14 PF method of multivariate personality study. Statistical significance of the results is due to Mann-Whitney U test and Student t-test for nonrandom access. Cattell 14PF study shows that boys and girls in the test groups have personality differences ($p \leq 0.05$). A pattern of the results may indicate a general trend of personal characteristics negatively affecting the success of adaptation after graduating from the orphanage.

Keywords: personality characteristics, orphanage, graduates, children, social adaptation.

References

1. Berezin S.V., Evdokimova Y.B. Sotsial'noe sirotstvo: deti i roditeli: Materialy k kursu «Pedagogicheskaya psikhologiya» [Social orphans: children and parents: Materials for the course «Educational Psychology»]. Samara: Izd-vo «Univers-grupp» [Publ. «Univers-grupp»], 2003, 52 p.
2. Bryntseva G. Neotchii dom [Not father's house]. Rossiiskaya gazeta - Stolichnyi vypusk №5660 (284), 2011. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/detdom.html> (Accessed 05.04.2016).
3. Individual'no-tipologicheskii oprosnik L.N. Sobchik [Individually-typological questionnaire L.N. Sobchik]. Zhurnal «Shkol'nyi psikholog» [School psychologist], №11 (83), 2001. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200101105> (Accessed 05.04.2016).
4. Korneva E.N. Osobennosti vospitannikov detskikh domov [Features children's homes]. Sotsial'naya set' rabotnikov obrazovaniya nportal.ru [Social network for educators nportal.ru], 2014. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://nportal.ru>

nsportal.ru/blog/obshcheobrazovatel'naya-tematika/all/2014/10/25/osobennosti-vospitannikov-detskikh-domov (Accessed 05.04.2016).

5. Larin A.N., Konopleva I.N. Modern problems of orphans [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiiia* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 5–13. doi:10.17759/jmfp.2015040201. (Accessed 05.04.2016).
6. Larin A.N., Konopleva I.N. Social Adaptation of Children Brought up in Orphanage [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2014. Vol. 6, no. 3, pp. 125–135. doi:10.17759/psyedu.2014060313. (Accessed 05.04.2016).
7. Pakhomova I.N., Belova L.I., Bragina O.V., Zhedunova L. G., Ivanova T.A., Korikova I.A., Kornilova S.B., Kornilova O.Y., Kuznetsova I.V., Posysoev N.N., Semenova S.M. Soderzhanie i organizatsiya psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya individual'nogo razvitiya vospitannikov detskikh domov i shkol-internatov [The content and organization of psycho-pedagogical support individual development of children's homes and boarding schools]. Vypusk 1. GOU YaO «Tsentр pomoshchi detyam» [Center to help children], 2005. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met35/node4.html> (Accessed 05.04.2016).
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 maya 2014 goda № 481 «O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikh-sya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikh-sya bez popecheniya roditelei» [The activities of organizations for orphans and children left without parental care, and about the device in them of children left without parental care]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation], 02.06.2014, №22, st. 2887.
9. Rogal'-Levitskaya O.F. Psikhologicheskie osobennosti protsessa adaptatsii podrostkov s deviantnym povedeniem k professional'noi deyatel'nosti [Psychological features of adaptation of teenagers with deviant behavior to the professional activity]. Ph. D. (Psychology) diss.]. Astrakhan', 2014. – 144 p.
10. Starkova D.V. Osobennosti formirovaniya lichnosti vospitannika detskogo doma [Features of formation of the personality of children's home]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, sociology and pedagogy]. 2013. № 12 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/12/2628> (Accessed 05.04.2016).
11. Cherepanova N. Poraduites' za nash uspekhi! [Look forward for our success!]. 2013. Blagotvoritel'nyi Fond «Deti Rossii - Budushchee Mira» [Charitable Foundation «Children of Russia - The Future of the World»]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://childofrussia.ru/blogi/4> (Accessed 05.04.2016).
12. Bowlby J. Maternal care and mental health. World health organization. Palais des nations. Geneva, 1952. 194 p.
13. Kaltiala-Heino R., Fröjd S., Marttunen M. Depression, conduct disorder, smoking and alcohol use as predictors of sexual activity in middle adolescence: a longitudinal study [Elektronnyi resurs] = [Depressiya, rasstroistva povedeniya, kurenie i upotreblenie alkogolya, kak pokazateli seksual'noi aktivnosti v srednem podrostkovom vozraste:

Ларин А.Н. Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №2. С. 107-119.

Larin A.N. Personality characteristics of children in an orphanage as criteria for the developing of proactive attitude and successful social integration. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.2. pp. 107-119.

longitudinal study]. Riittakerttu Kaltiala-Heino, SariFröjd, Mauri Marttunen. *Health Psychology and Behavioral Medicine*. - 2015. - Vol. 3, № 1. - pp. 25-39. - URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21642850.2014.996887> (Accessed 05.04.2016).

Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях

Вахнина В.В., доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России (vikavahnina@mail.ru)

Статья посвящена проблеме изучения переговорной деятельности зарубежными учеными. Выделяются различные направления исследования переговоров сотрудников правоохранительных органов в кризисных ситуациях и возможности преодоления и профилактики кризиса переговоров.

Автор исследует различные подходы зарубежных ученых к проблеме ведения переговоров в кризисных ситуациях, связанных с фактом совершения преступления. Особо автор отмечает работы словацких исследователей, которые сформировали банк кризисных ситуаций и проанализировали возможности преодоления кризисных состояний переговорной деятельности.

В статье рассмотрены результаты исследовательской деятельности не только ученых теоретиков, но и практиков. Руководители специальных подразделений, участвующие в освобождении заложников, анализируют причины возникновения кризиса переговоров и возможности его преодоления. Анализ представленных подходов зарубежных ученых позволяет разработать концепцию антикризисных переговоров сотрудников органов внутренних дел с лицами, совершающими (совершившими) преступные деяния.

Ключевые слова: переговоры, переговорная деятельность, переговоры с преступниками, правоохранительные органы.

Для цитаты:

Вахнина В.В. Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 120-127. doi: 10.17759/psylaw.2016060209

For citation:

Vahnina V.V. The study of negotiation activities in foreign studies. [Elektronnyi resurs]. Psikholoģiia i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.120-127. doi: 10.17759/psylaw.2016060209

В последние годы для правоохранительных органов разных стран все более значимой становится проблема борьбы с такой формой преступной деятельности, как захват и удержание людей в качестве заложников с целью получения выкупа, шантажа, выдвижения

политических требований. Наиболее эффективным способом разрешения подобных криминальных ситуаций является ведение переговоров, что позволяет сохранить жизнь и здоровье заложников, а также с меньшими потерями произвести задержание преступников.

Анализ практики переговоров с террористами как зарубежных, так и отечественных правоохранительных органов показывает, что возникновение кризисов в переговорной деятельности часто происходит из-за недостаточной компетентности сотрудников, ведущих переговоры, а поэтому при их срыве наблюдается рост числа жертв как среди заложников и случайных прохожих, так и среди личного состава органов внутренних дел.

Современные зарубежные исследователи вскрыли роль переговорного процесса и изучают его различные стороны. Касаясь закономерности переговоров и стратегий их реализации, следует отметить, что американский политолог И.В. Зартман (1978) полагал: во время переговоров всегда «создается новая реальность» под воздействием обмена информацией, происходит трансформация «неизменных ценностей» в «ценности подвижные», так как «...переговоры – ситуация взаимозависимости, где один участник переговоров оказывает влияние на другого, и наоборот» [7, с. 81]. Р. Фишер и У. Юри (1990) видели в переговорах стремление к консенсусу, в том числе на основе «метода достижения соглашения на дружеской основе, без поражения сторон» [3, с.15]. Французский исследователь Л. Белланже (2003), рассматривая переговоры в рамках экзистенциального подхода, полагал, что они позволяют находить приемлемое урегулирование для сохранения или расширения свободы своей личности, правил, целей.

Важно отметить, что в переговорах значительна роль личностного фактора. Однако он трудно поддается учету, слабо сочетается с формулой игр с нулевым и ненулевым результатом. По мнению Тьерри де Монбриаля (2004), «...теория игр весьма полезна для того, чтобы прояснить многие концепции, однако не следует многого ждать от этого на практике» [6, с. 22], так как эта теория рассматривает переговоры как «сверхрациональный процесс», но переговорщики приносят «высокий коэффициент личностных качеств», в значительной степени оказывающих влияние на ход переговоров.

Переговоры как система операций могут развиваться с использованием математического инструментария теории игр, где основным назначением являются выработка и обоснование оптимальных решений в конфликтных, кризисных ситуациях, когда субъекты переговорного процесса преследуют противоположные или разные цели, вырабатывают стратегию, составляют план действий, прогнозируют ответные меры воздействия на противника.

Закономерно, что в последние десятилетия подход к переговорам на основе теории игр стал предметом интенсивных исследований. Зарубежными учеными – математиком Дж. фон Нейманом и экономистом О. Моргенштерном была предложена так называемая теория игр, на основе которой Т. Шеллинг создал концепцию рационального расчета и ведения переговоров. Исследователи применили к изучению переговоров математическую теорию игр, разделив переговоры на два типа: игры с нулевой суммой (выигрыш одной стороны равен проигрышу другой); игры с ненулевой суммой (переговорщики больше выигрывают и меньше проигрывают, если сотрудничают друг с другом).

Ученые выделили четыре психологических фактора, определяющих выбор модели переговорной игры: субъективные представления партнеров о предстоящих переговорах; действия партнеров с учетом политической репутации и внутренних устремлений (степень риска); личностный фактор (характер, стиль, настрой, компетентность, лояльность); качество коммуникации (способность влиять, убеждать, рассуждать).

Выделенные факторы влияют на выбор переговорной стратегии и определяют тип переговоров. При анализе данных факторов в конкретной переговорной ситуации определяется тип переговоров: интегративные (партнерские) или полемические (конфликтные) переговоры, в межличностном плане – соревнование или сотрудничество.

Рациональный подход к переговорам обосновали Р. Фишер и У. Юри (1990) и выдвинули концепцию «разумных переговоров». По мнению авторов, ее ценностные ориентиры способствуют исключению торга при переговорах, ибо решение проблем осуществляется на основе справедливых критериев, не зависящих от воли сторон. Кроме того, они ввели специальный термин «БАТНА» (Best Alternative To Negotiated Agreement – лучшая альтернатива переговорному соглашению) в качестве одного из основных элементов переговорного процесса. Переговоры в соответствии с этой концепцией начинаются тогда, когда ни одна из сторон не имеет БАТНА. Иначе говоря, не существует лучшего решения, чем то, которое может быть достигнуто с помощью переговоров. В итоге, по мнению Р. Фишера и У. Юри, именно сочетание индивидуальных устремлений субъектов переговорного процесса с появлением общего интереса приводит к взаимовыгодному итогу переговоров, являясь основой успеха.

В. Мастенбрук (1993) рассматривает понятие «переговоры» с четырех позиций: набор тактических приемов; умение, позволяющее разрешить некоторое количество дилемм; процесс, организованный во времени; комплекс различных видов деятельности (достижение значительных результатов, дифференциация затрат и прибыли, достижение целей, влияние на баланс сил между сторонами, силовое равновесие, формирование конструктивной атмосферы, личностные контакты, достижение процедурной гибкости, укрепление собственной позиции, увеличение шансов достичь компромисса).

С учетом того, что переговоры с преступниками получили довольно широкое распространение, зарубежные исследователи разработали типизацию преступников, с которыми полиция приходится вести переговоры. Одной из основных является классификация по мотивационным основаниям: политические мотивы (от социальных протестантов до фанатиков-экстремистов); корыстная направленность (грабители, вымогатели, социально опустившиеся); особая группа – индивиды в реактивных состояниях психики, с неврозом различной этиологии, иными аномалиями психического статуса (суицидальными наклонностями).

Переговоры как комплекс видов деятельности рассматривались и другими учеными, которые предлагали использовать: дистрибутивные переговоры, основанные на максимизации собственной прибыли; интегративные переговоры, основанные на решении проблемы и увеличении общей выгоды; позиционное структурирование; переговоры внутри организации.

Изучением проблемы переговоров с преступниками занимались руководители спецподразделений, в частности Р. Рэмм (1996) – командир отряда по специальным операциям (Скотланд-Ярд, Великобритания). Он исследовал проблему переговоров с преступниками в ситуациях, связанных с захватом и удержанием заложников в забаррикадированном помещении или месте, окруженном полицией, а также в особых обстоятельствах, сопровождающих похищение людей. По мнению Р. Рэмма, ошибки полиции могут привести к тому, что действия людей, удерживающих заложников или выдвигающих какие-либо требования, поставят под угрозу жизнь не только жертв, но и окружающих, и сотрудников полиции. Д. Бидл (1996) – детектив, главный инспектор (Скотланд-Ярд, Великобритания) – изучал вопросы, связанные с особенностями развертывания штаба в ходе проведения операций по освобождению заложников, и проводил анализ роли

задействованных сил. Автор подчеркивал, что важна правильная организация руководства различными силами и средствами, используемыми полицией при возникновении ситуаций, связанных с захватом заложников. Т. Бэрри (1996) – главный суперинтендант (Скотланд-Ярд, Великобритания) – отмечал, что в ходе переговоров высоко ценится тесное взаимодействие команды переговорщиков и наличие возможности понимать мотивы, которыми руководствуется преступник.

Важно отметить то, что в Великобритании разработана специальная национальная система разрешения ситуаций, связанных с похищением людей и вымогательством, издано «Руководство для старших следователей полиции». В итоге их система доказала свою эффективность и была принята в других странах мира. Основой системы является структура руководства, в которую включены переговоры.

Словацкими полицейскими психологами также рассмотрены переговоры в кризисных ситуациях. В работе З. Мишина (Z. Misina, 2003) [4, с.107] уделяется внимание подготовке патрульных полицейских к кризисной ситуации в профессиональной деятельности – ситуации захвата заложников. Здесь же уточняется, что переговоры в кризисной ситуации могут подразделяться на «полицейские» и «психологические». Каждая кризисная ситуация уникальна, поэтому необходимо соблюдать определенные правила ведения переговоров.

Л. Томпсон (2005) исследовал проблему критических ситуаций, связанных с захватом заложников и осуществления подготовки команд по освобождению заложников в различных частях света. Автором отмечалось, что подготовка спецподразделений велась с акцентом на блокирование, а не просто оцепление места происшествия, силовое противодействие террористам. Уделялось особое внимание сбору и анализу критически важной информации, от которой во многом зависит исход операции с заложниками. Критически важной информацией считается составление психологического портрета личности преступника с учетом его криминального прошлого, состояния здоровья, актуального психологического состояния; сведения о заложниках, их числе; мотивы захвата; готовность преступников применить насилие, оружие; информация о возведенных преступниками баррикадах и установленных ловушках [2].

Дж. Ниренберг (1997) предложил концепцию переговоров, в которой рассматривал переговоры как определенный процесс, где требуется учитывать потребности его участников. Разработанная им теория потребностей в переговорах относит все многообразие видов переговоров к трем основным уровням: межличностному, межорганизационному и межнациональному. На межорганизационном уровне выделяются два подуровня: уровень потребностей собственно организации и уровень индивидуальных потребностей лица, ведущего переговоры. Теория потребностей, по мнению Дж. Ниренберга, применима на всех уровнях подходов к переговорам, так как дает наиболее вероятный порядок переговорных тактик и стратегий по их значимости, предоставляя широкий выбор методов достижения поставленной цели. Переговоры, по мнению этого автора, должны рассматриваться не как причинно-следственный процесс, а как процесс перехода одного момента в другой. Эмпирическое доказательство правильности каждого суждения и оценка для каждой стратегии и тактики могут быть найдены в ходе самих переговоров.

Важно отметить, что преступники, с которыми переговорщик устанавливает контакт, имеют различные индивидуально-психологические особенности личности и демонстрируют различное ситуационное поведение.

Л. Росс, Р. Нисбетт (2000), работая в рамках когнитивной социальной психологии, исследовали и систематизировали различные факторы, связанные с прогнозированием поведения [1]. Они рассматривали особенности поведения личности, влияние на нее различных ситуационных факторов, наличие закономерностей и возможности на основе выделенных закономерностей предсказывать поведение.

Важным фактором, влияющим на поведение индивида, является субъективная интерпретация, которая представляет результат взаимодействия между индивидом и ситуацией. Анализируя особенности поведения индивида, ученые отмечают, что диспозиционизм срабатывает до тех пор, пока не возникает нетипичная, нестандартная ситуация (исследования С. Милгрэма), ибо в этих случаях могут пропадать индивидуальные различия, большинство индивидов начинают действовать так, как диктуют внешние давления, ограничения и стоящие за ними люди-манипуляторы. По мнению Л. Росса и Р. Нисбетта, индивид в обыденной жизни действует в ограниченном круге повторяющихся ситуаций. Наблюдая и прогнозируя поведение индивида, можно предположить, что даже другая ситуация будет не сильно отличаться от нынешней, а это помогает успешно прогнозировать поведение и эффективно взаимодействовать, т. е. черты личности в определенном диапазоне «работают», так как они являются «чертами личности – и – ситуации» данного индивида.

Немецкие ученые В. Залевски и К. Шафер (W.D. Salewski, K. Schaefer) выделили фазы аффективных переживаний преступников в ситуации захвата заложников и выделили особенности протекания кризисной ситуации в зависимости от типа преступников. Помимо этого М. Нерманutz, С. Людвиг, Н.Р. Шмалцл (2001) [5] рассматривают ситуацию взятия в заложники как психологический случай. При переговорах следует учитывать целевые установки преступника, его психологическое состояние и характеристики. Необходима психологическая оценка субъектов переговоров, их склонность к насилию и готовность к диалогу; вхождение в зону кризисной ситуации и ведение диалога; подготовка к разнообразным кризисным ситуациям; прогнозные психологические оценки оперативных сотрудников; формирование базы данных.

Гарвардские ученые Р. Фишер, У. Юри, Б. Паттон (2006) рассматривали переговоры как взаимное общение с целью достижения совместного решения, исследовали теоретические и прикладные механизмы, которые делают переговоры эффективными, полагая, что необходимо «изобретать взаимовыгодные варианты». Они выделяли особенности психологического воздействия на переговорах: стрессовая ситуация, личные нападки, угрозы – одна из наиболее «неприятных» тактик, используемых в ходе переговоров.

Таким образом, переговоры с преступниками – это стабилизация и разрешение ситуации, связанной с захватом заложников, посредством общения и налаживания определенных отношений. Переговоры являются альтернативой капитуляции властей, использованию силы, позволяют группе захвата подготовиться к возможному силовому решению проблемы. Важно предусматривать действия на случай непредвиденных обстоятельств, наличие необходимых ресурсов (материальных, кадровых). На наш взгляд, наличие плана операции необходимо, однако он не должен препятствовать максимально эффективному решению поставленных задач непосредственными исполнителями с учетом реальной обстановки и возможного непредвиденного развития событий.

Опытный переговорщик эффективно использует различные подходы с учетом возникшей кризисной ситуации и психологических особенностей личности преступника. Необходимо уметь проявлять спокойствие и быть готовым идти на уступки, в нужный

момент демонстрировать непреклонность, способность вовремя взять ситуацию под контроль.

Специалисты ФБР выделили условия успешных переговоров: желание преступников остаться в живых, реальная угроза жизни преступников (наличие группы захвата); наличие в группе преступников лидера, способного принимать решения; наличие требований; блокирование места происшествия, лишаящее преступников свободы передвижения; время, необходимое для налаживания контакта между переговорщиком и преступником, преступником и заложниками; наличие специалиста-переговорщика, способного показать, что возможно мирное разрешение конфликта. Эффективная стратегия переговоров обеспечивает обретение контроля над развитием ситуации, снижает вероятность применения насилия. Т. Стренц (2012) – сотрудник Академии ФБР США – исследовал различные психологические аспекты кризисных переговоров, выделяя особенности ведения переговоров с преступниками. Переговорщику необходимо выделять долгосрочные и краткосрочные цели, определять поведение и события, свидетельствующие об успехе.

К. Паттерсон, Дж. Гренни, Р. Макмиллан, Э. Свитцлер (2012) и М. Гоулстон (2014) рассмотрели особенности переговоров в экстремальных ситуациях, выделив следующие основные характеристики: беседа двух и более человек, в которой наблюдаются высокие ставки, расхождение во мнениях, накаленные эмоции. Р. Чалдини (2014) изучил психологическую основу успешных переговорных стратегий на основе стратегий социального влияния.

Таким образом, с конца 50-х гг. XX в. и по настоящее время в зарубежных исследованиях разрабатывались концептуальные основы стратегии и тактики ведения переговоров как внутри, так и вне организации, в рамках межгосударственного, межличностного и делового взаимодействия. Особый интерес для исследования проблемы преодоления кризисов в переговорной деятельности представляет анализ психологических исследований, посвященных переговорам как универсальному средству общения (Л. Беланже, В. Мастенбрук и др.), в том числе по зарубежному опыту сотрудников полиции (W. D. Salewski, K. Schaefer, Z. Misina, J. Cech).

Литература

- 1) Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 2000. 429 с.
- 2) Томпсон Л. Антитеррор: руководство по освобождению заложников. М., 2005. 272 с.
- 3) Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М., 1992. 158 с.
- 4) Misina Z. Vyjednavanie v krizovych situaciach // Policajna teoria a prax. Police Theory and Practice. Bratislava. 2003. № 4. P. 103–114.
- 5) Moderne Polizeipsychologie in Schlüsselbegriffen von M. Hermanutz, C. Ludvig, H.P. Schmalzl. Stuttgart: Boorberg, 2001. P. 138–146.
- 6) Thierry de Montbrial De la négociation // Pratiques de la negociation. Paris, 2004. P. 11–27.

- 7) *Zartman I.W.* Negotiations as a Joint Decision-Making Process // *Journal of Conflict Resolution*. 1977. № 21. P. 619–638.

The study of negotiation activities in foreign studies

Vahnina V.V., Doctor of psychology, associate professor, chair of psychology, pedagogics and personnel work organization, department of training of educational research staff, Academy of management, Russian Ministry of internal affairs (vikavahnina@mail.ru)

The article is devoted to the problem of studying the negotiation activities of foreign scientists. There are different trends in the study of negotiations law enforcement officers in crisis situations and the possibilities of overcoming and prevention of crisis negotiations. The author explores the different approaches of foreign scientists to the problem of negotiation in crisis situations involving the Commission of a crime. The author particularly notes the work of Slovak researchers who formed the Bank crises and analyzed the possibilities of overcoming the crisis conditions of the negotiation activities.

In the article the results of research activities of scientists not only theorists but also practitioners. The leaders of the special units involved in the liberation of hostages, analyze the causes of crisis negotiations and the possibility of its overcoming. The analysis of the presented approaches allows foreign scientists to develop the concept of anti-crisis talks of employees of internal Affairs bodies and the perpetrators (the perpetrators of) criminal acts.

Keywords: negotiation, negotiation activities, negotiation with criminals, law enforcement agencies.

References

1. Ross L., R. Nisbett the Person and the situation. The lessons of social psychology. M., 2000. – 429 p.
2. Thompson L. counterterrorism: a guide to freeing the hostages. M., 2005. – 272 p.
3. Fisher R, Juri U. the path to the consent, or negotiations without defeat. M.,1992. – 158p.
4. Misina Z. Vyjednavanie v krizovych sitnaciach // Policajna teoria a prax. Police Theory and Practice. Bratislava. 2003. No. 4. Pp. 103-114.
5. Moderne Polizeipsyehologie in Schlüsselbegriffen von M. Hermanutz, C. Ludvig, H. P. Schmalzl. Berlin – Munchen, 2001. Pp. 138-146.
6. Thierry de Montbrial De la négociation // Pratigues de la negociation. Paris, 2004. Pp. 11-27.
7. Zartman I.W. Negotiations as a Joint Devision-Making Process // The Negotiation Process. 1978. pp. 67-86.

Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений

Лютых В.А., психолог Главного управления МВД России по г. Москве (victor_l@inbox.ru)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, Москва (konopleva.i.n@gmail.com)

Актуальность данной темы обусловлена значительным количеством преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел и необходимостью активной профилактической работы. Целью исследования явилось определение индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений. Гипотезой явилось предположение, что ведущее отличие индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, от индивидуально-психологических особенностей правопослушных сотрудников органов внутренних дел состоит в различии главных ценностей личности, принятых человеком в качестве главных мотивов деятельности, а также в структуре и иерархии данных ценностей. В статье описываются ход и результаты эмпирического исследования, проведенного на материалах психодиагностического обследования: сотрудников, осужденных за совершение умышленных преступлений; правопослушных сотрудников; лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел. Испытуемые – мужчины, 18–46 лет, 90 человек. На основе полученных результатов сформулированы рекомендации практическим психологам органов внутренних дел по выявлению индивидуально-психологических особенностей личности, характерных для сотрудников ОВД, осужденных за совершение умышленных преступлений.

Ключевые слова: преступления сотрудников органов внутренних дел, личность сотрудника органов внутренних дел, индивидуально-психологические особенности, профессиональный психологический отбор, ценности личности.

Для цитаты:

Лютых В.А., Коноплева И.Н. Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 128-141.

doi: 10.17759/psylaw.2016060210

For citation:

Lyutikh V.A., Konopleva I.N. Individual psychological features of law enforcement officers convicted of crimes. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 2. pp.128-141.
doi: 10.17759/psylaw.2016060210

В настоящее время в МВД России принимаются различные меры по улучшению состояния служебной дисциплины и законности среди сотрудников органов внутренних дел. Однако число преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, продолжает оставаться значительным. Таким образом, существует задача, заключающаяся в выработке и применении эффективных мер по профилактике преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел и раннему выявлению среди сотрудников (а также кандидатов на службу в органы внутренних дел) лиц, склонных к совершению преступлений. Важная роль в решении этой задачи принадлежит системе профессионального психологического отбора [2; 3; 4; 5].

С целью определения индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, проведено эмпирическое исследование.

Предметом исследования явились индивидуально-психологические особенности личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, связанные с ценностными ориентациями и типологическими характеристиками.

Была выдвинута гипотеза о том, что ведущее отличие индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, от индивидуально-психологических особенностей правопослушных сотрудников органов внутренних дел состоит в различии главных ценностей личности, принятых человеком в качестве главных мотивов деятельности, а также в структуре и иерархии данных ценностей.

Выборку исследования составили материалы психодиагностического обследования (обследованные – мужчины, 18–46 лет, 90 человек). Материалы диагностики были распределены на 3 группы. В группу № 1 вошли материалы психодиагностического обследования сотрудников органов внутренних дел (подразделений Главного управления МВД России по городу Москве), осужденных за совершение умышленных преступлений в период с 2012 по 2013 гг. (30 человек). Указанные материалы были собраны до совершения сотрудниками преступлений (или выявления фактов совершения преступлений) в ходе плановых обследований в период с 2011 по 2013 гг.

В группу № 2 (основная группа сравнения) вошли материалы психодиагностического обследования сотрудников органов внутренних дел, не совершавших преступлений (30

человек). Данные материалы были собраны в ходе плановых обследований в период с 2011 по 2014 гг.

В группу № 3 (дополнительная группа сравнения) вошли материалы психодиагностического обследования лиц, поступавших на службу в органы внутренних дел и на момент обследования не являвшихся сотрудниками органов внутренних дел (30 человек). Указанные материалы были собраны в ходе предварительного психодиагностического обследования кандидатов при поступлении на службу в ОВД в период с 2009 по 2014 гг. (30 человек).

В ходе исследования использовались следующие методики: а) личностный опросник ММРІ (в интерпретации Ф.Б. Березина) [1]; б) полупроективная методика «Незаконченные предложения» Сакса и Леви [6]; в) методика самооценки Т.В. Дембо–С.Я. Рубинштейн [7].

Полученные данные подвергались статистическому анализу с использованием:

- критерия Хи-квадрат (вариант, предназначенный для сравнения двух эмпирических распределений);
- критерия U Вилкоксона–Манна–Уитни (для обработки результатов ММРІ).

Для статистической обработки данных использовалась компьютерная программа SPSS Statistics 17.0 (выпуск 17.0.0).

Результаты (Т-баллы) по личностному опроснику ММРІ были сведены в таблицы отдельно по каждой группе, затем:

- 1) по каждому испытуемому были выделены две ведущие шкалы и произведено попарное сравнение всех эмпирических распределений;
- 2) в группах № 1 и № 2 были выведены средние профили по всем клиническим шкалам, которые сравнивались между собой;
- 3) в группах № 1 и № 2 проведено сравнение результатов (Т-баллов) по каждой клинической шкале.

Анализ результатов методики «Незаконченные предложения» производился двумя способами.

Способ № 1. В каждой группе были выделены 15 сфер отношений. Далее производилась количественная оценка вариантов завершения предложений, в ходе которой в каждом случае выявления проблемы присваивался 1 балл. Затем баллы по каждой из 15 сфер по каждому обследуемому суммировались. После этого суммированные результаты всех эмпирических распределений попарно сравнивались между собой.

Способ № 2. Была выделена группа предложений, объединенных понятием «Нереализованные возможности», в которую входят 4 предложения: № 3 («Я всегда хотел...»), № 18 («Я мог бы быть очень счастливым, если бы ...»), № 33 («Моим скрытым желанием в жизни...») и № 48 («Больше всего я хотел бы в жизни...»). Анализ содержания ответов на данные предложения в группах № 1–3 показал, что обследуемые фактически формулируют различного рода ценности, которые они хотели бы обрести (получить, добиться, и т. п.). Были выделены смысловые единицы содержания ответов и произведен замер частоты упоминания данных смысловых единиц. Затем суммированные результаты всех эмпирических распределений попарно сравнивались между собой.

Всего было выделено 11 смысловых единиц: «материальные ценности» («машина», «квартира», «богатство», «деньги» и т. п.), «семейные ценности» («дети», «семья» и т. п.), «профессиональные ценности» («работать», «расследовать» и т. п.), «карьерные ценности» («стать руководителем», «получить чин генерала» и т. п.), «духовные ценности» («заниматься искусством», «посещать разные страны» и т. п.), «ценности взаимоотношений» («любовь», «общение» и т. п.), «самореализация» («реализовать свои возможности» и т. п.), «избавление от проблемы» («стать более общительным» и т. п.), «здоровье» («здоровья близким», «дожить до старости» и т. п.), «генерализованные» («добро», «счастье» и т. п.), «неопределенные» («чего-то», «чтобы все было» и т. п.).

Анализ результатов шкал самооценки Т.В. Дембо–С.Я. Рубинштейн производился по высоте (пониженная, нормальная, повышенная, чрезмерно высокая) и по выраженности шкал с наименьшей актуальной самооценкой. После этого суммированные результаты эмпирических распределений попарно сравнивались между собой.

Описание результатов исследования

1. Анализ результатов ММРІ.

Как показано в табл. 1 и на рис. 1, наиболее часто в группе № 1 ведущими шкалами являются шкалы № 9 и № 4 (подавляющее большинство – до 70 Т-баллов). Согласно интерпретации данной методики, умеренное повышение профиля по шкале № 9 говорит об оптимистичности, общительности, повышенной энергичности, способности к высокой активности, чувстве благополучия, физической и психической продуктивности, непринужденности в общении [1, с. 123].

Пик по шкале № 4 указывает на пренебрежение к принятым общественным нормам, моральным ценностям. Поведение может быть плохо предсказуемо. Возникающие побуждения реализуются непосредственно, прогнозирование недостаточно. В межличностных отношениях проявляется поверхностность и нестойкость контактов [1, с. 86].

Сочетание пиков по шкалам № 9 и № 4 может представлять опасность с точки зрения совершения асоциальных поступков «от скуки», постоянное влечение к внешне возбуждающей ситуации [1, с. 128].

При этом указанные шкалы являются ведущими не только в группе № 1, но и в группах № 2 и № 3. Сравнение частотности ведущих шкал по ММРІ показало, что статистически значимая разница между группами № 1 и № 2, № 1 и № 3, № 2 и № 3 по данному параметру отсутствует.

Таблица 1

Частота ведущих шкал по ММРІ

№ шкалы	Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3
1	2	2	0
2	3	5	2
3	2	3	0
4	8	12	6
5	0	1	0

6	0	0	0
7	0	0	2
8	1	1	0
9	15	6	20
0	0	0	0

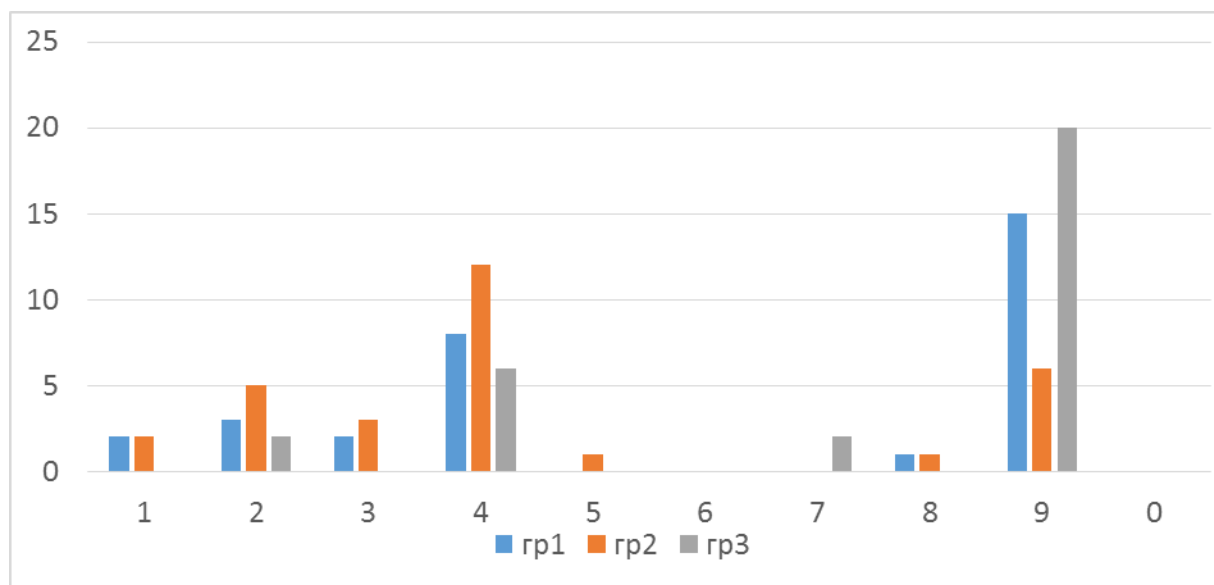

Рис. 1. Частота ведущих шкал по ММРІ

Сравнение средних профилей ММРІ по группам № 1 и № 2 показало следующее:

Таблица 2

Средние профили ММРІ по группам № 1 и № 2

№ групп	№ шкал по ММРІ									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Группа № 1	51,6	54,6	51,8	58	46,8	46,4	51,5	52,9	58,3	46,8
Группа № 2	55,8	55,7	56,3	60,8	50,4	49,2	51,6	56,4	56,5	45,9
Ведущие шкалы по средним профилям: группа № 1: 9, 4, 2, 8; группа № 2: 4, 9, 8, 3										

В соответствии с интерпретацией [1] указанных в таблице 2 сочетаний, средние профили групп № 1 и № 2 характеризуются следующими особенностями.

1. Группа № 1. Отмечается выраженное влечение к внешней возбуждающей ситуации. Отсутствие такого рода ситуаций может приводить к совершению асоциальных, опасных действий. Высокая активность сочетается с ощущением угрозы, беспокойством по поводу непризнания своей значимости. Проявляются затруднения в социальной адаптации, тенденция к тревоге, связанной с неспособностью строить свое поведение в соответствии с принятыми нормами. Затруднено усвоение негативного опыта.

2. Группа № 2. Склонность к авантюризму. Тенденции к асоциальному поведению могут свободно находить выход в непосредственных поступках. Однако ориентация на внешнюю оценку препятствует прямому асоциальному поведению. Асоциальные тенденции осуществляются социально приемлемым способом.

Сравнение результатов (Т-баллов) по каждой из клинических шкал по всем испытуемым в группах № 1 (n=30) и № 2 (n=30) показало наличие статистически значимых ($p \leq 0,05$) различий по шкалам № 1, 3 и 8 (табл. 3).

Таблица 3

Результаты статистической обработки результатов (Т-баллов) по клиническим шкалам № 1, 3 и 8 в группах № 1 и № 2 (критерий U Вилкоксона–Манна–Уитни)

1-я шкала		
№ групп	Средний ранг	$p = 0,018$
Группа № 1	25,17	
Группа № 2	35,83	
3-я шкала		
№ групп	Средний ранг	$p = 0,013$
Группа № 1	24,93	
Группа № 2	36,07	
8-я шкала		
№ групп	Средний ранг	$p = 0,048$
Группа № 1	26,07	
Группа № 2	34,93	

Таким образом, сотрудники, совершившие преступления, как и правопослушные сотрудники, отличаются оптимистичностью, повышенной энергичностью, способностью к высокой активности, сочетающимся с пренебрежением к принятым общественным нормам, моральным ценностям, склонности к непосредственной реализации побуждений. Однако правопослушные сотрудники за счет сравнительно более выраженной ориентации на внешнюю оценку склонны осуществлять асоциальные тенденции социально приемлемым способом. Данное обстоятельство может указывать на то, что в силу профессионального содержания деятельности, ее субъективной оценки, а также в целом особенностей кадровой ситуации на службу в органы внутренних дел приходит значительная доля людей, имеющих сходные, описанные выше индивидуально-психологические особенности. Однако для тех сотрудников, которые впоследствии

совершили преступления, в большей степени характерно отсутствие (или недостаточность) факторов, сдерживающих асоциальные тенденции.

2. Анализ результатов по методике «Незаконченные предложения».

Табл. 4 и рис. 2 показывают, что группа № 1 отличается от групп № 2 и № 3 выраженностью дисгармонии в различных сферах (выше общий балл, обозначающий наличие проблем). Наиболее дисгармоничными у группы № 1 в сравнении с группой № 2 являются такие сферы, как «отношение к себе» и «отношение к своему прошлому». Однако, статистически значимые различия между группами № 1 и № 2, № 1 и № 3 отсутствуют.

Таблица 4

Выраженность (в баллах) дисгармонии в различных сферах по результатам методики «Незаконченные предложения»

п/п	Наименование сферы	Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3
	Отношение к отцу	25	30	7
	Отношение к себе	21	11	14
	Нереализованные возможности	12	11	5
	Отношение к подчиненным	5	2	1
	Отношение к будущему	5	5	6
	Отношение к вышестоящим лицам	7	5	10
	Страхи и опасения	19	21	21
	Отношение к друзьям	2	1	1
	Отношение к своему прошлому	11	4	10
0	Отношение к женщинам	11	10	13
1	Сексуальные отношения	7	10	9
2	Отношение к семье	6	5	3
3	Отношение к сотрудникам	2	3	0
4	Отношение к матери	4	2	4
5	Чувство вины	14	12	12
	СУММА	151	132	116

Рис. 2. Результаты методики «Незаконченные предложения» (проблемные сферы)

Таким образом, для сотрудников, совершивших преступления, характерно более выраженное субъективное восприятие различных жизненных сфер как проблемных. Наиболее проблемными являются сферы, имеющие непосредственное отношение к личности обследуемых – удовлетворенность собой и своим прошлым. Это может указывать на большую личностную дисгармонию у сотрудников-правонарушителей по сравнению с правопослушными сотрудниками, обусловленную различного рода обстоятельствами.

Рассматривая частоту упоминания выделенных смысловых единиц при выполнении методики «Незаконченных предложений» (табл. 5) можно выделить следующую условную «структуру ценностей»:

а) у группы № 1 на первом месте – «семейные» («дети» и т. п.) и «генерализованные ценности» («добро» и т. п.), на втором месте – «материальные ценности» («машина», «богатство», «деньги» и т. п.), на третьем месте – «профессиональные ценности» («работать», «расследовать», «раскрывать» и т. п.);

б) у группы № 2 на первом месте – «семейные», на втором месте – «генерализованные», на третьем месте – «профессиональные ценности»;

в) у группы № 3 на первом месте – «неопределенные» («чего-то», и т. п.), на втором месте – «профессиональные» и «генерализованные ценности», на третьем месте – «семейные ценности».

Можно также отметить, что в группе № 1 чаще, чем в других группах, упоминаются «материальные ценности», а также менее, чем в других, упоминаются «духовные ценности» («заниматься искусством» и т. п.).

В результате сравнения частот упоминания выделенных смысловых единиц выявлены статистически значимые различия между группами № 1 и № 2 ($p \leq 0,05$).

Таблица 5

Частота упоминания смысловых единиц, выделенных при анализе группы предложений «Нереализованные возможности»

п/п	Содержание	Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3
	Материальные ценности	14	3	8
	Семейные ценности	19	24	12
	Профессиональные ценности	11	14	18
	Карьерные ценности	5	7	3
	Духовные ценности	2	7	8
	Ценности взаимоотношений	3	4	2
	Самореализация	4	5	2
	Избавление от проблемы	3	9	4
	Здоровье	0	6	4
0	Генерализованные	19	15	18
1	Неопределенные	6	6	22

Представляется возможным допущение о том, что смысловые единицы, выделенные при анализе группы предложений «Нереализованные возможности», могут быть в определенной степени соотнесены с личностными ценностями испытуемых.

Исходя из вышеуказанного допущения, можно предположить, что у лиц, входящих в группу № 1 (сотрудники-правонарушители), в отличие от групп № 2 и № 3, материальные ценности занимают одно из первых мест по значимости и являются одним из главных мотивов их деятельности. Социально одобряемые формы поведения в ситуации преобладания такого рода мотивов у людей, не являющихся сотрудниками ОВД, могут выражаться (в частности) в предприимчивости, совмещении разного рода профессиональной деятельности, высокой финансовой активности и т. п. Однако для сотрудников ОВД такого рода деятельность прямо запрещена, и законное достижение материального благополучия ограничивается для них лишь получением официальной заработной платы и социальным обеспечением. Таким образом, возникает определенное противоречие, которое может разрешаться, в частности, за счет совершения этими сотрудниками должностных нарушений и уголовно наказуемых деяний.

3. Анализ результатов по методике Дембо–Рубинштейн.

Рассматривая частоты равномерных самооценок можно отметить, что группа № 1 незначительно отличается от групп № 2 и 3 меньшим количеством повышенных самооценок, большим количеством пониженных и чрезмерно высоких (табл. 7). Таким образом, в группе № 1 несколько в большей степени, чем в других группах, проявляются крайние положения самооценки.

В частотах неравномерных самооценок группа № 1 несколько отличается от групп № 2 и 3 наиболее низкими результатами оценок по шкалам «Характер» и «Счастье».

Однако, статистически значимые различия между группами № 1 и № 2, № 1 и № 3, № 2 и № 3 отсутствуют.

Таблица 6

Частоты результатов по методике Дембо–Рубинштейн

Характеристика		Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3	
Равномерная самооценка	Чрезмерно высокая	2	0	2	
	Повышенная	6	10	13	
	Нормальная	2	1	3	
	Пониженная	2	1	0	
Неравномерная самооценка	Шкала наиболее низкими результатами	Здоровье	0	2	1
		Ум	2	5	6
		Характер	7	6	2
		Счастье	5	2	1
		Оптимизм	0	2	0
		Уверенность в себе	0	0	2

Полученные результаты могут указывать на то, что самооценка сотрудников-правонарушителей отличается несколько меньшей адекватностью. В случае ее устойчиво завышенного положения это выражается в нереалистичности самооценки, сниженной критичности, недостаточной личностной зрелости. При другом крайнем варианте – устойчиво заниженном положении – наблюдаются чрезмерная критичность, неудовлетворенность собой.

Кроме того сотрудники-правонарушители в сравнении с группами № 2 и № 3 субъективно ощущают себя наименее счастливыми. Их самовосприятие отличается меньшей удовлетворенностью собой, своими поступками и личностными особенностями. Похожие особенности выявлены по описанным выше результатам выполнения методики «Незаконченные предложения».

Выводы

1. Проведенное эмпирическое исследование показало, что существуют некоторые отличия между индивидуально-психологическими особенностями личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, и индивидуально-психологическими особенностями правопослушных сотрудников, а также правопослушных лиц, не являющихся сотрудниками, а именно:

1.1. Более выражена дисгармония в различных сферах жизни (выявлено по результатам выполнения методик «Незаконченные предложения», Дембо–Рубинштейн), особенно в таких сферах, как «отношение к себе» и «отношение к своему прошлому».

1.2. Несколько большая выраженность пониженной, либо наоборот, чрезмерно высокой самооценки, а также самые низкие результаты оценок по шкалам «Характер» и «Счастье» (по методике Дембо–Рубинштейн).

В целом сопоставление вышеописанных результатов указывает на то, что сотрудники, совершившие преступления, субъективно ощущают себя менее счастливыми, их самовосприятие отличается меньшей удовлетворенностью собой, своими поступками и личностными особенностями.

Однако, указанные в пунктах 1.1. и 1.2. различия не достигают уровня статистической значимости.

2. Исходя из допущения о соотносимости выделенных смысловых единиц (по методике «Незаконченные предложения») с личностными ценностями испытуемых, отмечается различие содержания и структуры личностных ценностей, в частности: в группе № 1 чаще, чем в группах сравнения, упоминаются «материальные ценности», а также менее часто упоминаются «духовные ценности». Кроме того, в структуре ценностей в группе № 1 «материальные ценности» находятся на втором месте (по частоте упоминания), при том, что в группе № 2 материальные ценности располагаются на последнем (одиннадцатом) месте, в группе № 3 – на четвертом месте. Таким образом, у сотрудников, совершивших преступления, материальные ценности занимают одно из первых мест по значимости и являются одним из главных мотивов их деятельности.

3. Сравнение профилей ММРІ в группах № 1 и № 2 показало, что они в целом схожи по ведущим шкалам (преобладают шкалы 9-я и 4-я) и их высоте. Однако при этом правопослушным сотрудникам в отличие от сотрудников-правонарушителей в большей степени присуща ориентация на внешнюю оценку (что определяется сравнительно большей выраженностью 3-й шкалы), которая может препятствовать прямому асоциальному поведению. Кроме того, правопослушных сотрудников отличает несколько большая выраженность ипохондрических тенденций (1-я шкала), что в целом снижает риск асоциального поведения.

Указанные в пунктах 2 и 3 различия являются статистически значимыми ($p \leq 0,05$).

4. Гипотеза о том, что ведущее отличие индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение умышленных преступлений, от индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, не совершавших преступления, состоит в различии главных ценностей личности, принятых человеком в качестве главных мотивов деятельности, а также в структуре и иерархии данных ценностей, в результате проведенного исследования нашла частичное подтверждение.

5. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют дать следующие рекомендации практическим психологам по выявлению психологических особенностей личности, характерных для сотрудников органов внутренних дел, совершивших умышленные преступления.

5.1. В ходе психодиагностических мероприятий рекомендуется *целенаправленно выявлять содержание и структуру ценностей личности*, используя в этих целях как специальные методики (например, тест Рокича), так и иные методики исследования личности (в частности, «Незаконченные предложения»), а также такие методы, как наблюдение и беседа.

5.2. Рассматривая результаты выполнения личностных опросников (ММПИ), при выявлении тенденций к пренебрежению социальными нормами рекомендуется *обращать внимание на обнаружение наличия либо отсутствия тенденций, сдерживающих асоциальное поведение*, что в совокупности с другими данными может быть использовано в построении прогноза поведения.

5.3. Представляется продуктивным проведение целенаправленного анализа архивных материалов психодиагностических исследований действующих сотрудников органов внутренних дел, поскольку такой подход имеет ряд преимуществ, а именно:

- в связи с наличием психодиагностических материалов на сотрудников нет необходимости в проведении дополнительных психодиагностических мероприятий (при наличии в материалах результатов соответствующих методик), что повышает экономичность и снижает трудоемкость решения поставленной задачи;

- в результате данного анализа можно получить ограниченный круг лиц (условную «группу риска»), с которыми могут быть проведены углубленные психодиагностические, профилактические и иные мероприятия.

5.4. Необходимо помнить, что само по себе наличие характерных ценностей и их структуры может иметь только ориентировочное значение и не говорит об «обязательности» и «неотвратимости» совершения данным сотрудником преступления (в прошлом или будущем), поскольку на конкретное преступное поведение может влиять значительное число как внешних (ситуативных), так и внутренних (личностных) факторов и их многообразных сочетаний.

Литература

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). 3-е изд. испр. и доп. М.: Консультант плюс – новые технологии, 2011. 320 с.
2. Борисова С.Е. В условиях риска, или «Выгорание» по-милицейски // Служба кадров. 2002. № 7. С. 84–87.
3. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Формирование правосознания и личности юриста в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3 (42). С. 25–28.
4. Лютых В.А., Коноплева И.Н. Психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. – С. 86–101. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72730.shtml> (дата обращения: 21.02.2016).
5. Пиняева С.Е., Андреев Н.В. Определение профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 1. С. 25–29.
6. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2005. 672 с.
7. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике: практическое руководство. – М.: Апрель-Пресс. Психотерапия, 2007. 224 с.

Individual psychological features of law enforcement officers convicted of crimes

Lyutykh V.A., *Psychologist, Head Office of the Ministry of the Internal Affairs of Russia in Moscow (victor_l@inbox.ru)*

Konopleva I.N., *PhD in psychology, associate professor, chair of legal psychology, Department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (konopleva.i.n@gmail.com)*

The relevance of this topic is caused by a significant number of crimes committed by law enforcement officers and the necessity of active prevention. The aim of the study was to determine the individual psychological characteristics of law enforcement officers convicted of intentional crimes. The hypothesis was suggested that the main difference of individual psychological characteristics of law enforcement officers convicted of intentional crimes from individual psychological characteristics of law-abiding law enforcement officers is the difference between the principal values of the person both the main motives of activity adopted by an individual and the structure and the hierarchy of these values. This article describes the progress and results of empirical research conducted on the materials of psychodiagnostic examination of: employees who have been convicted of intentional crimes; law-abiding employees; people entering an internal affairs agency. Test subjects - men 18-46 years old, 90 people. Recommendations for practical psychologist of internal affairs agencies on detection of individual psychological personality features typical for law enforcement officers convicted of intentional crimes are formulated based on the obtained results.

Keywords: law enforcement officers' crimes, law enforcement officer's personality, individual psychological features, professional psychological selection, personal values.

References

1. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Sokolova E.D. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti (struktura, osnovy interpretacii, nekotorye oblasti primeneniya). Tret'e izdanie (ispravlennoe i dopolnennoe) – Moscow: «Konsul'tant plyus – novye tekhnologii», 2011. – 320 p.
2. Borisova S.E. V usloviyah riska, ili «vygoranie» po-milicejski. Sluzhba kadrov. – 2002. – № 7. – Pp. 84-87.
3. Konopleva I.N., Kalyagin YU.S. Formirovanie pravosoznaniya i lichnosti yurista v vuze. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2010. – № 3 (42). – Pp. 25-28.
4. Lyutykh V., Konopleva I.N. Psihologicheskie i kriminologicheskie aspekty prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami organov vnutrennih del [Psychological and criminological aspects of the crimes committed by members of the internal affairs bodies]. [Elektronnyj

- resurs] *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 3. Pp. 86–101. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72730.shtml> (Accessed: 21.02.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Pinyaeva S.E., Andreev N.V. *Opređenje professional'noj deformacii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah.* – 1998. – № 1. – Pp. 25-29.
 6. *Praktičeskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy. Učebnoe posobie.* D.YA. Rajgorodskij (red.-sost.). – Samara: Bahrah-M, 2005. – 672 p.
 7. Rubinshtejn S.YA. *Eksperimental'nye metodiki patopsihologii i opyt primeneniya ih v klinike: praktičeskoe rukovodstvo.* – Moscow: Aprel'-Press, Psihoterapiya, 2007. – 224 p.

Гендерные особенности правосознания у сотрудников органов внутренних дел

Кузнецова О.В., старший психолог ОРЛС ОМВД России по городу Северодвинску Архангельской области (sergachewa@yandex.ru)

В статье приводятся результаты эмпирического исследования уровня сформированности правосознания у сотрудников органов внутренних дел. Изучение гендерных особенностей сотрудников в настоящее время становится все более актуальным и связано с постоянным увеличением количества женщин, поступающих на службу в органы внутренних дел. В исследовании принимали участие 160 мужчин-сотрудников и 120 женщин-сотрудников. Анализ полученных результатов позволил выявить общую тенденцию в функционировании правосознания, характерную для мужчин-сотрудников и для женщин-сотрудников, которая проявляется в хорошем уровне правовых знаний, достаточном понимании групповой относительности морально-этических норм и вместе с тем в гражданской пассивности, нежелании проявлять инициативу. Такая тенденция отражает определенную позицию, при которой права человека рассматриваются односторонне, с точки зрения его свободы, независимости, личностного самоутверждения в отрыве от ответственности, долга, гражданских обязанностей. Установлено, что у женщин-сотрудников уровень сформированности правосознания выше, чем у мужчин-сотрудников. Это позволило сделать вывод о более высокой готовности женщин-сотрудников к соблюдению правовых норм и требований.

Ключевые слова: правосознание, правовые нормы, правовой нигилизм, мужчины-сотрудники ОВД, женщины-сотрудники ОВД.

Для цитаты:

Кузнецова О.В. Гендерные особенности правосознания у сотрудников органов внутренних дел. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 142-151.

doi: 10.17759/psylaw.2016060211

For citation:

Kuznetsova O.V. Gender characteristics of legal conscience in internal affairs agencies staff. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no.2 pp.142-151.

doi: 10.17759/psylaw.2016060211

Проблема правосознания, изучения его реального уровня, состояния, содержания относится к числу ключевых, основополагающих научных направлений юридической

психологии. С ее решением связаны задачи укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности и качества деятельности правоохранительных органов, борьбы с преступностью и предупреждения причин, ее порождающих, постижения глубинных содержательно-психологических механизмов социального взаимодействия людей, познания движущих сил и внутренних регуляторов юридически значимого поведения [7].

В литературе представлено широкое понимание понятия «правосознания как сферы общественного или индивидуального сознания, включающей правовые знания, отношение к праву и правоприменительной деятельности [6]. С точки зрения правоприменительной деятельности, правосознание – одна из форм человеческого сознания, отражающая правовую действительность в виде юридических знаний, идей, представлений и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых обстоятельствах [1; 5].

С точки зрения психологии личности, правосознание понимается как присущая человеку система представлений, основанных на понимании роли закона, правовых норм в регулировании взаимоотношений между гражданами государства, между личностью и государством, под воздействием которых складываются установки на подчинение этим нормам. Развитость правового сознания является стабилизирующим фактором, способствующим совершенствованию гражданского общества [9].

Л.А. Ясюкова в своих работах указывает, что пониманию психологической сути правосознания способствуют следующие положения: во-первых, правосознание является частью обыденного сознания, так как его становление происходит в большей степени стихийно, его внутренняя структура может быть противоречива, может включать не только рациональные, но и эмоциональные компоненты; во-вторых, правосознание имеет в своей основе морально-нравственные установки, но не сводимо к ним и является вполне специфическим образованием, изучение его психологического содержания не должно ограничиваться рамками ценностно-этического подхода [10].

Юридическая психология добавляет, что личностное отношение к правам и обязанностям – это проявление степени усвоения социального, выражаемого в характере принимаемых решений, в мотивах, способах и средствах реализации правовых норм [2].

Таким образом, оценивая уровень сформированности правосознания, можно говорить о степени готовности личности придерживаться правовых норм и требований, о соблюдении этих норм и требований, что имеет особое значение для служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Вопросы правосознания многими авторами поднимаются для обсуждения и признаются актуальными как в контексте гражданского общества, так и в контексте правоохранительной деятельности (А.М. Столяренко, Н.В. Баранникова, Н.Б. Иглина, В.В. Хадыкина и др.). В литературе имеются сведения об исследовании юридических аспектов правосознания (Е.А. Белканов, А.Б. Венгеров, С.С. Алексеев, Н.Л. Гранат, Т.В. Синюкова), о социально-психологическом изучении правосознания (А.Р. Ратинов, А.М. Столяренко, Л.А. Еремеева, Г.Х. Ефремова, В.И. Каминская, И.И. Карпец, В.Я. Рыбальская, В.А. Щегорцов) и об изучении аспектов правосознания, связанных с правоохранительной деятельностью (Э.Е. Абдрашитов, В.Л. Васильев, В.Ф. Бохан, П.П. Баранов, Д.С. Безносков, В.Е. Асцатурова, Н.В. Кожевникова, О.А. Бурканова, Е.А. Жуков, А.Ф. Колотов, А.П. Лысков, А.Д. Магденко, О.В. Пристанская, С.П. Рожков, О.Д. Ситковская, В.М. Столовский, Т.А. Титаренко, Е.М. Юцкова).

Но психологических исследований, посвященных изучению уровня сформированности и гендерных особенностей правосознания у сотрудников ОВД, в доступной литературе не обнаружено.

В изучении уровня сформированности правосознания можно выделить несколько путей.

С одной стороны, изучать и оценивать правосознание можно в нормативно-оценочном контексте: высокий уровень – «хорошо», низкий уровень – «плохо». Но в этом случае результаты исследования рискуют упереться в «идеальный образ» и закончиться на уровне теоретических рассуждений о важности и значимости.

С другой стороны, оценивая действительную картину сформированности правосознания личности, важно изучать психологические механизмы, обеспечивающие усвоение и функционирование социальных и правовых норм в реальном поведении человека.

Настоящее исследование не претендует на универсальное решение всей проблемы правосознания. Это попытка пойти по второму пути и обозначить характерные тенденции в функционировании правосознания у сотрудников органов внутренних дел.

Гендерный аспект в исследовании правосознания сотрудников органов внутренних дел в настоящий период становится особо актуальным. Это связано с тем, что женщины в последние годы активно поступают на службу в органы внутренних дел. По данным ДГСК МВД России, службу в ОВД сейчас проходят около 200 тысяч женщин, что составляет более 20% от общей численности личного состава органов внутренних дел. Наблюдается устойчивая тенденция постоянного увеличения доли женщин среди личного состава органов внутренних дел Российской Федерации – число женщин, состоящих на должностях среднего и старшего начальствующего состава, неуклонно растет: 2002 г. – 13,8%; 2003 г. – 15,1%; 2004 г. – 15,6%; 2005 г. – 16,8%; 2006 г. – 16,9%; 2007 г. – 18,0%; 2008 г. – 18,9%; 2009 г. – 19,1%; 2010 г. – 19,7%, 2011 г. – 19,9%, 2012 г. – 20,2%, 2013 г. – 20,9%, 2014 г. – 21,1%. В настоящий период женщины проходят службу практически на всех должностях в органах внутренних дел: по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних – 79,0% составляют женщины-сотрудники; по организации дознания – 73,0%; следствия – 58,9%; в кадровой – 54,0%; экспертно-криминалистической – 35,7%; вневедомственной охране – 11,4%; уголовном розыске – 8,7%; ГИБДД – 9,5%; в патрульно-постовой службе – 9,6% [8].

В свете сказанного, задачей исследования стало изучение уровня сформированности правосознания, готовности придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях у сотрудников органов внутренних дел, установление взаимосвязи данного феномена с гендерными особенностями личного состава.

В исследовании принимали участие сотрудники ОВД в количестве 280 человек (160 мужчин и 120 женщин). Выборка сотрудников ОВД представлена рядовым, инспекторским и руководящим составом.

В работе использована методика изучения правосознания, разработанная в Санкт-Петербургском государственном университете коллективом лаборатории социальной психологии под руководством Л.А. Ясюковой. Эта методика позволяет количественно и качественно оценить уровень сформированности индивидуального правосознания, прогнозировать готовность людей придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях. Автор выделяет четыре относительно

самостоятельные сферы функционирования правосознания: бытовую, профессионально-деловую, социально-гражданскую и правовые знания. Правовые знания выделены в отдельную сферу и, учитывая тот факт, что знания еще не обеспечивают соответствующих поведенческих установок, в суммарном показателе они считаются лишь частично (в соответствии с факторным весом). Оценить сформированность правосознания предлагается по уровням развития: 1-й уровень – «правовой нигилизм»; 2-й уровень – «противоречивое и неполноценное правосознание»; 3-й уровень – «правосознание в основном сформировано»; 4-й уровень – «правосознание сформировано полностью» [10].

По результатам психологической диагностики сотрудников органов внутренних дел были получены средние значения общего уровня сформированности правосознания с учетом гендерных особенностей испытуемых. Среднее значение общего уровня сформированности правосознания мужчин-сотрудников ОВД равно 17,46. Такое значение находится в рамках *противоречивого и неполноценного правосознания* (2-ой уровень) и характерно для «не полностью сформированного» правосознания. Среднее значение уровня сформированности правосознания у женщин-сотрудников ОВД равно 19,0 и находится в рамках *«в основном сформированного» правосознания* (3-й уровень). Данный уровень является более высоким и характерен для личности, которая в своей деятельности старается не нарушать существующие законы и различные положения, достаточно надежна в деловой сфере, корректна в деловом взаимодействии.

Далее в исследовании были определены средние значения правосознания у мужчин-сотрудников и женщин-сотрудников по сферам функционирования (рис. 1). Как видно из рисунка, у всех обследованных выявлены высокие значения в области правовых знаний (все значения находятся в рамках 3-го уровня). Также в рамках 3-го уровня находятся значения бытовой сферы функционирования правосознания, которые характеризуются достаточным пониманием групповой относительности морально-этических норм, способностью понять и принять систему жизненных ценностей другого человека. Значения деловой сферы находятся в рамках среднего (второго уровня), которые характеризуются склонностью действовать в соответствии с правилами и законами, соблюдением договорных обязательств, средним уровнем надежности в деловой сфере.

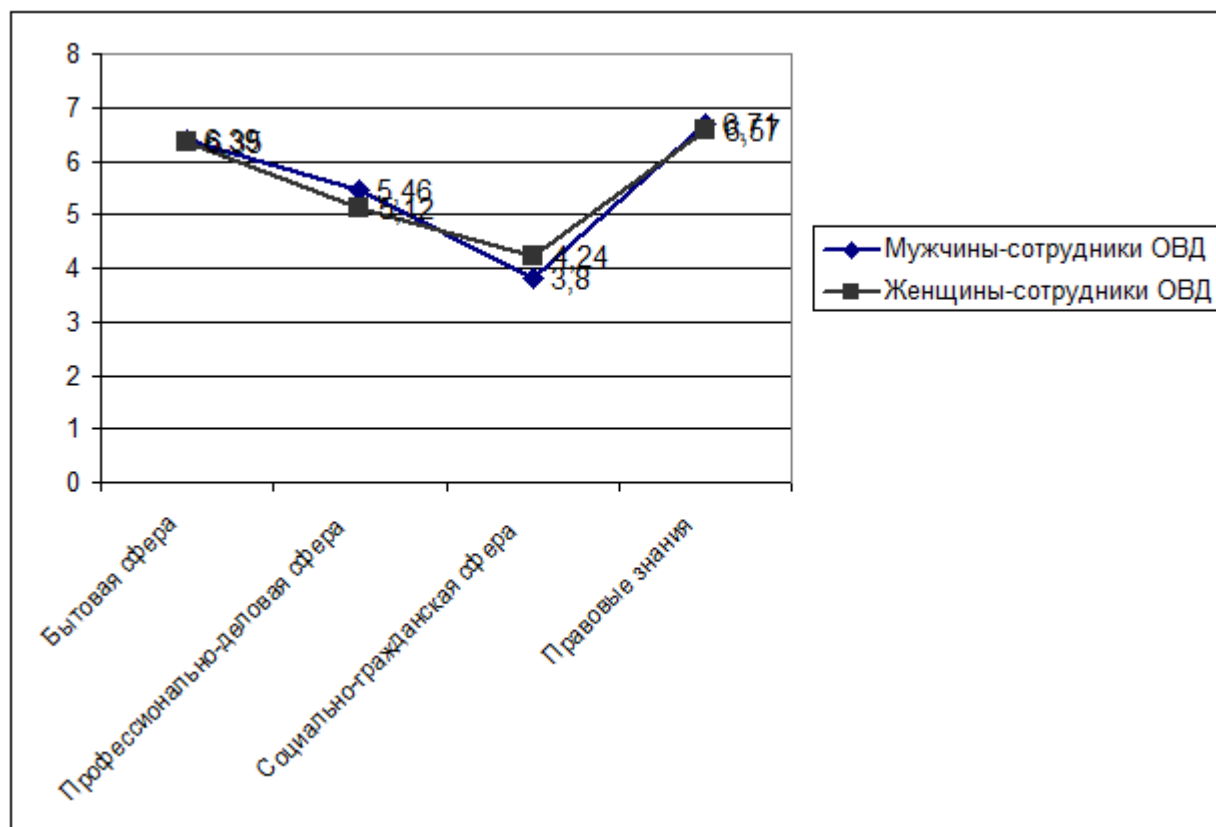

Рис. 1. Средние значения по сферам функционирования правосознания у сотрудников ОВД

Самые низкие значения правосознания у обследованных выявлены в социально-гражданской сфере. Это говорит о слабой сформированности правосознания, которая выражается в пассивности, нежелании проявлять инициативу, прикладывать личные усилия, самостоятельно искать выход из сложных ситуаций и о сниженной гражданской ответственности. Такой человек часто ожидает, а нередко и требует, чтобы кто-то (государство, начальник, родители) заботились о нем и обеспечивали всем необходимым.

Обобщая данные результаты, можно говорить о том, что уровень сформированности правосознания у женщин-сотрудников выше, чем у мужчин-сотрудников. При этом в функционировании правосознания выявлена общая тенденция, которая характерна и для мужчин-сотрудников, и для женщин-сотрудников. Эта тенденция проявляется в хорошем уровне правовых знаний, достаточном понимании групповой относительности морально-этических норм и вместе с тем в гражданской пассивности, нежелании проявлять инициативу, брать на себя ответственность. Такая тенденция может отражать определенную позицию, при которой права человека рассматриваются односторонне, с точки зрения его свободы, независимости, личностного самоутверждения в отрыве от ответственности, долга, гражданских обязанностей.

В дальнейшем было получено распределение значений по уровням сформированности правосознания мужчин-сотрудников и женщин-сотрудников (табл. 1, рис. 2).

Результаты показали, что высокий уровень правосознания определен у 13,8% женщин-сотрудников и у 3,1% мужчин-сотрудников. Данный уровень правосознания характеризуется осознанностью необходимости формально-правового регулирования,

абсолютной надежностью в деловых отношениях, умением корректно взаимодействовать с широким кругом людей.

Таблица 1

Распределение индивидуальных значений по уровням сформированности правосознания у сотрудников ОВД

Сотрудники ОВД	Уровни правосознания, %			
	Низкий правовой нигилизм	Средний	Выше среднего	Высокий
Мужчины (n-160)	20,0	42,5	34,4	3,1
Женщины (n-120)	17,5	32,5	36,3	13,8

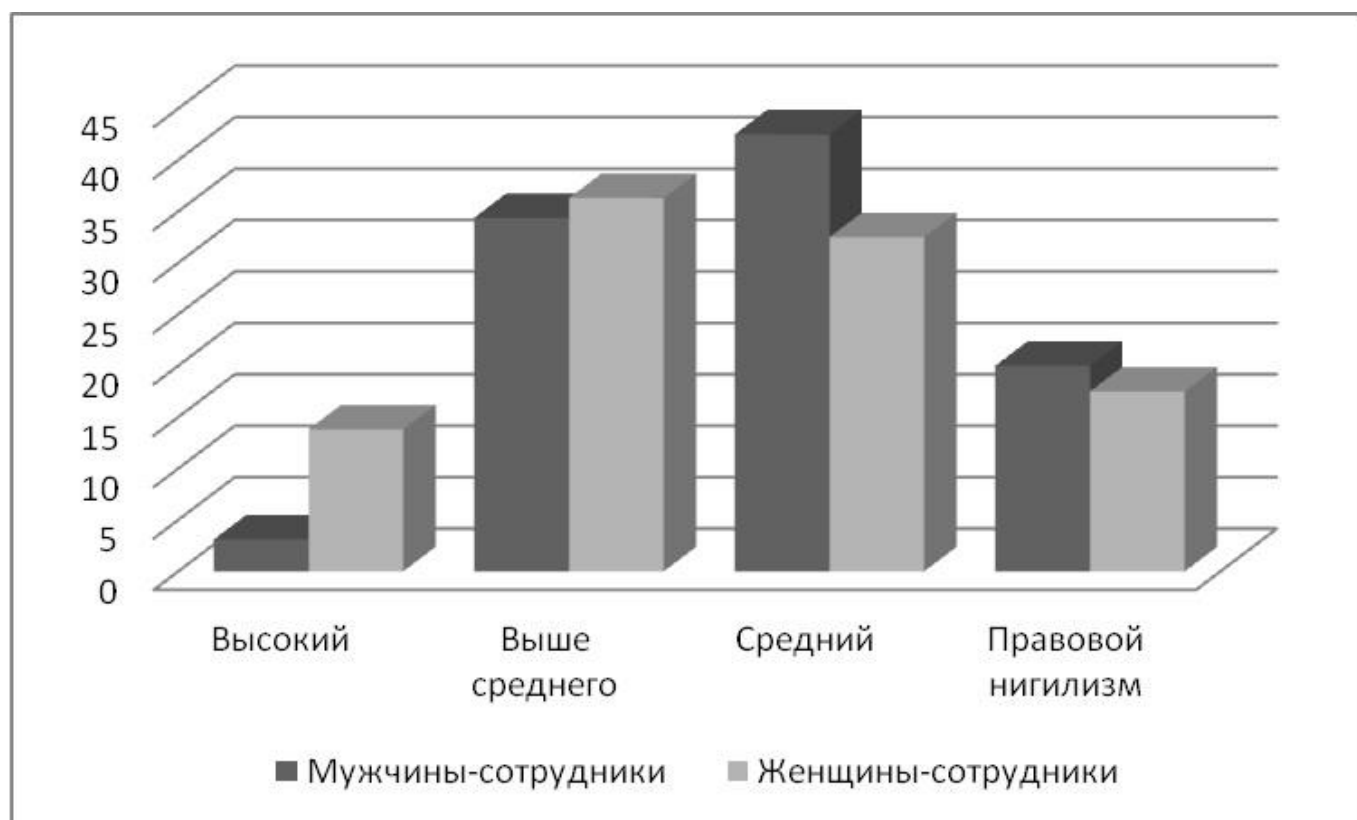

Рис. 2. Сравнение уровней сформированности правосознания у мужчин-сотрудников и женщин-сотрудников ОВД

Уровень правосознания выше среднего определен у 36,3% женщин-сотрудников и у 34,4% мужчин-сотрудников. Данный уровень характеризуется тем, что человек в своей деятельности старается не нарушать существующие законы и различные положения, достаточно надежен в деловой сфере, корректен в деловом взаимодействии.

Средний уровень правосознания определен у 32,5% женщин-сотрудников и у 42,5% мужчин-сотрудников. Данный уровень характерен «не полностью сформированным» правосознанием.

По представленным результатам видно, что низкий уровень сформированности правосознания, характеризующийся как правовой нигилизм (отрицание правил и норм, асоциальность поведения), выявлен у 20% мужчин-сотрудников и у 17,5% женщин-сотрудников. Обращает на себя внимание тот факт, что из всех мужчин-сотрудников с правовым нигилизмом 44% имеют стаж службы в ОВД более 10 лет (8,8% от общего количества); из всех женщин-сотрудников с правовым нигилизмом 14,3% имеют стаж службы в ОВД более 10 лет (2,5% от общего количества).

Правовой нигилизм рассматривается как вариант ориентации на эмоциональные, субъективные морально-нравственные установки, которые человек разделяет сам. Указывается, что такая ориентация может компенсировать неразвитость правового регулирования и в силу ущербности самой морали (лгать можно) несовместима с профессиональным сознанием. Более того, абсолютизация эмоционального аспекта оценки человеческих поступков может привести к искажению и деформации морали. В случае же слабого развития нравственных начал у личности актуализируются другие, еще более субъективные системы ориентации в отношении с законом, главная из которых – «право силы» [10]. Поэтому правовой нигилизм у мужчин-сотрудников со сроком службы более 10 лет скорее всего может говорить об одной из форм деформации правового сознания, которая в литературных источниках выделяется как весьма распространенная в ОВД [3; 4].

Обобщение результатов исследования, характеризующих уровень сформированности правосознания у женщин-сотрудников с различным сроком службы в ОВД (более высокий уровень), позволяет утверждать, что у женщин-сотрудников более выражена готовность к соблюдению правовых норм. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что на протяжении всей службы женщины-сотрудники могут являться носителями социально-позитивного образа сотрудника ОВД, поддерживая тем самым социальную значимость правоохранительной деятельности и имидж сотрудника полиции в современном обществе. Изучение действительной картины сформированности, функционирования, особенностей правосознания у сотрудников ОВД позволит определять приоритетные направления в работе с личным составом, эффективно распределять силы и средства, строить прогнозы и профилактическую работу.

Полученные в исследовании результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. У женщин-сотрудников ОВД обнаружен более высокий уровень сформированности правосознания, что позволяет говорить о том, что женщины-сотрудники являются носителями социально-позитивного образа сотрудника ОВД, поддерживая тем самым социальную значимость правоохранительной деятельности и имидж сотрудника полиции в современном обществе.

2. Выявлена общая тенденция в функционировании правосознания у мужчин-сотрудников и у женщин-сотрудников ОВД, которая проявляется в хорошем уровне правовых знаний, достаточном понимании групповой относительности морально-этических норм и при этом в гражданской пассивности, нежелании проявлять инициативу, брать ответственность на себя.

3. Правосознание у значительного числа мужчин-сотрудников, имеющих стаж службы в органах внутренних дел более 10 лет, находится на уровне правового нигилизма, что может свидетельствовать об их деформированном правосознании, приводящем к различного рода нарушениям служебной дисциплины и законности.

Литература

1. Баранникова Н.В. Формирование правосознания у курсантов и слушателей юридических вузов системы МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах: научно-практический журнал. 2008. № 4 (35). С. 6–9.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2001. 640 с.
3. Калягин Ю.С., Коноплева И.Н. Личностные проявления профессиональной деформации субъектов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. № 1. С. 120–130. URL. http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39942.shtml (дата обращения: 12.04.2016).
4. Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007. 168 с.
5. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Формирование правосознания и личности юриста в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 25–28.
6. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.П. Ярошевского. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 512 с.
7. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
8. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2015 год: сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2016. 74 с.
9. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1–13.
10. Ясюкова Л.А., Самойлова В.А. Состояние и тенденции развития правосознания в современном российском обществе // Человек и общество: Научный и общественный альманах. Выпуск № 31. Санкт-Петербургский университет, 2005. С. 60–84.

Gender characteristics of legal conscience in internal affairs agencies staff

Kuznetsova O.V., Senior Psychologist, Personnel Service, Department of Russian Ministry of Internal Affairs, Severodvinsk, the Arkhangelsk Region (sergachewa@yandex.ru)

This article presents the empirical research results of the level of legal conscience forming in law enforcement officials. The study of gender specifics of personnel is now becoming more and more relevant due to a constant increase in the number of women entering the Ministry of Internal Affairs service. The study involved 160 male and 120 female staff members. Analysis of the results revealed a general legal conscience trend typical for male and female employees which manifests in a high level of legal knowledge, adequate understanding of group relativity of moral and ethical norms, civic un-engagement and disinterest to leadership role. This trend reflects a certain viewpoint when human rights are considered to include only freedom, independence and personal self-assertion without responsibility and civic duties. It was found that female employees have higher level of legal conscience forming than male employees. This led to the conclusion of a high-availability of female employees to comply with legal regulations and requirements.

Keywords: legal conscience, legal regulations, legal nihilism, male law enforcement officials, female law enforcement officials.

References

1. Barannikova N.V. Formirovanie pravosoznaniya u kursantov i slushatelej juridicheskikh vuzov sistemy MVD Rossii [Formation of Legal Awareness of Cadets and Students of Law Institutes of Russian Interior]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah: nauchno-prakticheskij zhurnal. Omsk, 2008. № 4 (35). pp. 6–9.
2. Vasil'ev V.L. Juridicheskaja psihologija [Juridical psychology]. SPB.: Publ. Piter, 2001. 640 p.
3. Kalyagin Yu.S., Konopleva I.N. Lichnostnye projavlenija professional'noj deformacii subektov operativno-rozysknoj dejatel'nosti [The Personal Manifestations of Professional Deformation in Agents of Investigative Activity] [Elektronnyj resurs]. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2058.phtml> (data obrashhenija: 12.04.2016).
4. Karavaev A.F., Mar'in M.I., Petrov V.E. Osnovy psihoprofilaktiki professional'noj deformacii lichnosti sotrudnikov organov vnutrennih del: uchebnoe posobie [Basics of psychoprophylaxis of professional deformation of the person of the Internal Affairs Agencies employees]. Omsk: Publ. Omskaja akademija MVD Rossii, 2007. 168 p.

5. Konopleva I.N., Kaljagin Ju.S. Formirovanie pravosoznaniya i lichnosti jurista v vuze. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. Omsk: Omskaja akademija MVD Rossii. № 3(42). 2010. S. 25–28.
6. Kratkij psihologicheskij slovar' [Short psychological dictionary] / pod red. A.V. Petrovskogo, M.P. Jaroshevskogo. Rostov na Donu: Publ. Feliks, 1999. 512 p.
7. Prikladnaja juridicheskaja psihologija: uchebnoe posobie dlja vuzov [Applied legal psychology] / pod red. prof. A.M. Stoljarenko. Moscow: Publ. JuNITA-DANA, 2001. 639 p.
8. Svedenija o sostojanii raboty s kadrami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za 2015 god [Data about the status of the work with the Internal Affairs Agencies employees of the Russian Federation for 2015]. Moscow, 2016. 74 p.
9. Jasjukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitija [Legal awareness: diagnosis and regularity of development]. Prikladnaja psihologija. 2000. № 4. pp. 1–13.
10. Jasjukova L.A., Samojlova V.A. Sostojanie i tendencii razvitija pravosoznaniya v sovremennom rossijskom obshhestve [Status and trends of development of legal consciousness in contemporary Russian society]. Chelovek i obshhestvo: nauchnyj i obshhestvennyj al'manah . – Sankt-Peterburgskij universitet, 2005. vypusk № 31. pp. 60–84.